

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК · ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
АЛЬМАНАХ ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Адам & Ева
Adam & Eve

GENDER HISTORY YEARBOOK

2017

Москва

№25

ББК 63.3

A 281

Главный редактор

А.Ю. СЕРЕГИНА

Ответственный редактор

А.В. СТОГОВА

АДАМ & ЕВА. Альманах гендерной истории.

Под ред. А.Ю. Серегинной. Отв. ред. А.В. Стогова – № 25. Москва: ИВИ РАН, 2017. – 358 с.

ADAM & EVE. Gender History Review.

Chief Editor: Anna Seregina. Editor: Anna Stogova – № 25. Moscow: IGH RAS, 2017. – 358 p.

Альманах «Адам & Ева» – первое в России периодическое издание, специально посвященное проблемам гендерной истории, которая является составной частью междисциплинарного направления в социальном и гуманитарном знании. Авторы используют широкие возможности гендерного анализа в изучении различных исторических эпох и сфер человеческой деятельности, рассматривая прошлое и настоящее сквозь призму взаимоотношений между полами и социокультурных представлений о «мужском» и «женском».

ЭЛ № ФС 77-54410

ISSN 2307-8383

© Коллектив авторов, 2017

© Институт всеобщей истории РАН, 2017

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

АННА СЕРЕГИНА

Редакторы

ЕКАТЕРИНА КИРИЛЛОВА

МАРИЯ НЕКЛЮДОВА

МАЙЯ ПЕТРОВА

АННА СТОГОВА

ОЛЬГА ТОГОЕВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ЛОРИНА РЕПИНА

(Москва)

ИДА БЛУМ

(Норвегия)

МАРИНА ВИНОКУРОВА

(Москва)

КРИСТИНА ВОРОБЕК

(США)

НАТАЛИ ЗЕМОН ДЕВИС

(Канада)

ОЛЬГА ДЕМИДОВА

(С.-Петербург)

ЮРИЙ ЗАРЕЦКИЙ

(Москва)

ГАЛИНА ЗВЕРЕВА

(Москва)

КАТРИОНА КЕЛЛИ

(Великобритания)

МАРИАННА ЛИЛЬЕСТРЕМ

(Финляндия)

НАТАЛЬЯ ПУШКАРЕВА

(Москва)

МИШЕЛЬ ПЕРРО

(Франция)

ЭЛИЗАБЕТ ШОРЕ

(Германия)

СЕМЕН ЭКШТУТ

(Москва)

EDITORIAL BOARD

Chief editor

ANNA SEREGINA

Editors

EKATERINA KIRILLOVA

MARIA NEKLYUDOVA

MAYA PETROVA

ANNA STOGOVA

OLGA TOGOEVA

EDITORIAL COUNCIL

LORINA REPINA

(Moscow)

IDA BLOM

(Norway)

MARINA VINOKUROVA

(Moscow)

CHRISTINE WOROBEC

(USA)

NATALIE ZEMON DAVIS

(Canada)

OL'GA DEMIDOVA

(S.-Petersburg)

JURI ZARETSKIY

(Moscow)

GALINA ZVEREVA

(Moscow)

CATRIONA KELLY

(United Kingdom)

MARIANNE LILJESTROM

(Finland)

NATALIA PUSHKAREVA

(Moscow)

MICHELLE PERROT

(France)

ELISABETH CHEAURE

(Germany)

SEMEN EKSHUT

(Moscow)

Поздравляем!	6
МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ	
Сазонова А.А. ГОЛОСА ЖЕНЩИН, ЖИВОТНЫХ И МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В АВТОРСКОМ НАРРАТИВЕ АЛЬДХЕЛЬМА	8
Герштейн А.Б. «КОРОЛЬ ГОВОРIT»: ВЫСКАЗЫВАНИЕ И МОЛЧАНИЕ РУДОЛЬФА ГАБСБУРГА КАК ПРИЁМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПРАВИТЕЛЯ В ХРОНИКАХ XIV В.	33
Тогоева О.И. «ПРЕНИЯ, ПРЕИСПОЛНЕННЫЕ ЛЮБЕЗНОСТИ». КРИСТИНА ПИЗАНСКАЯ И ЕЕ ОППОНЕНТЫ – МУЖЧИНЫ В СПОРЕ О «РОМАНЕ О РОЗЕ»	50
Крылова Ю.П. БЕЗ ГНЕВА И ПЕЧАЛИ. ДАМА – ПРАВИТЕЛЬНИЦА В ДИАЛОГЕ С ПРИДВОРНЫМ (XV В.)	72
Павлова С.Ю. ЖЕНСКИЙ ГОЛОС В «МЕМУАРАХ» ГОРТЕНЗИИ МАНЧИНИ	91
Моисеев М.В., Ерусалимский К.Ю. ЖЕНСКИЕ ГОЛОСА В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКЕ ИВАНА ГРОЗНОГО	120
Сукина Л.Б. «МАЛО БО ПОДОБАЕТ ДЕВАМ ГЛАГОЛАТИ»: ФЕНОМЕН ЖЕНСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XVII ВЕКА	142
Заболотная Л.П. КОНСТРУИРОВАНИЕ ЖЕНСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ В ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКЕ: ПИСЬМА МАРИИ КАНТЕМИР К БРАТУ АНТИОХУ (ПЕРВАЯ ПОЛ. XVIII В.)	170
Звучание женских голосов	
Серегина А.Ю. ЖЕНСКИЕ ГОЛОСА В АНГЛИЙСКОМ КАТОЛИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВВ.	189
Трофимова В.С. ЖЕНСКИЙ ГОЛОС И ЖЕНСКАЯ НЕМОТА В НОВЕЛЛЕ АФРЫ БЕН «НЕМАЯ ДЕВА»	207
Стогова А.В. ПОРТРЕТ ЖЕНСКОГО ГОЛОСА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ САЛОННОЙ КУЛЬТУРЕ XVII ВЕКА	219
Гендерные репрезентации	
Михайлова С.В. ЭМАНСИПАЦИЯ ЧЕРЕЗ ТВОРЧЕСТВО: ЛИТЕРАТУРНАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ ФЕМИНИННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	240
Потехина Е.А. СПЕЦИФИКА ГЕНДЕРНЫХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ ДАФНЫ ДЮ МОРЬЕ «РЕБЕККА» И ЕГО ЭКРАНИЗАЦИЯХ	260
Публикации	
Баудовиния ЖИТИЕ СВЯТОЙ РАДЕГУНДЫ (ВВОД. СТАТЬЯ, ПЕР. И КОММ. Н.Ю. БИКЕЕВОЙ)	288
Джейн Шарп КНИГА ПОВИТУХ (ВВОД. СТАТЬЯ, ПЕР. И КОММ. А.Ю. СЕРЕГИНОЙ)	329
SUMMARIES	344
ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРАМ	352

CONTENTS

- 6 **CONGRATULATIONS**
- MALE AND FEMALE STATEMENTS**
- 8 **SAZONOVA A.A.** VOICES OF RELIGIOUS WOMEN, ANIMALS AND MUSICAL INSTRUMENTS IN THE AUTHOR'S NARRATIVE OF *ALDHelm*
- 33 **GERSHTEIN A.B.** THE KING'S SPEECH": UTTERANCE AND SILENCE OF RUDOLPH OF HABSBUrg AS DEVICES TO CONSTRUCT THE IMAGE OF RULER IN THE 14TH CENTURY CHRONICLES
- 50 **TGOEVA O.I.** "LE DEBAT GRACIEUX ET NON HAINEUX...". CHRISTINE DE PIZAN AND HER MALE OPPONENTS IN THE DEBATE OF THE "ROMAN DE LA ROSE"
- 72 **KRYLOVA YU. P.** WITHOUT ANGER AND GRIEF. A FEMALE RULER IN A DIALOGUE WITH HER COURTIER (15TH CENTURY)
- 91 **PAVLOVA S.YU.** THE FEMALE VOICE IN THE "MEMOIR" BY HORTENSE MANCINI
- 120 **MOISEEV M.V., ERUSALIMSKII K.YU.** FEMALE VOICES IN THE DIPLOMATIC CORRESPONDENCE OF IVAN IV
- 142 **SUKINA L.B.** "FOR IT IS NOT SUITABLE FOR THE VIRGINS TO SPEAK": THE PHENOMENON OF FEMALE STATEMENT IN THE RUSSIAN CULTURE OF THE 17TH CENTURY
- 170 **ZABOLOTNAYA L.P.** THE CONSTRUCTION OF FEMALE SUBJECTIVITY IN THE CASE OF PRIVATE CORRESPONDENCE BETWEEN MARIA CANTEMIR AND HER BROTHER ANTI-OCH (THE FIRST HALF OF THE 18TH CENTURY)
- THE SOUND OF FEMALE VOICES**
- 189 **SEREGINA A.YU.** FEMALE VOICES IN THE ENGLISH CATHOLIC COMMUNITY OF THE 16TH — EARLY 17TH CENTURIES
- 207 **TROFIMOVA V.S.** FEMALE VOICE AND FEMALE DUMBNESS IN "DUMB VIRGIN" BY APHRA BEHN
- 219 **STOGOVA A.V.** A PORTRAIT OF FEMALE VOICE IN THE 17TH-CENTURY FRENCH SALON CULTURE
- GENDER REPRESENTATIONS**
- 240 **MIKHAILOVA S.V.** EMANCIPATION THROUGH CREATIVE WORK: LITERARY OBJECTIVATION OF FEMININE IDENTITY
- 260 **POTEKHINA E.A.** SPECIFICITY OF GENDER IMAGES IN THE NOVEL "REBECCA" BY DAPHNE DU MAURIER, AND IN ITS SCREEN VERSIONS
- PUBLICATIONS**
- 288 **BAUDOVINIA** LIFE OF ST RADEGUNDE (preface, trad. and comm. by N.Yu. Bikeeva)
- 329 **JANE SHARP** BOOK OF MIDWIVES (preface, trad. and comm. by A.Yu. Seregina)
- 344 **SUMMARIES**
- 352 **SUBMISSION INFORMATION**

photo par Ol. Ok.

Поздравляем!

Выход в свет юбилейного, 25-го выпуска альманаха «Адам и Ева» совпадает с юбилеем его основательницы, Лорины Петровны Репиной. Редакция альманаха и его авторы от души поздравляют ее с этой знаменательной датой.

Нам хотелось бы выразить Лорине Петровне свое восхищение и глубокую признательность. Ведь именно проявленному ею научному интересу к гендерной истории, в особенности ее методологическому аспекту мы обязаны развитием этого направления рамках отечественной научной школы — благодаря изданным ею публикациям, учебным пособиям и прочитанным курсам по гендерной истории. И, безусловно, именно Лорина Петровна способствовала развитию гендерных исследований в Институте Всеобщей истории. Там в начале 2000-х гг. началась исследовательская работа в рамках научных проектов, посвященных гендерной истории, которыми Лорина Петровна руководила лично и которые продолжает курировать до сих пор. Из этой поначалу неформальной исследовательской группы постепенно выросла редакция «Адама и Евы» (альманах издается с 2001 г.), а затем и Центр гендерной истории (с 2009 г.). Знания и энергия Лорины Петровны были движущей силой всего научного и издательского проекта и по-прежнему вдохновляют нас.

Редакция и авторы альманаха, а также участники научных проектов Центра гендерной истории пользуются случаем, чтобы выразить Лорине Петровне Репиной свою любовь и признательность и желают ей воплощения всех научных и личных планов и просто радости.

ГОЛОСА ЖЕНЩИН, ЖИВОТНЫХ И МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В АВТОРСКОМ НАРРАТИВЕ АЛЬДХЕЛЬМА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Англосаксонская Британия, двойной монастырь, “De virginitate” Альдхельма, голоса животных (“Voces animantium”), пчелиная символика, кифара, труба

АННОТАЦИЯ: статья посвящена двум интересным аспектам в изучении латинского творчества Альдхельма Малмсберийского (ок.639–709) — звучанию его риторического голоса для женской аудитории двойных монастырей и художественному выражению в авторском нарративе репрезентации мира звуков и музыки. Прозаический трактат Альдхельма «De virginitate» был написан для Хильделиты и ее монахинь из аббатства Баркинг (Лондон), важного центра англосаксонского образования. В своем труде этот известный церковный деятель воспользовался трехчастной схемой — девственность, воздержание и замужество, признавая девственность в качестве монашеского идеала. Он использовал композиционные и структурные возможности агиографического жанра в политических целях, чтобы отстаивать институт двойного монастыря. Художественные высказывания Альдхельма звучали на разные голоса в его риторическом нарративе — от властной позиции иерарха и гибкого собеседника в ученом диалоге до искусной манипуляции своим авторским голосом. Особую значимость для его творчества играла тема голосов животных и пчелиная символика, профессиональный интерес к религиозному пению и звучанию музыкальных инструментов.

Сочетание постмодернистского взгляда на человеческий голос как на высказывание с изучением мира природных звуков и музыкального звучания в латинском творчестве одного автора воссоздает маньеристскую картину позднеримской интеллектуальной культуры. Англосакский клирик Альдхельм (ок.639–709) в современных ему реалиях продолжил литературную линию Венанция Фортуната по

созданию художественного нарратива по женской проблематике для женской аудитории. В глазах современников и средневековых читателей уэссекский прелат выступил эталонным автором «женской литературы» и креативной стороной в религиозном гендерном диалоге, интеллектуальным наставником для образованных монахинь и выразителем ученых вкусов своих англосаксонских современниц.

Уэссекский монах стал вовлеченным свидетелем возникновения и расцвета уникального церковного института в форме аристократического двойного монастыря. Эта специфическая организация религиозной жизни была заимствована англосаксонской знатью из меровингских королевств, где в стенах одного монастыря сосуществовали мужская и женская половина в монашеском общежитии (Фармутье, Шелль, Жуар, Нивелль)¹. Как правило, руководила монастырем настоятельница, по своему происхождению представлявшая местную владетельную знать или являвшаяся членом королевской династии (Танет, Баркинг, Эли, Уитби, Колдингхэм, Вимборн, Венелок, Рептон, Бардни). На Британских островах форма двойного монастыря стала на первом этапе христианизации одной из ведущих монашеских институций, просуществовав с середины VII века по середину IX в.

В гендерном ракурсе осмысления исторического феномена двойного монастыря у англосаксов в VII–VIII вв. Альд-

1 Беда приводит пример (HE. III, 8) из истории королевского рода восточных англов, когда четыре дочери и две сестренницы короля Анны приняли монашеский постриг у франков или у себя на родине. Получившая развод королевская невестка Хересвита уехала на континент в заложенное англосаксонского происхождения франкской королевой Балтхильдой аббатство Шелль, став затем его настоятельницей; разведенная Этельтрута основала монастырь Эли, второй аббатисой которого станет ее овдовевшая сестра Саксбурга, третья дочь короля и его падчерица со временем возглавили франкский монастырь Фармутье, четвертая дочь была местной отшельницей.

хельм и его младший современник Беда стояли, как видится, на противоположных позициях. Для южно-британского аббата тема женской религиозной учености представляла авторский интерес в политическом контексте его персональных посвящений своих трудов представителям светской и церковной знати. Для северо-британского монаха Беды характерны как личная враждебность и заметное принижение политической и религиозно-идеологической роли знатных настоятельниц из королевских родов (Хильды, Эльфеды, Эббы, Саксбурги), так и микширование ученой славы двойных монастырей Нортумбрии, в скрипториях которых создавались латинские сочинения, ставшие источниками для его «Церковной истории» и других агиографических произведений, за что в современной историографии автор-монах заслужил обвинения в мизогинии, маргинализации женских персонажей и антифеминистской пропаганде².

Адресатами основного труда малмсберийца, его проза-метра «De virginitate», становятся настоятельница двойного монастыря Баркинг (близ Лондона) Хильделита (ок.675–ум. после 716) и девять поименованных монахинь либо настоятельниц других аббатств³. Альдхельм выделил из попарно приведенного каталога имен лишь Хильделиту (как образцовую религиозную наставницу) и Осбургу, связанную с ним самым особыми узами родства или соплеменности⁴. Монахинь с германскими благородными именами (Кутбурга, Хидбурга, Осбурга, Алдгита и Бернгита) можно гипотетиче-

2 **Lees, Overing.** 2001: 27, 32-34; **Watt.** 2013: 542, 549; **Hollis.** 1992: 251-256.

3 Идентификационные реконструкции см.: **Сазонова.** 2008: 255, 281-282.

4 В средние века в местном историописании возник смутный образ знатной сестры Альдхельма (очевидно, с его слов к Осбурге). В своей экстравагантной гипотезе М. Лэпидж назвал знатной сестрой малмсберийца принцессу Буггу-Осбургу, а его самого — сыном короля Кентвина см.: **Lapidge.** 2007: 17-22.

ски сопоставить с сестрой уэссекского короля Инэ и с принцессой Буггой, с парой сестер мерсийского короля Вулфхера и с аббатисой Бертой из Бата. На знатное или королевское происхождение адресатов посвящения уэссекский клирик иносказательно указал и в последней главе сочинения (DV. LX), размышляя о работе художника над изображением высокопоставленного заказчика. Монахини с христианскими именами (Юстина, Схолостика, Евлалия и Фекла) идентификации не подлежат, но можно предполагать, что с каждой из этих Христовых невест Альдхельм был знаком и персонально общался, вплетая сюжеты об одноименных им святых мученицах в свой масштабный нарратив.

Создание трактата, вероятно, датируется 680-ми гг., временем документированного процветания аббатства Баркинг, получившего тогда земельные гранты от англосаксонских королей⁵. Сохранились свидетельства о дарениях от мерсийца Этельреда (ок. 677) и от уэссекского короля Кэдваллы в конце 680-х гг. Речь могла идти о возможной связи между материальным даром Кэдваллы для этой двойной обители и почетным духовным посвящением авторской рукописи от Альдхельма. Вторым «подводным» камнем, к которому может быть, по моей гипотезе, привязано создание труда, это политико-идеологическое вмешательство уэссекского аббата ради отстаивания национальных интересов в церковное реформирование архиепископа Теодора⁶. Если от Эдди Стефана и Беды известно о том, как осуществлялся

5 Об истории основания Баркинга см.: Сазонова. 2008: 104-105, 128, 255-256, 283.

6 Несмотря на настоятельский сан (с 675 г.), церковный авторитет и интеллектуальный статус Альдхельма к 680-м гг. был уже достаточно высок в Уэссексе. Именно весомому голосу малмсберийца местные епископы доверили написание официального послания к бриттскому королю Герайнту о Пасхе (ок. 680) см.: Сазонова. 2015: 333-337.

архиепископский план по реформированию и дроблению церковных диоцезов (политические преследования и изгнания епископов), то данных о задуманных греческим главой Англосаксонской церкви реформах местных монастырей не сохранилось. Дело в том, что институционально форма двойного монастыря не вписывалась в организацию церковной жизни Римской церкви и была чужда византийскому монашеству⁷. Однако двойные обители под женским управлением играли на Британских островах исключительную роль, ввиду своей тесной родственно-политической связи с правящими родами и знатью. Можно предполагать, что успешная светская и церковная борьба местных элит в 670–680-х гг. за сохранение своих монастырей против проримской политики Теодора сплотила мирян и клириков всех королевств, но от следов тех событий дошла лишь интеллектуальная лепта Альдхельма, который под благовидным предлогом посвящения агиографического сочинения (ультраканонической направленности) знатым монахиням Южной Британии и Лондонского региона недвусмысленно высказался за двойном монастырь, приводя каталог из житий как мужских, так и женских святых мучеников.

Для клирика-интеллектуала религиозная жизнь англосаксонских монахинь не сводилась к распорядку жизни обители, исполнению церковных предписаний и непрестанной молитвенной и поминальной практике по родным и соотечественникам. На первый план выходила ученая деятельность

7 В описании Бедой (HE. IV, 23) бедствий и гибели двойного монастыря Колдингхэм, управляемого сводной сестрой нортумбрийского короля Освиу, можно увидеть безусловное осуждение автором подобного типа монашеской обители. Интересно отметить и современные колебания в терминологии (“Frankish-style double house” и “mixed-sex community”) при изучении двойной церковной организации см.: Blair. 2005: 81-82, 85.

сестер в форме начального и продолженного образования, работа в скриптории по тиражированию библиотечных рукописей и созданию новых сочинений. В Баркинге существовали собственная школа и местное историописание (погодные хроники, книга чудес и история двух первых настоятельниц), о чем свидетельствует Беда⁸ при пересказе видения о «чудесной» смерти первой настоятельницы. Уровень образования сестер оценивался Альдхельмом столь же высоко и равным образом, как и его корреспондентов–клириков, когда в письме к епископу Леутерию о кентерберийской школе архиепископа Теодора и в гисперийском послании к Эхфриду он упоминал семичастный канон учебных дисциплин (геометрию и включающую все остальное физику) и принцип четырехуровневого толкования религиозных текстов (с помощью истории, аллегии, тропологии и анагогэ), расширяя его изучением грамматики и метрического искусства⁹.

Жанровую форму *похвалы девственности* можно выделить в малый поджанр большого агиографического жанра для христианских житий, который двояко представлен в художественной традиции поздней античности и раннего средневековья — малые трактаты, созданные как эпистолярные сочинения церковных мыслителей, либо большие по объему сборники житий святых. Эти произведения объединены правилами жанрового канона с заметно выраженным властным дискурсом: тематическая выборка мучениц-девственниц, принцип каталога в структуре повествования, нравоучительность пафоса от лица иерарха (ввиду этого допускающая высокий градус критики), четкий набор разоблачительных обвинений (образец которых был исторически

8 HE. IV, 6-10.

9 Сазонова. 2008: 143-145; Сазонова. 2010а: 348-351.

задан Тертуллианом), форма послания с подчеркнuto личным мнением автора (отсюда полемические и богословские перегибы в отрицании библейского института брака). Основными образцами для агиографического замысла малмсберийца стали ведущие сочинения этой жанровой формы из под пера Киприана, Амвросия, Иеронима, Августина, а также из близкой Альдхельму по духу христианской поэзии Седулия, Пруденция, Авита, Ювенка и Венанция Фортуната¹⁰.

Двойному сочинению уэссекского прелата по восхвалению девственности (*opus geminatum*) предшествовал несохранившийся прозаический и поэтический труд папы Дамакса. Беда дал следующую характеристику работе старшего современника:

Написал и совершенную книгу о девственности, которую, по примеру Седулия, сложил *geminato opere* и в стихотворных гекзаметрах, и в прозе¹¹.

Стихотворный вариант своего ученого трактата западный сакс создал позднее (но замысел его был «двойным» изначально)¹². Метрическое сочинение не является точным переложением прозаического труда, имеются композиционные и тематические расхождения. В средневековых рукописях к «*De laudibus virginum*» приписывалась другая поэтическая работа малмсберийца «*De octo principalibus vitiis*», созданная по модели «*Psychomachia*» Пруденция¹³.

10 В историографии выделяют модельную роль сочинений Амвросия (“*De virginibus ad Marcellinam*”), Киприана (“*De habitu virginum*”), Пруденция и Седулия для западного сакса см.: **O’Sullivan**. 1998: 272, 278-279; **O’Sullivan**. 2001; **Амвросий**. 2012; **Cyprianus**. 1844: 440-464.

11 **HE**. V, 18.

12 О литературной популярности и исторической эволюции жанра «двойного пера» в христианской словесности см.: **Godman**. 1981.

13 Текстуальное и сюжетное сравнение произведений Альдхельма и Пруденция см.: **Wieland**. 1986.

По моей гипотезе, осуществленная Альдхельмом контекстуализация жанра *похвалы девственности* в англосаксонских реалиях являлась ничем иным, как политическим манипулированием, выраженным как в эпизодической подмене своего мужского голоса–высказывания на женский, так и в удачном обыгрывании жанрового условия *посвящения* в обращении к знатым уэссекским и лондонским аббатисам и монахиням, где автор по возможности нивелирует формальную позицию обличающего проповедника и выделяет риторический диалогизм своего общения с адресатами. Важной составляющей социокультурного фона вокруг его произведения стала осознанная публичность нарратива, которую малмсбериец придал своим отношениям с учеными монахинями, а затем, очевидно, приобщил их к работе по тиражированию своего труда.

Лично выбирая в качестве внутренней ведущей темы для своего сочинения женскую образованность и ученость, Альдхельм не просто декларирует положительное отношение к интеллектуальным занятиям для монахинь (что было чуждо его предшественникам по жанру *похвалы девственности*), но последовательно проводит эту линию, композиционно закольцовывая ею свой труд. Так, в первых главах (DV. III-IV) перечисляется весь круг гуманитарных знаний (универсум — микрокосм), доступный для того времени в образовательном стандарте школьного уровня (четырёхчастное толкование священных книг, историография и хронография, грамматика и орфография, поэтические правила). В предпоследней главе (AO. 320) контекстуально натянуто возникает фигура “*Origenes, inclitus Graecorum dedasculus*” с перечислением всех семи продвинутых дисциплин философии (философия, арифметика, геометрия, музыка, астроно-

мия, астрология и механика)¹⁴, что, возможно, являлось хвалебно притянутым сравнением с биографическими данными из жизни Хильделиты.

В агиографическом сочинении малмсберийца знаковую роль играет большой цитируемый фрагмент (АО. 248-249), приведенный в тексте без указания на источник заимствования (“in quodam volumine <...> et reliqua”), относительно которого можно предположить, что уэссекский клирик сознательно не захотел сочинять программное ядро для своего религиозного труда, удовлетворившись готовой трипартидной схемой (“...virginitas, castitas, iugalitas tripartitis gradibus separatim different;... ut sit virginitas sol, castitas lucerna, iugalitas tenebra;... ut sit virginitas regina, castitas domina, iugalitas ancilla; ut sit virginitas patria, castitas portus, iugalitas pelagus...”), дословно взятой из страстей святых Виктории и Анатолии¹⁵. Данная трехчастная схема (восходящая к нумерологическим характеристикам Иеронима и Киприана) стала единственной столь развернуто высказанной социальной теорией в творчестве малмсберийца¹⁶, привлекая его художественной формой оппозиционных сравнений, нейтральным введением *castitas* (воздержанности как вдовства) в качестве золотой середины между девственностью и осуждае-

14 В последнем предложении главы, где в напыщенно риторической форме раскрывается один из излюбленных образов автора (плавание в барке по бушующему морю), дополнительно перечислены варварские погрешности в латыни — солецизм, барбаризм, лябдацизм и метацизм (АО. 320-321).

15 О найденном текстуальном соответствии из нарратива англосакса и трех средневековых итальянских рукописей (X–XIII вв.) см.: **Virchillo Franklin**. 1995: 184-191.

16 Одной из крайних оценок по личному восприятию Альдхельмом проблемы экзальтированного мученичества святых девственников является точка зрения американца Дж. Демпси (которая мною категорически не разделяется) об оправдании англосаксом религиозных самоубийств и физической жестокости в отношении своего тела см.: **Dempsey**. 2001: 62-63, 67-70.

мым замужеством, что соответствовало реалиям англосаксонских двойных обителей, которыми могли руководить овдовевшие королевы и ранее замужние аббатисы.

В сложно выстроенной композиции «Похвалы девственности» уэссекский клирик сместил традиционную для данного жанра гневную отповедь мирянкам и монахиням в отношении их греховной слабости и духовного попустительства к красивым одеждам и золотым украшениям к финалу своего произведения, дав подробное описание современных ему атрибутов неподобающей женской роскоши сразу после истории о Юдифи¹⁷. Этот нарратив, лишенный должного накала и обвинительного пафоса, производит на современного читателя впечатление чрезмерно яркого словесного любования статусными богатствами вещного мира (льняное исподнее, багряно-пурпурные и фиолетовые туники с шелковой вышивкой, завитые локоны причесок, обувь с оторочкой крашеным мехом, белые и многоцветные мафории вместо темных покровов, длинные ногти, загнутые на манер когтей хищных птиц)¹⁸, логично переходя от быто- и нраво-

17 Сначала Альдхельм подвел итог святоотеческим воззрениям в главе, насыщенной цитатами из Киприана с упоминанием Вавилонской блудницы (DV. LVI), а затем на примере ветхозаветной истории Юдифи (DV. LVII) озвучил весь каталог ее ювелирного убранства и украшений (“periscelides et dextralia et anulos et omnia ornamenta sua”), игнорируя библейское описание физической красоты героини.

18 DV. LVIII. Возможно, настоящим поводом для критики уэссекского интеллектуала и истинным предметом его озабоченности являлась гламуризация образа жизни у знатных клириков-мужчин не столько из числа монашеской братии, сколько из епископского окружения (что, естественно, исключало монахинь). Отсюда словесные обвинения Альдхельма в адрес церковнослужителей обоих полов: “...quae in utroque sexu non solum sanctimonialium sub regimine coenubii conversantium, verum etiam ecclesiasticorum sub ditione pontificali in clero degentium contra canonum decreta et regularis vitae normam deprehenduntur... Nam cultus gemini sexus huiuscemodi constat...”(DV. LVIII).

описания римских реалий к визуально привлекательной жизни состоятельных англосаксов. Однако после великолепного пассажа о модной одежде в последующих высказываниях Альдхельм сам развенчивает свое риторическое обличение гламура, называя эту тему неважной, оценивая ее как формальную дань жанровым задачам¹⁹.

В двух последних главах (где в неоднократных возвращениях малмсберийца к теме записывания и переписывания его сочинений я вижу косвенное указание на невысказанную просьбу о тиражировании *“digesto pulcherrimae virginitatis libello”* в скриптории монастыря Хильделиты) Альдхельм раскрывает характер своей интенсивной переписки с ученой аббатисой (DV. LIX), посвященной обсуждению образовательной и интеллектуальной проблематике без скидки на разное гендерное положение корреспондентов. В заключительной главе (DV. LX) уэссекский автор делится со знатными монахинями творческими планами по созданию метрической версии своего прозаического нарратива (*“iactis rethoricis fundamentis et constructis prosae parietibus”*), возводя адресаток (*“alumnae scolasticae”*) в ранг искушенных ценительниц поэтических строк и риторических красот, восхваляя их ученость и интеллект (*“vestrae sagacitati”*).

Продолжение темы высокой женской образованности прослеживается у Альдхельма и в его коротком письме к монахине Сигегуте²⁰, где (отвечая на ее практический вопрос из области церковной юриспруденции) он с уважением апелли-

19 В своем тексте автор напрямую связывает вещей фетишизм и роскошь внешнего облика с раздутым тщеславием (*“tumentis jactantiae”*) имущих клириков обоих полов. И по ходу философского восхваления девственности тела, души и разума человека (в духе святого Августина) вынужденное витийствование (*“rethoricamur”*) об одеждах, безусловно, казалось настоятелю излишним.

20 АО. 63; русский перевод см.: Сазонова. 2008: 350.

рует к религиозным знаниям корреспондентки, превознося ее интеллектуальные шаги на пути духовного совершенствования. Равная возможность и доступность сверхъестественного «голосового» опыта для обоих полов у англосаксов демонстрируется на примерах божественного присутствия в видении простеца Кэдмона (когда он наделяется от Архангела поэтическим голосом для устного стихотворчества) и духовного сна ученой монахини Лиобы, из нутра которой мистически через уста выходит пурпурная нить, отсылая к ее письменному творчеству.

Символическое сравнение медоносных пчел с христианским монашеством стало излюбленным образом для ранней агиографии («Житие св. Антония» Афанасия Великого в латинском переводе Евагрия), а также было широко представлено у Киприана, Амвросия, Иеронима, Августина, Сальвиана, Ефрема Сирина и Иоанна Мосха. Для художественного мира Альдхельма флорально-пчелиная тема является одной из ведущих авторских характеристик (духовный мед как интеллектуальная деятельность)²¹. Развивая пчелиное сопоставление с христианской ученостью знатных сестер из Баркинга в трех главах²² (сразу после общего посвящения и введения в заявленный им образовательный стандарт), уэссекский прелат сформулировал и вывел образ сладостности познания как значимый для своего творчества, связывая его с авторским профессиональным кредо и разделяя свое интеллектуальное удовольствие от книжной культуры с образованными монахинями. Подразумевалось, что медвяный нектар и амброзию познания вдумчивые читательницы

21 О пчелиной символике в античной традиции см.: **Касьян**. 2005: 71-90; об англосаксонской традиции см.: **Osborn**. 2006: 271-283.

22 О пчелиной теме у малмсберийца в контексте христианской культуры см.: **Casiday**. 2004: 1-22.

(уподобляясь пчелам в своей ученой активности, мотивацией к духовной экзегезе и интеллектуальному поиску, мудростью и чистотой, социальной содружественностью, трудолюбием и послушанием) собирали с цветоносных полей-страниц священных книг и поэтических сочинений (Вергилия, Седулия, Венанция Фортуната).

Общебританский характер культурного влияния прелата-интеллектуала проявился в зеркальной ситуации с эпитафиями нортумбрийского епископа Вилфрида и аббатисы Бугги. Так, вначале Альдхельм сочинил гимн-панегирик для принцессы Бугги, из которого через полвека анонимный автор позаимствовал метрический рисунок и подходящую лексику для эпитафии знатной настоятельницы²³. По-другому поступил сочинитель эпитафии Вилфрида (HE. V, 19), когда использовал пчелиную метафору из письма Альдхельма (AO. 501), с которым малмсбериец в свое время обратился к широкому кругу знакомых бедствующего епископа с призывом оказать дружескую поддержку политическому изгнаннику.

Обыгрывая позднее пчелиный символизм Альдхельма в негативном ключе, нортумбриец Беда в своем предсмертном письме (734) к епископу Эгберту бичует пороки современных ему нравов и сравнивает фальшивых аббатис с антагонистами трудолюбивых пчел — осами, вводя столь нелицеприятное обвинение словами пословицы²⁴. Эта оценка очевидца наглядно характеризует те деструктивные тенденции, которые исторически были заложены как в самом институте

23 Orchard. 1992: 98-103.

24 «К этим людям можно отнести известную пословицу: “И осы строят улей, только вместо меда наполняют его ядом”» (Беда. 2001: 202); “Quibus apte convenit illud vulgi proverbium: quia vespæ favos quidem facere cum possint, non tamen in his mella, sed potius venena thesaurizant” (Беда. 1850: 664В).

двойного монастыря, так и в сепаратистских устремлениях политической и церковной элиты Нортумбрии²⁵.

В современном представлении об англосаксонском мире раннего средневековья он не выглядит наполненным многоголосием звуков и рефлексиями на эмоциональное восприятие от органов человеческих чувств. Однако «звучащий мир» древнегерманской и кельтской культуры Британских островов и Ирландии VII–VIII вв. был представлен по письменным сочинениям того времени. А для западного сакса Альдхельма тема «голосов и звуков» вызывала повышенный авторский интерес. Об этом свидетельствуют его увлеченность светской и религиозной музыкой, застольным и церковным пением, а также трансляция античного жанра *голоса животных*.

В своем знаменитом гимне, посвященном новопостроенной церкви (или пределу) Богоматери, который был воздвигнут принцессой Буггой (ок. 690), дочерью умершего уэссекского короля Кентвина (ум. 685), Альдхельм виртуозно соединил художественные новации из мариинской традиции ирландского агиографа Когитоса (“*Vita Sanctae Brigidae*”, ок. 650) и апологетический экскурс в политико–династическую историю родного Уэссекса²⁶. В современной историографии предполагается, что оформленная у Когитоса (и затем у Альдхельма) «визуальная» риторика святости восходит к столичной *romanitas* и галло–римским континентальным образцам — к великим римским базиликам и описанию Григорием Турским церковей святого Мартина в Туре и Мармутье,

25 Сазонова. 2012: 264.

26 Об историческом контексте создания архитектурного гимна и о политико-идеологической программе Альдхельма как творца национальной доктрины “*Imperium Saxonum*” см.: Сазонова. 2010: 246-249.

сочетающим архитектурную зрелищность и символический тип нарратива²⁷.

В своей идеализации религиозной церемонии в честь освящения храма Альдхельм акцентирует внимание на разделении церковного пространства между двумя поющими хорами — братьев-монахов и турмы сестер, которые в общем согласии славили Господа (“*Fratres concordi laudemus voce Tonantem // Cantibus et crebris conclamet turba sororum*”)²⁸. Гармоничное сочетание музыкального сопровождения с зачитыванием Священного Писания чтением под двойное хоровое пение создавало радостную атмосферу светлого праздника в честь Девы Марии (“*Praesentem ergo diem cuncti celebremus ovantes // Et reciproca Deo modulemur carmina Christo!*”)²⁹. Знаковой для авторского замысла малмсберийца становится первичность звуковой красоты человеческого голоса под аккомпанемент струнных над последующим визуальным описанием базилики³⁰. В одном блоке поэтических строк (СЕ. III, 42-58) он сконцентрировал описание всей дивной сладости от звучащей атмосферы в храме – всеобщее праздничное моление, благозвучные распевы псалмов, гимнов и антифонов, искусное мастерство певцов-

27 Bitel. 2004: 609, 612-626.

28 АО. 16. (СЕ. III, 50-51).

29 АО. 16. (СЕ. III, 42-43).

30 Оригинальность композиции для второй части «Гимна», когда Альдхельм посвятил первые семнадцать строк аудиофильской характеристике церковной службы и лишь через переход из посвятельного титула храму в последующих семнадцати строках дал подробное визуальное описание внутреннего убранства базилики, убедительно свидетельствует о личном интересе малмсберийца к певческой практике и музыкальному образованию. Аналогичный интерес высказывал и нортумбриец Беда (НБ. II, 20; IV, 2; 16; V, 20), обращаясь к вопросам обучения церковному пению на новый римский манер от заморских учителей.

псалмопевцев, согласное пение братского и сестринского хоров, музыкальный аккомпанемент из псалтериев и лир.

Средневековая историография под пером Вильгельма Малмсберийского сохранила в пересказе свидетельство короля Альфреда Великого (из его утраченного “Enchiridion” или “Handboc”) о переложенных на древнеанглийский язык церковных песнопениях Альдхельма, лично исполняемых аббатом под звуки арфы для полуварварского местного населения с целью привлечения его в церковь³¹. Эта легенда придает особую престижность публичному пению и музицированию Альдхельма у моста по дороге в город, что соответствует акценту Беды, сделанному на социальной немоте простеца-пастуха Кэдмона (HE. IV, 24), который ощущал свою коммуникационную неполноценность из-за неспособности пропеть сотрапезникам застольные слова под аккомпанемент арфы на дружеской пирушке. Таким образом, уэссекский настоятель, по словам его англо-нормандского агиографа, выступил как сочинитель фольклорных песен для племса на религиозную тематику и продемонстрировал высокие профессиональные качества древнегерманского исполнителя (“quasi artem cantandi professum”)³².

Неординарная образованность Альдхельма проявилась в его уникальном знакомстве со списком «Голосов живот-

31 **GPA.** 1621BC: “Litteris itaque ad plenum instructus, nativæ quoque linguæ non negligebat carmina; adeo ut, teste libro Elfredi,.. poesim anglicam posse facere, tantum componere, eadem apposite vel canere vel dicere. Denique commemorat Elfredus carmen triviale, quod adhuc vulgo cantitatur, Aldhelmum fecisse...”.

32 Новая интерпретация для культурного контекста, сложившегося вокруг книжной истории Беды о стихотворном даре Кэдмона, которая была высказана в отечественной работе (Смирницкая. 2008: 326-327), применима и для объяснения того факта, что в местной монастырской мемории не сохранилось сочинений Альдхельма на народном языке (возможно, его древнеанглийские импровизационные песни изначально даже не записывались).

ных», относящихся к особому жанру развлекательной и школьной латинской литературы, от которого не сохранилось ни одного полного прозаического либо поэтического оригинала³³. Вопрос о знакомстве англосакса с манускриптом метрической версии “*Voces animantium*” стал предметом дискуссий на рубеже XIX–XX вв. и в первой половине XX в. при определении источника его литературного знания — фрагментарно через позднеантичных грамматиков или «из первых рук» по сочинению Светония “*Pratum de rebus variis*”³⁴. Широко известная глава из трактата малмсберийца по стихотворному искусству содержит большой прозаический фрагмент с перечислением всевозможных звуков, которые издают животные, птицы и насекомые³⁵:

Это — виды смешанных голосов, как утверждает авторитет предков. Ведь пчелы гудят либо жужжат, орлы кричат, гуси гогочут или шипят, птицы чирикают либо запевают весной либо щебечут, ястребы клекочут или свистят, утки крякают, бараны ревут или блеют, ослы кричат либо ревут, кабаны скрежещут (клыками), оружие бряцает, медь звенит, пролитая амфора булькает, коровы мычат либо отзываются, вороны (?сарычи) канючат³⁶, лебеди

33 Для римской традиции известно два специализированных текста — фрагмент “*De naturis animantium*” из ныне утраченного сочинения Светония (*Suetonius Tranquillus. Praeter Caesarum libros reliquae*) и средневековый каталог “*Voces variae animantium*” из “*Laterculus*” Полемиа Сильвия (сер. V в.) см.: **Benediktson**. 2000: 74-75, 78. В «Дифференциях» Исидора Севильского содержится лишь краткий вариант списка голосов (**Diff. I**, 607).

34 **Mayr-Harting**. 1972: 201.

35 **AO**. 179-180. (*Aldhelmus. De pedum regulis. Cap. CXXXI*).

36 Сложность с переводом “*cornices butant*” двояка. Так, по моему мнению, речь могла идти о «ночном вороне» (“*De nycticorace*”, герое одной из энигм Альдхельма, хрипло свистящем в поднебесье), который относится к большому классу совиных либо хищных птиц, охотящихся и в ночное время (коршун, сарыч). Глагол в «испорченном» виде мог передавать звуко-подражательное “*bubo*” (уханье совы, сыча, филина), отсылая к аналогичному примеру из списка Светония (“*noctuarum succubire*”). В дополнении возможна прямая связь с латинским названием сарыча-канюка (“*buteo*”), чей специфический голос напоминает кошачье мяуканье.

кличут, цикады стрекочут, аисты трещат либо шипят либо щелкают (клювом), вороны каркают или крухают, козы мекают, псы воют либо лают либо тьякают, щенки скулят, олени ревут, кифары звенят, охотничья собака повизгивает, слоны ревут либо трубят, кони ржут, звери ворчат, журавли курлычут либо клекочут либо гогочут, курицы кудахчут, петухи поют или кукарекают, (золотистые) дрозды щебечут, галки галдят, ласточки посвистывают либо щебечут, гиены визжат, козлята блеют или мекают, Юпитер громахает, как фабулы измышляют, младенцы плачут, львы ревут, рыси кричат, зайцы взвизгивают, волки завывают, взморье шумит, коршуны каркают либо пищат либо свистят, (черные) дрозды тренькают, ласки визжат, мыши пищат или попискивают, совы ухают, лебеди шипят, овцы блеют, онагры (дикие ослы) ревут, вяхири (дикие голуби) воркуют, воробьи чирикают, (зловещие птицы) парры вопят, павлины кричат, куропатки квохчут, звереныши и дети визжат, пантеры *cauriunt* (?глухо ворчат, фыркают)³⁷, барсы рыкают, поросята верещат, свиньи хрюкают, лягушки квакают, скворцы чирикают, землеройки свистят, змеи шипят, дрозды поют либо щебечут, тигры хрипят, трубы гудят, быки мычат, стервятники свистят, ветра дуют либо веют либо воют, медведи ревут или ярятся, лисы лают, домашние хряки визжат. Равно люди говорят, селяне горланят и тому подобное.

Средневековый вариант каталога псевдо-Светония (XIV в.) открывался дефиницией голоса как воспринимаемого органами слуха окружающих, разделяющих его на человеческие либо животные³⁸. Безусловно, уже в латинских списках голосов сосуществовали одушевленные существа (люди и представители фауны) и неодушевленные предметы (амфора, труба, кифара) с физическими (огонь, ветер, прибой) явлениями и географическими реалиями (взморье). Авторской новацией Альдхельма (помимо, очевидно, введения ал-

37 Трудность с переводом “*pantherae cauriunt*” связана как с единичным примером использования данного глагола у Светония (“*pantherarum caurire*”), так и с контекстной многоплановостью характеристик пантеры по античному источнику (от животного глухого фыркания, урчания и рычания до «физиологического» взывания ко всем зверям и призывания их к себе).

38 “*Vox est aer ictus sensibilis auditu. Vocis autem duae sunt species: id est hominum et mouabilium animalium...*” см.: **Benediktson**. 2009: 364.

фавитного принципа и развернутой аллитерированной синонимии) стали четко артикулированные гендерная (бараны–овцы, курицы–петухи) и возрастная (козы–козлята, псы–щенки, младенцы–люди) парность, сопоставление одомашненного и дикого состояния (кабаны–хряки, ослы–онагры). Однако самыми интересными нововведениями англосакского клирика стали его акценты на общности животного мира с человеком (в исходном объединении зверят и ребят в одну пару “pulli et pueri pipant”) и на социальном противопоставлении людей по цивилизационному критерию (люди — горворт, а сельские простецы — горланят, голоса, вопят).

Тема по разнообразию животного и предметного звукоизвлечения привлекала уэссекского монаха еще во время его работы над ранними поэтическими «Загадками». Так в энигме «Шершень» он развил воинственную образность пчелы, дополнив ее звуковой характеристикой угрожающего жужжания и гудения (“Horridus et grossae depromo murmura vocis //...// Dumque catervatim stridunt et spicula trudunt”)³⁹. Лающий пес–молосс сопровождает лучника–копыеносца в охоте на единорога (“latrante moloso”), стая собак азартно травит дворовую кошку (“Qui mihi latrantes crudelia bella ciebut”), мифологическая полу–псица Сцилла своим завыванием распугивает моряков (“Pignora nunc pavidı referunt ululantia nau-tae, //...// Auscultare procul, quae latrant inguina circum”)⁴⁰. Содержание бестиарных загадок «Охотничий пес», «Единорог» и «Лев» демонстрирует античное описание охоты (громадные слоны, ревуший олень, клыкастые вепри, свирепые медведи, волчьи оскалы). В соответствии с античной традицией басен и буколической поэзии невзрачный соловей извлекает

39 AO. 131. (Enigm. LXXV, 2; 9).

40 AO. 124; 127; 142. (Enigm. LX, 2; LXXV, 8; XCV, 7; 11).

в загадке англосакса прекрасные трели (“Vox mea diversis variatur pulcra figuris, // Raucisonis numquam modulabor carmina rostris”), ласточка радуется звонким щебетаньем (“Garrula mox crepitat rubicundum carmina guttur”), ночной ворон пугает хриплым свистом (“Raucisono medium crepitare per aethera suescens”), аист знаменит своим клекотом (“Voce carens tremula nam faxo crepacula rostro”), а главной характеристикой петуха (“Garrulus in tenebris rutilos cecinisse solebam // Augustae lucis radios et lumina Phoebi”) становится его утреннее кукареканье⁴¹.

Визг и лязг напильника (“Garrio voce carens gauco cum murmure stridens”) сочетается у Альдхельма со свистом и шумом ветра (“Argutum vocis crepitum cito pando per orbem”), с грохотом выворачивающего с корнями дубы (“Viribus horrissonis valeo confringere quercus”)⁴². Образ военной трубы по одноименной загадке был дополнен звуковым описанием боевой сцены из «Слона» (“Salpax et sorbet ventosis flatibus auras // Raucaque clangenti resultant classica sistro”), апофеоз же звуковой какофонии достигается в загадке «Ли́ра-орган», в которой гудение сигнальных горнов перекрывает бренчание кифар, а рев труб сливается с музыкой струнных инструментов⁴³.

41 **АО.** 106; 118; 112; 110; 108. (Enigm. XX, 1-2; XLVII, 4; XXXV, 5; XXXI, 3; XXVI, 1-2).

42 **АО.** 106; 99-100. (Enigm. XXI, 5; II, 2-3).

43 **АО.** 128; 142-143; 103. (Enigm. LXVIII; XCVI, 4-5; XIII). Энигма «Ли́ра-орган» (“De barbito”) является, пожалуй, единственной из сборника загадок, денотат которой темен из-за чрезмерной велеречивости авторского описания. Переводчики по-разному определяют музыкальный инструмент — как струнную лиру (арфу-кифару, аналогичную найденной в Сапон-Ху) либо как духовой мини-орган. О сложности и неоднозначности в интерпретации музыкальных инструментов у англосаксов в обзорной статье, где рассмотрены книжные свидетельства от архиепископа Теодора и Беды, см.: **Петров.** 2010: 589-595, 666-677, 705-714.

XIII. Лира-орган

Как бы медной полостью сигнальные не звенели горны,
И кифары – не бренчали и трубы – ревом не оглушали,
Но стами напевами мои изрыгают глубины;
При мне немеет тотчас музыка струнных кишок.

LXVIII. Труба

Я – поляя, что воюющих сердца звучанием жгу,
Страшными голосами сзывающая на войну когорты.
Так отзывающаяся – насколько кличем оглашаю,
Что в глубине никакие утробы не могут заглушить глас,
Но дыханья и дуновенья управляют по всему телу.
Стрекочущая цикада ни за что не может меня превзойти,
Ни даже звучащий из терна голосистый соловей,
Кого на своем языке акалантидой называют греки.

Как известно, пути бытования исторических артефактов парадоксальны и неисповедимы, поэтому бурная медийная шумиха, всколыхнувшая мировые средства массовой информации летом 2012 г. в связи с перепродажей на аукционе Сотбис четырех страниц пергамента с тремя главами из прозаической «Похвалы девственности» Альдхельма (MS Worcester?, ок. 800), имела под собой как объективные причины (частное владение фрагментами ранней рукописи со средневековыми древнеанглийскими глоссами), так и актуализацию гендерного контекста и вопроса о неожиданно высокой образованности раннесредневековых монахинь.

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

Амвросий. 2012 – Амвросий Медиоланский свт. О девственницах. О вдовицах. О девстве. Увещание к девству / Пер. А. Вознесенского; ред., сост. Н.А. Кульковой // Амвросий Медиоланский свт. Собрание творений: на латинском и русском языках. Т. II. М., 2012.

Беда. 2001 – Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер., вступ. ст. В.В. Эрлихмана. СПб., 2001.

АО. – Aldhelmus. Aldhelmi operae / Ed. R. Ehwald (MGH AA XV). Pars I-II. Berolini, 1913–1919 [repr. 1961].

Beda. 1850 – Beda Venerabilis. Epistola II. Ad Ecgberctum antisitem // Beda Venerabilis. Opera omnia (PL XCIV). P., 1850. Col. 657-668.

Cyprianus. 1844 – Cyprianus Carthaginensis. Liber de Habitu Virginis // Cyprianus Carthaginensis. Opera omnia (PL IV). P., 1844. Col. 440-464.

Diff. – Isidorus Hispalensis. Differentiarum, sive de Proprietate Sermonum libri duo // Isidorus Hispalensis. Opera omnia (PL LXXXIII). P., 1862.

GPA – Willelmus Malmesburiensis. De gestis pontificum Anglorum // Willelmus Malmesburiensis. Opera omnia (PL CLXXIX). P., 1855.

HE. – Bede. Historia ecclesiastica gentis Anglorum [<http://www.thelatinlibrary.com>].

Suetonius. 1860 – Suetonius Tranquillus. Praeter Caesarum libros reliquae / Ed. A. Reifferscheid. Leipzig, 1860 [<http://www.hs-augsburg.de/~harsch/>].

ЛИТЕРАТУРА

Касьян. 2005 – Касьян М.С. Пчелы для Асенет — жрецы, священники или ангелы? (к трактовке образа пчел и меда в Средиземноморской культуре) // Кентавр. Centaurus. *Studia classica et mediaevalia*. М., 2005. Вып. 2. С. 71-90.

Петров. 2010 – Петров В.В. Киннор, кифара, псалтерий в иконографии и текстах (к истолкованию одной англо-саксонской глоссы) // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы) / Общ. ред. М.С. Петровой, Л.П. Репиной. М., 2010. С. 589-714.

Сазонова. 2008 – Сазонова А.А. Альдхельм Малмсберийский: жизненный путь святого в Англосаксонской Британии (VII–VIII вв.). М., 2008.

Сазонова. 2010 – Сазонова А.А. Латинский гимн Альдхельма как панегирик западносакским королям последней трети VII в. // Историческая память. Люди и эпохи. Тезисы научной конференции / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2010. С. 246-249.

Сазонова. 2010а – Сазонова А.А. Трансляция латинской интеллектуальной традиции: Альдхельм Малмсберийский // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы) / Общ. ред. М.С. Петровой, Л.П. Репиной. М., 2010. С. 323-361.

Сазонова. 2012 – Сазонова А.А. Трансформация социально-политических институтов у англосаксов в период христианизации // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт / Отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. М., 2012. С. 249-265.

Сазонова. 2015 – Сазонова А.А. Этнокультурные границы и полиэтничный фактор в южнобританской культуре VII века // Цивилизация и варварство: пограничье как феномен, состояние и культурно-историческое пространство / Отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. М., 2015. С. 313-343.

Смирницкая. 2008 – Смирницкая О.А. Два предания о первых поэтах: Кэдмон и Браги // Смирницкая О.А. Избранные статьи по германской филологии. М., 2008. С. 324-345.

Benediktson. 2000 – Benediktson Th. Polemius Silvius' Voces Varie Animantium and Related Catalogues of Animal Sounds // *Mnemosyne*. Fourth Series. 2000. Vol. 53, Fasc. 1. P. 71-79.

Benediktson. 2009 – Benediktson Th. Pseudo-Suetoniana from London, British Library Old Kings 13 CIV, FF. 212V–213V // *Rheinisches Museum für Philologie*. Neue Folge. 2009. Bd. 152, H. 3/4. S. 358-368.

Bitel. 2004 – Bitel L. Ekphrasis at Kildare: The Imaginative Architecture of a Seventh-Century Hagiographer // *Speculum*. Cambridge (Mass.), 2004. Vol. 79, №3. P. 605-627.

Blair. 2005 – Blair J. *The Church in Anglo-Saxon Society*. Oxford, 2005.

Casiday. 2004 – Casiday A. St Aldhelm's bees (De uirginitate prosa cc. IV–VI): some observations on a literary tradition // *ASE*. 2004. Vol. 33. P. 1-22.

Dempsey. 2001 – Dempsey G.T. Aldhelm of Malmesbury's social theology: the barbaric heroic ideal christianised // *Peritia*. 2001. Vol. 15. P. 58-80.

Godman. 1981 – Godman P. The Anglo-Latin Opus Geminatum: from Aldhelm to Alcuin // *Medium Aevum*. Oxford, 1981. Vol. 50, №2. P. 215-229.

Hollis. 1992 – Hollis St. Anglo-Saxon Women and the Church: Sharing a Common Fate. Woodbridge, 1992.

Lapidge. 2007 – Lapidge M. The career of Aldhelm // *ASE*. 2007. Vol. 36. P. 15-69.

Lees, Overing. 2001 – Lees C., Overing G. Double Agents: Women and Clerical Culture in Anglo-Saxon England. Philadelphia, 2001.

Mayr-Harting. 1972 – Mayr-Harting H. The Coming of Christianity to Anglo-Saxon England. L., 1972.

O'Sullivan. 1998 – O'Sullivan S. Aldhelm's De virginitate — patristic pastiche or innovative exposition? // *Peritia*. 1998. Vol. 12. P. 271-295.

O'Sullivan. 2001 – O'Sullivan S. The image of adornment in Aldhelm's De virginitate: Cyprian and his influence // *Peritia*. 2001. Vol. 15. P. 48-57.

Orchard. 1992 – Orchard A. After Aldhelm: the Teaching and Transmission of the Anglo-Latin Hexameter // *The Journal of Medieval Latin*. Turnhout, 1992. Vol. 2. P. 96-133.

Osborn. 2006 – Osborn M. Anglo-Saxon Tame Bees: some Evidence for Beekeeping from Riddles and Charmes // *Neuphilologische Mitteilungen*. Helsinki, 2006. Vol. CVII, №3. P. 271-283.

Vircillo Franklin. 1995 – Vircillo Franklin C. Theodore and the Passio S. Anastasii // *Archbishop Theodore: Commemorative studies on his life and influence* / Ed. M. Lapidge. Cambridge, 1995. P. 175-203.

Watt. 2013 – Watt D. The Earliest Women's Writing? Anglo-Saxon Literary Cultures and Communities // *Women's Writing*. Vol. 20, №4. P. 537-554.

Wieland. 1986 – Wieland G. Aldhelm's De Octo Vitiis Principibus and Prudentius' Psychomachia // *Medium Aevum*. Oxford, 1986. Vol. 55, №1. P. 85-92.

Список сокращений

CE. – Aldhelmus. Carmina Ecclesiastica III. <In Ecclesia Mariae a Bugge exstructa> (AO 14–18).

DV. – Aldhelmus. De virginitate (AO 226–323).

Enigm. – Aldhelmus. Enigmata (AO 97–149).

ASE. – Anglo-Saxon England. Cambridge

MGH – Monumenta Germaniae Historica. Berlin

PL – Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series latina. P.

А.Б. Герштейн

«КОРОЛЬ ГОВОРИТ»: ВЫСКАЗЫВАНИЕ И МОЛЧАНИЕ РУДОЛЬФА ГАБСБУРГА КАК ПРИЁМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПРАВИТЕЛЯ В ХРОНИКАХ XIV В.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: самозванец, Фридрих II, Рудольф Габсбург, немецкие хроники, образ правителя, прямая речь, молчание

АННОТАЦИЯ: в статье рассматриваются хроники Священной римской империи конца XIII — середины XIV вв., которые описывают историю самозванца, выдававшего себя за императора Фридриха II Штауфена в рейнских землях в 1285 г. Внимание автора привлек один эпизод: как хронисты запечатлели на страницах своих сочинений реакцию законного короля Рудольфа Габсбурга на действие самозванца. Почему некоторые хронисты наделяют правителя прямой речью, а в повествовании других он хранит молчание, причем в одной и той же ситуации? Какой вывод можно сделать из того факта, что все три «высказывания Рудольфа» — это разные по содержанию речи, объединяет их только то, что все они призваны иллюстрировать ярость короля. Какую роль играло высказывание/молчание в конструировании образа «хорошего правителя» или же «слабого правителя»? Можно ли уловить следы симпатии/антипатии хрониста к Рудольфу по тому, какова на страницах хроники прямая речь короля?

В истории разоблачения и ухода с политической сцены Тиля Колупа, самозванца, выдававшего себя за императора Фридриха II Штауфена в 1283–85 гг., молчание/высказывание актуализируется в кульминационный момент. Для хронистов, повествующих о псевдоимператоре, очевидно, важно, как именно представить короля Рудольфа Габсбурга в тот миг, когда он меняет свою

политику игнорирования этого персонажа на активные действия, решает выступить против лже-правителя, применить силу и уничтожить смутьяна. Как следует трактовать *молчание* короля или его *высказывание* по отношению к самозванцу на страницах нарративных источников? Было ли первое показателем слабости власти Габсбурга, маркером его рецессивной роли в противостоянии с тенью прежнего императора Фридриха? И тогда можно ли считать его *речь* попыткой хронистов поставить Рудольфа всё же в положение доминирующей стороны, диктующей свои условия оппоненту и не выпускающей контроль над ситуацией (и власть в стране в целом) из своих рук? Или же молчание тоже могло быть приёмом, с помощью которого создавалось доминирующее положение короля? Одинаково ли понимали молчание Рудольфа в этом деле он сам и хронисты, жившие в начале и середине XIV столетия?

Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, сначала следует сказать вкратце об этапах «карьеры» самозванца и о том, почему момент, когда король Рудольф «обретает голос» на страницах хроник, является кульминационным.

Тиль Колуп, достигший наибольшего успеха в своем обмане, был одним из лже-Фридрихов, объявлявшихся в германских землях в конце XIII — начале XIV вв.¹ Впервые провозгласив себя «королём Фридрихом» в Кёльне в 1283 г. и не получив там признания, он вскоре осел в соседнем Нойсе, где более года всевозможными способами изображал из себя императора: устраивал собрания, вел переписку с многими городами и знатными сеньорами страны, принимал посоль-

1 О причинах возникновения псевдо-императоров Фридрихов в это время см.: **Глогер**. 2003: 217-271; **Srtuve**. 1988: 317-337; **Schwinges**. 1987: 177-202. Подробнее об истории Тия Колупа см.: **Meyer**. 1868.

ства и т.п.² В 1285 г. самозванец отправился в город Вецлар (севернее Франкфурта-на-Майне). Там он был пленён королём Рудольфом и сожжён на костре.

Хроники, которые сочли историю самозванца достойной упоминания, можно разделить на три группы, учитывая поставленные выше вопросы.

К первой относятся те хроники, которые в одном-двух предложениях повествуют о самозванце. Все они сообщают лишь то, что «некто, называвший себя императором, был сожжён на костре королём Рудольфом»³. Следует отметить, что такие краткие сведения содержат по преимуществу тексты, близкие по написанию к дате события, 1285 г. Как можно видеть, Габсбург в них предстает как победитель; голосом он при этом не наделён, однако его победа безоговорочна и окончательна, что полностью соответствует исторической правде.

Вторая группа памятников излагает историю самозванца подробнее. В хрониках Иоганна фон Виктрига⁴ (его сочинение

2 См., напр., свидетельство Иоганна фон Виктрига: «С невиданной пышностью он торжественно устраивал собрания на манер королевских, включавшие пиры и иные светские церемонии, и его имя прославилось повсеместно, поскольку он и солдатам-ветеранам также оказывал многие милости; он явил правдоподобные свидетельства того, что он – тот самый Фридрих». (“Curias more regio cum apparatu maximo, scilicet convivorum et aliarum deductionum secularium, festive celebravit, et divulgatum est undique nomen eius, quia munera multa dabat et veteranis militibus, quod ipse esset Fridericus, signa verisimilia demonstrabat” (Iohannis abbatis Victoriensis. 1909. Liber 1: 245). См. также: *Gesta Henrici Archiepiscopi Treverensis*. 1879: 462.

3 См.: *Ellenhardi Argentinensis Annales*. 1861: 103; *Annales breves Wormatienses*. 1861: 77; *Annales Moguntini*. 1861: 2; *Annales Henrici von Heimburg*. 1861: 718; *Annales Sancti Stephani Frisingenses*. 1881: 57; *Chronicon imperatorum et pontificum Bavaricum*. 1861: 225; *Annales Halesburgenses Majores*. 1879: 45 и т.д.

4 *Iohannis abbatis Victoriensis*. 1909. Liber 1: 245.

писалось в 1341–1347 гг.) и монаха из Фюрстенфельда⁵ (современника событий) в уста Рудольфа также не вкладывается никакого высказывания на счёт самозванца.

С большой долей вероятности, в реальности король действительно ничего не изрекал о лже-Фридрихе. До нас не дошло ни одного официального документа из канцелярии правителя, в котором тот говорил бы о самозванце. Молчание (или даже умолчание) Габсбурга — вполне здравый политический расчёт, нежелание вводить этого сомнительного персонажа в политическое поле Германии. Ведь даже негативное высказывание короля привлекло бы к фигуре псевдо-императора дополнительное внимание. Диффамация со стороны законной власти, парадоксальным образом, сделала бы самозванца более весомым игроком на политической сцене и способствовала бы ослаблению этой самой законной власти.

Если для самого германского правителя молчаливое игнорирование лже-Фридриха было политическим приёмом, позволяющим ему оставаться на позиции «ведущей стороны» в этом заочном противостоянии, то некоторые хронисты не удовлетворяются образом короля с сомкнутыми устами.

Так, Элленхард Страсбургский (ум. 1304 г.) представляет на страницах своей хроники короля Рудольфа ещё не говорящим, но уже имеющим определённое мнение о самозванце:

Когда же слуха короля Рудольфа достигли уже подтверждённые сообщения о произошедшем⁶, он счёл, что это нелепо, что это не

5 *Monachi Fuerstenfeldensis*. 1918: 42.

6 Его поддерживали Франкфурт, Вецлар, Фридберг, Гельнхаузен и прочие города. См.: *Ellenhardi Chronicon*. 1861: 126.

укладывается в голове, и рассудил, что этот человек — паяц и безумный⁷.

Молчание Рудольфа в такой репрезентации хрониста обретает значение. Во-первых, король всё же имеет свое суждение относительно лже-Фридриха, но выражено это в тексте Элленхарда Страсбургского не через фиксацию устной речи или пересказ высказывания, а интерпретацией мыслей Габсбурга. Во-вторых, с помощью такого «молчания, но молчания с определённым суждением» авторы хроники приписывают Рудольфу приём, с помощью которого он пытался сохранить контроль над ситуацией именно в «информационной сфере». На страницах страсбургских хроник король, не высказываясь прямо, задаёт направление тому, как всем следует воспринимать самозванца и его действия. Образ Габсбурга, сконструированный хронистами, в этой ситуации таков, что правитель стремится при его посредстве контролировать информационное пространство, т. е. оставаться в полном смысле властью и в этом дискурсе. Таким «оценочным молчанием» средневековые авторы конструируют ведущую, доминирующую позицию Габсбурга в заочном противостоянии с псевдо-императором.

В третьей группе письменных памятников, повествующих о самозванце, содержатся ещё более красочные дета-

7 "Cum autem rumor validus auribus domini Ruodolfi regis insonuisset de premissis, asseruit hoc esse absonum et non fore congruum rationi, et reputavit eum fatuum et insanum". **Ellenhardi Chronicon**. 1861: 126. Ср. также свидетельство хроники стасбургца Фрицше Клозенера, который составлял свою работу в середине XIV в. (до 1362 г.) и опирался в своей работе на Элленхарда: «И чем больше король Рудольф узнавал об этой истории, тем больше человек, о котором идёт речь, казался ему посмешищем, и король принимал его за умалишённого». «Do die mere künig Rudolf fürkam, do duhte es in ein gespotte unde achtete jn für einen toren». **Strassburgische Chronik von Fritsche Closener**. 1843: 32.

ли этой истории. В этих источниках появляется *высказывание* Рудольфа, причём король обретает голос в кульминационный момент, когда «авторитет» самозванца находится на пике. Блеск славы лже-Фридриха ярче всего вспыхнул, когда он письменно обратился через духовных лиц к Габсбургу, чтобы тот прибыл к нему в назначенный день на рейхстаг и получил бы от него как от «императора» германское королевство в лен⁸. С точки зрения политической тактики, такой ход был максимально полезен авторитету лже-Фридриха именно на стадии распространения информации о том, что якобы по-прежнему здравствующий император призвал короля явиться к нему и принести ленную присягу. Повсеместное распространение такой вести могло привлечь на сторону псевдо-правителя неофитов. В долгосрочной же перспективе самому самозванцу этот шаг грозил нешуточной опасностью. Ведь очевидно, что Рудольф ни за что бы не согласился принять это «приглашение», сочтя его за оскорбление⁹. Именно такую реакцию короля и доносят до нас хроники.

Рифмованная хроника Оттокара, написанная в 1300–21 гг., вводит в своё повествование *прямую речь* Рудольфа:

*Как король услышал весть,
Он, не в силах это снести,
В ярость впал. Сказавши: «Тьфу!
Вот удар, как наяву!
Я проверю этот слух.
Как охотно я бы дух
Вышиб из плута! — таким
Должен быть наш раут с ним!*

8 Цитаты из источников см. в примеч. 12 и связанном с ним тексте. Ср.: **Ottokars Österreichische Reimchronik**. 1890: 424.

9 Подробнее об этом см.: **Герштейн**. 2017: 133.

*Слишком высоко взлететь
Хочет он — и не сгореть»¹⁰.*

Как видно, хронист связывает приглашение Рудольфа на рейхстаг от самозванца, эту провокацию, с гневом короля, его ответным шагом в форме высказывания. За реакцией голосом следует реакция «физическая»: король садится на коня и во главе отряда скачет к воротам Вецлара, берёт самозванца в плен и сжигает на костре¹¹. Элленхард Старсбургский по поводу этого эпизода пишет следующее:

А тем временем этот неверный человек обратился к господину королю Рудольфу, чтобы тот предстал перед ним в специально установленный для того день и получил держания свои и королевство как будто бы от настоящего императора. Вознегодовал король и разгневался (выделено мной. – А.Г.), когда ощутил, что над ним так издеваются, оставил войско и, собрав новую рать, спешно направился к городу Вецлар¹².

Очевидно, что Оттокар усложняет композицию Элленхарда и облекает гнев короля в форму его высказывания. Иоганн фон Винтертура, начавший писать свою хронику в 40 гг. XIV в., также отмечает раздражение короля при его высказывании относительно лже-Фридриха:

10 «dō der kunic vernam / die botschaft, diu im kam, / dō was im allerēste zorn. / er sprach: ' phæch, ez ist verlor, / daz prüef ich an dem mære; / swie gern ich disem trugnære / gunde mit minnen / sîn lîpnar gewinnen, /sô wil er ze hōhe fliegen /unde mit gewalte triegen'. **Ottokars Österreichische Reimchronik**. 1890: 424. Перевод мой. — А.Г.

11 Источники см. примечание 3.

12 **Ellenhardi Chronicon**. 1861: 126. Ср. свидетельство хроники Фришце Клозенера: “Do zwischent hette ouch der trügener künig Rudolf entbotten, daz er für jn keme uf einen benemeten tag unde sine lehen von jm enpfienge alse von eim romeschen keiser. Do wart der künig zornig unde fur gen Wetslar” (А между тем обманщик обратился к королю Рудольфу, чтобы тот прибыл пред его лицо в назначенный день и свой лен получил бы от него как от императора Римлян. Разгневался король и двинулся на Вецлар). **Strassburgische Chronik von Fritsche Closener**. 1843: 32.

Стало известно, что во время правления короля Рудольфа появился некий ремесленник, во всем походивший на императора Фридриха. Многие бароны и важные люди названного короля, так же, как и простой народ считали его императором Фридрихом и оказывали ему большие почести и широко восхваляли его. И он не только не отвергал почитание такого рода, но и охотно принимал его [всей] душой, изображая из себя императора Фридриха, и тем наносил вред королю Рудольфу. И раздражённый король сказал: «Сколько же раз видел я лик императора Фридриха, потому что я часто говорил с ним, можно сказать, я был воспитан при его дворе, от этого я не желаю отречься. Так почему бы мне не поглядеть на того самого, о ком ходит столь нелепый слух: Фридрих ли он или нет?» А после того как убедился бы, что тот человек не император — приказал убить его и выбросить всякое воспоминание о нем из ума людей, которые излишне легковёрны ко лжи¹³.

В обоих источниках есть схожая черта — высказывание Рудольфа во втором случае другое, но оно, как и в первом приведённом памятнике, предваряет активные действия Габсбурга против лже-Фридриха.

На различиях в прямой речи короля из двух этих хроник тоже имеет смысл остановиться подробнее. Как видно, гнев короля — в интерпретации Иоганна фон Винтертура — вызван не провокационным приглашением получить королевство как лен от «императора», а поведением самозванца в целом. В то же время Рудольф ни на секунду не сомневается, что этот Фридрих не настоящий, позволяет себе шуточные и уни-

13 «Fertur, quod tempore Rūdolphi quidam faber per omnia similis Fridrico imperatori apparuit, qui a multis baronibus et magnatibus dicti regis necnon a plebeia turma imperator Fridricus estimabatur et valde honorifice et gloriose tractabatur. Qui cum huiusmodi honorem non recusaret, immo libenti animo acceptaret, gerendo se in persona ipsius, et hoc in preiudicium regis Rūdolphi vergeret, commotus rex dixit: "Tociens et tam frequenter vidi faciem Fridrici imperatoris, quia sepe sibi conversatus sum et quasi in aula sua enutritus, quod nolo dimittere, quin istum, de quo est oppinio ista frivola, videam, an ipse sit vel non". Quem cum ipsum non esse conperisset, iussus est ab eo occidi et de memoria hominum tolli nimium credula falsitati». *Chronica Iohannis Vitodurani*. 1924: 22.

чижительные нотки в устной речи. Само высказывание короля логично и не противоречит исторической правде: Рудольф Габсбург действительно в прежние годы был союзником последнего Штауфенского императора, бывал при дворе и воевал в имперской армии. Таким образом, налицо старания хрониста вложить в уста короля *правдоподобное* высказывание, которое тот действительно мог бы произнести.

Факт, что нынешний король Рудольф Габсбург ранее нёс военную службу в войсках императора Фридриха, отражает и ещё один источник, «Деяния Генриха, архиепископа Трирского». Повествуя, что бывшие солдаты Штауфена подчиняются его письмам, если узнают его подпись, хронист распространяет это условие не только на самозванца и бывших имперских воинов, но и на пару лже-Фридрих — король Рудольф:

В известной мере появилось в нём [обманщике] королевское достоинство: он направил свои письма королю Римлян Рудольфу, чтобы тот признал его как своего господина по той подписи и поскольку некогда этот король служил у него [Фридриха II] в войске. Полагают, что этот король-миротворец Рудольф ответил: «Господи Боже, царь на небе и на земле, да будет воля твоя; если ты желаешь, чтобы он правил — во всем готов я повиноваться твоей воле. Слаб я, чтобы восставать против тебя или изменять твой приговор, едва его узнав»¹⁴.

Здесь прямая речь правителя также имеет место, однако говорит король иные слова, нежели в хронике Иоганна фон Винтертура или Рифмованной хронике Оттокара. В ответ на обращение-провокацию лже-Фридриха к королю *напрямую*

14 "...quodammodo in eo regalis maiestas appareret, misit litteras suas Rodolpho Romanorum regi, ut ipsum tamquam dominum suum recognosceret tali inter signo et quod ipse rex quondam sub ipso militasset. Dictus pacificus rex respondisse creditur: 'Domine Deus, rex celi et terre, fiat voluntas tua; si hunc regnare velis, in omnibus parere cupio tue voluritati; nec etiam tibi resistere valeo in ictu oculi aut tuam iustitiam transmutare'. **Gesta Henrici Archiepiscopi Treverensis**. 1879: 462.

тот не только не гневается, но, напротив, уступает, как кажется, ведущую позицию в споре с самозванцем. Однако такое повествование в конечном счёте — портрет сильного, богобоязненного короля. Ведь уступает Рудольф не самозванцу, а Богу, и готовность покориться Его приговору — черта, говорящая о праведности правителя, его должном поведении. Кроме того, далее в тексте следует рассказ о том, как архиепископ Кёльнский (а не сам король Рудольф!) преследует самозванца и сжигает на костре. Таким образом, покорность Габсбурга обернулась его победой, он сохранил власть и продолжал править в германских землях в соответствии с божьей волей и — что важно — при полном смирении перед Его приговорами.

Итак, отобразим для наглядности хроники и запечатленные ими «высказывания» Рудольфа в сводной таблице.

Название хроники	Место	Дата создания	Поведение лже-Фридриха	Речь Рудольфа
Эленхард	Страсбург	До 1304	Обращение к королю	Молчание
Фрицше Клозенер (опирался на Эленхарда)	Страсбург	1362	Обращение к королю	Молчание
Рифмованная хроника Оттокара (опирался на Эленхарда)	Штирия	До 1319	Обращение к королю	Высказывание
Иоганн	Винтертур	1340–50	Молчание	Высказывание
Деяния Генриха, архиепископа Трирского	Трир	?	Обращение	Высказывание

Как видно, хроника Элленхада Страсбургского, которая наиболее приближена по дате создания к самим событиям 1285 г., приводя многие детали и подробности истории лже-Фридриха, тем не менее, оставляет короля Рудольфа молчащим. Фрицце Клозенер при написании своего сочинения опирался на труд Элленхарда, поэтому совпадение описания поведения двух лиц — обращение самозванца к Рудольфу и молчание короля «в ответ» — не должно удивлять. Вопрос вызывает рифмованный текст Оттокара, который также изучал хронику Элленхарда Страсбургского. При том, что некоторые другие детали истории точно вторят версии Элленхарда, в интересующем нас месте Оттокар заменяет молчание Рудольфа на прямую речь, причем эмоционально окрашенную. Свидетельствует ли это о том, что оба хрониста, Элленхард Страсбургский и Оттокар, конструируют образ короля как сильного правителя, только делают это разными способами? Элленхард пишет хронику постфактум, он знает об окончательной победе Габсбурга и подчеркивает это в своём рассказе. Молчание короля в его тексте может находиться в том же дискурсе, что и официальное молчание самого Рудольфа и означать молчание сильного государя, не опускающегося на один уровень с самозванцем. Однако нельзя исключать и того, что хотя Рудольф и не делал принципиально никаких официальных заявлений о лже-Фридрихе, молчание короля у страсбургского хрониста может быть иного свойства, нежели молчание самого правителя. Элленхард — один из немногих, кто открыто пишет о том, что Габсбург стоял на пороге потери власти над страной:

В конце концов, после многочисленных хитростей этого нечестивейшего субъекта, зашедших так далеко, что большая часть населения сообща засомневалась, кого из двоих они желали бы видеть своим господином, получилось, что лодка короля Рудольфа серьёзно

закачалась. Тогда поспешили к нему блюстители интересов империи и приближённые короля Рудольфа, а именно граф Фридрих фон Линиген старший и граф Эберхард фон Каценельбоген, а он уже осаждал Кольмар, что в Эльзасе. И они сказали ему: если не преградить путь этому человеку, настигнув его и низвергнув, то скоро по всей Алемании захотят подчиняться приказам и распоряжениям нечестивейшего, словно [своего] законного правителя¹⁵.

Соответственно, молчание короля у Элленхарда может выступать маркёром слабости правителя, потери власти в тот момент. Принимая во внимание, что Страсбург — имперский город, располагавшийся в Эльзасе, где симпатии к самозванцу были особенно сильны, не исключено, что хронист таким образом, насколько это только было возможно, выражал свои симпатии к самозванцу, подчеркивая его силу на определенном этапе противостояния с Габсбургом и делая акцент на проигрыше — пусть и временном — короля Рудольфа.

Косвенно в пользу этой версии свидетельствует повествовательная стратегия Оттокара, который сочинял свою стихотворную хронику позже, чем Элленхард Страсбургский, в первые два десятилетия XIV в. Опираясь на Элленхарда, Оттокар расширяет описание страсбургского хрониста¹⁶. Почему он так поступает? Возможно, фантазия автора — причина такого решения. Р. К. Швингес указывает, что австрийский хронист — единственный, кто пытается проникнуть в

15 «Tandem post multas versutias nefandissimi hominis, in tantum quod communiter a maiori parte populi Alemanie dubitabatur, quem ipsorum pro domino habere vellent, et quod navicula domini Ruodolfi fortissime vacillare cepit, hoc animadvertentes fideles imperii et amici domini Ruodolfi regis, videlicet comes Fridericus de Liningen senior et comes Eberhardus de Katzenellenbogen, festinanter venerunt ad dominum Ruodolfum regem, qui iam erat in obsidione, qua obsederat opidum Columbarie in Alsatia, dicentes eidem: nisi subito precluderet viam illi homini perverso, quod tota regio Alemanie se mandatis et preceptis nefandissimi submittere vellet pro constanti». **Ellenhardi Chronicon**. 1861: 126.

16 См. об этом выше, примеч. 10 и 12 и связанный с ними текст.

ход мыслей лже-Фридриха и реконструировать стратегию его действий¹⁷. То же справедливо и в отношении самого Рудольфа. Однако известить читателей об умонастроениях героев своей хроники можно и не приписывая им прямую речь. Поэтому я выскажу предположение, что Оттокар, читая Элленхарда, ощущал, что в образе короля как сильного правителя образовались «трещины», потому что он не отвечает на обращение самозванца словом, а сразу переходит к действиям. То есть, с точки зрения завершённой композиции ему важно выстроить релевантную цепочку: обращение лже-Фридриха¹⁸ к Рудольфу — ответ короля, чтобы в словесном дискурсе, в «борьбе идей» Рудольф также вышел победителем, чтобы его положение вышестоящего не прерывалось в течение деятельности самозванца ни на миг.

Композиционная схема Иоганна фон Винтертура¹⁹ иная: хотя он вводит прямую речь Рудольфа в своё повествование, голос короля звучит не в ответ на обращение самозванца, а как реакция на обман псевдо-правителя в целом.

Хроники 20-х и 40-х гг. XIV в. объединяет ещё одно обстоятельство: голос короля звучит после замечаний хронистов о том, что правитель впал в ярость. Это наводит на размышление о том, что в это время формализуются эмоции правящей особы. Уже недостаточно просто констатировать: «король разгневался». Донести этот меседж до читателей становится важно, именно дав правителю говорить. В прямой речи в обоих случаях проступают и иные эмоциональные реакции Габсбурга по этому поводу (ирония, высмеивание, уничижение). Такая прямая речь не только ясно свиде-

17 Schwinges. 1987: 186.

18 Хотя и письменное, и не адресованное напрямую Рудольфу.

19 См. примеч. 13 и связанный с ней текст.

тельствует, что король разгневался, но и становится многоцелевым репрезентационным оружием, призванным уничтожить оппонента, делегитимировать его авторитет уже в момент произнесения слов.

Важно отметить, что три хроники («Рифмованная хроника Оттокара», «Хроника Иоганна фон Винтертура» и «Деяния Генриха, архиепископа Трирского»), в которых король Рудольф наделён голосом, в качестве кульминационного момента, провокации со стороны псевдо-императора, приводят разные сюжеты. И слова Габсбурга в каждой из этих хроник непохожи друг на друга. Это говорит о том, что данные высказывания не происходят из одного источника, что собственно источника и не было, а прямая речь Рудольфа — это интерпретации хронистов, их представления о том, как должен был бы поступить король, чтобы выразить свою ярость в отношении Фридриха-самозванца.

Итак, почему же хроники середины XIV в. наделяют Рудольфа голосом, хотя в современных событиях 1285 г. источниках нет ни одного упоминания о *речи* короля, и к тому же, как я постаралась обосновать, молчание было частью политической стратегии Габсбурга по делегитимации самозванца? Молчание правителя представляется хронистам этого времени — в отличие от самого Рудольфа — уязвимой чертой поведения в образе «сильного правителя». Молчание короля в такой момент идёт, в представлении хронистов, вразрез с образом правителя-победителя. Весьма вероятно, что именно отсутствие официального слова Рудольфа в отношении самозванца, как устного, так и письменного, побудило хронистов на страницах своих сочинений приписать Габсбургу устное высказывание, чтобы тот представал как государь, который не теряет контроль над ситуацией. Они как бы «заделывали лакуны» в оставленном молчанием об-

разе «идеального правителя». Авторами эта ситуация осознавалась таким образом: если Рудольф не отвечает на слово словом, он «проигрывает», уступает свою доминирующую позицию. Поэтому именно в момент «пика авторитета» самозванца хронисты вводят в своё повествование королевский голос, чтобы он оказался тем инструментом, который перебивает претензии лже-Фридриха. То есть аудио-пространство власти Габсбург, «сделав высказывание», тут же подчиняет себе, еще до своих решительных действий в отношении самозванца.

С чем связано такое изменение в восприятии реакции короля на дерзкий вызов со стороны правителя-самозванца к середине XIV столетия? Почему голос правителя оказывается важным маркером силы его власти и необходимым условием конструирования образа «сильного правителя» при описании событий, когда само властвование Рудольфа было поставлено под сомнение? Связано ли это с постепенной, все более возрастающей с приближением Раннего Нового времени, регламентацией деятельности королевского двора и увеличением значимости устного слова государя? Или в таких трех разных речах Габсбурга мы видим следы устной традиции, когда свидетели передали эмоциональное, но не конкретное, высказывание короля как реакцию на обращение самозванца? Высказывание это, если вообще и имело место, то, тем не менее, не стало официальным суждением Рудольфа, которое он сам санкционировал для распространения. Все эти вопросы требуют дальнейшего изучения, однако даже после этого не исключено, что конкретные ответы так и не будут найдены.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Annales breves Wormatienses. 1861 – Annales breves Wormatienses // MGH SS. T. 17. Hannoverae, 1861.

Annales Halesburgenses Majores. 1879 – Annales Halesburgenses Majores // MGH SS. T. 24. Hannoverae, 1879.

Annales Henrici von Heimburg. 1861 – Annales Henrici von Heimburg // MGH SS. T. 17. Hannoverae, 1861.

Annales Moguntini. 1861 – Annales Moguntini // MGH SS. T. 17. Hannoverae, 1861.

Annales Sancti Stephani Frisingenses. 1881 – Annales Sancti Stephani Frisingenses // MGH SS. T. 13. Hannoverae, 1881.

Chronica Iohannis Vitodurani. 1924 – Chronica Iohannis Vitodurani / Hrsg. F. Baethgen // MGH SS rer. Germ. T. 3. Berolini, 1924.

Chronicon imperatorum et pontificum Bavaricum. 1879 – Chronicon imperatorum et pontificum Bavaricum // MGH SS. T. 24. Hannoverae, 1879.

Ellenhardi Argentinensis Annales. 1861 – Ellenhardi Argentinensis Annales // MGH SS. T. 17. Hannoverae, 1861.

Ellenhardi Argentinensis Chronicon. 1861 – Ellenhardi Argentinensis Chronicon / Hrsg. von G.H. Pertz // MGH SS. T. 17. Hannoverae, 1861.

Gesta Henrici Archiepiscopi Treverensis. 1879 – Gesta Henrici Archiepiscopi Treverensis // MGH SS. T. 24. Hannoverae, 1879.

Iohannis abbatis Victoriensis. 1909 – Iohannis abbatis Victoriensis. Liber Certarum Historiarum / Hrsg. von F. Schneider // MGH SS rer. Germ. in usum scholarum. T. 36. Hannoverae, Lipsiae, 1909. Liber 1.

Monachi Fuerstenfeldensis. 1918 – Monachi Fuerstenfeldensis, Chronica de Gestis Principum / Hrsg. von G. Leidinger // MGH SS rer. Germ. in usum scholarum. T. 19. Hannoverae, Lipsae, 1918.

Ottokars Österreichische Reimchronik. 1890 – Ottokars Österreichische Reimchronik / Hrsg. von J. Seemüller // MGH Dt. Chron. T. 5, pars. 1. Hannoverae, 1890.

Strassburgische Chronik von Fritsche Closener. 1843 – Strassburgische Chronik von Fritsche Closener / Hrsg. A. Schott, A.W. Strobel. Bd. 1. Stuttgart, 1843.

ЛИТЕРАТУРА

Герштейн. 2017 – Герштейн А.Б. Самозванец-император, король Рудольф и население германских земель: кто кого и как обманывал? // Стратегии обмана в обществах Средних веков и Нового времени / Под. ред. О.И. Тогоевой, О.Е. Кошелевой. М., 2017. С. 109-139.

Глогер. 2003 – Глогер Б. Император, Бог и Дьявол. Фридрих Гогенштауфен в истории и легенде. СПб., 2003.

Meyer. 1868 – Meyer V. Tile Kolup, der falsche Friedrich, und die Wiederkunft eines ächten Friedrich, Kaisers der Deutschen. Wetzlar, 1868.

Schwinges. 1987 – Schwinges R.C. Verfassung und Kollektives Verhalten. Zur Mentalität des Erfolges falscher Herrscher im Reich des 13. und 14. Jahrhunderts // Mentalitäten im Mittelalter / Hrsg. von F. Graus. Sigmaringen, 1987. Т. 1. S. 177-202.

Srtuve. 1988 – Srtuve T. Die falschen Friedriche und die Friedenssehnsucht des Volkes im später Mittelalter // Fälschungen im Mittelalter. Hannover, 1988. Т. 1. S. 317-337.

Список сокращений

MGH SS – Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum

О.И. Тогоева

«ПРЕНИЯ, ПРЕИСПОЛНЕННЫЕ ЛЮБЕЗНОСТИ». КРИСТИНА ПИЗАНСКАЯ И ЕЕ ОППОНЕНТЫ – МУЖЧИНЫ В СПОРЕ О «РОМАНЕ О РОЗЕ»

Ключевые слова: средние века, XV век, французская литература, публичная полемика, мизогинная традиция, Кристина Пизанская, спор о «Романе о Розе», женский и мужской типы дискурса.

Аннотация: статья посвящена проблеме публичной полемики вокруг «Романа о Розе», состоявшейся в Париже в самом начале XV века. Автор анализирует хронологию и основную проблематику данного спора, позиции, которые занимали Жан де Монтрей и Гонтье и Пьер Коль, поддерживавшие женоненавистнические идеи Жана де Мена, а также их оппоненты — Кристина Пизанская и Жан Жерсон, выступившие против «Романа». Особое внимание она уделяет стилистическим особенностям переписки участников дебатов, различиям мужского и женского типов дискурса, а также проблеме мизогинии, которая хорошо заметна не только по содержанию писем оппонентов-мужчин к Кристине Пизанской, но проявляется в самой форме их посланий.

Настоящее исследование я рассматриваю как продолжение статьи «Можно ли говорить о запретном?», опубликованной в свое время в альманахе «Адам и Ева»¹. В ней, в частности, я касалась полемики, развернувшейся между парижскими интеллектуалами в начале XV в. вокруг «Романа о Розе». Речь шла о *содержании* дебатов, которые повлекли за собой чтение второй части этого сочинения, созданной Жаном де Меном в конце XIII в.², о размышлениях участников спора вокруг про-

1 Тогоева. 2015.

2 **Le Roman de la Rose.** 1992: 244-1121. О создании «Романа о Розе» см., в частности: Lefèvre. 1992.

блем интимной жизни, семейных и любовных отношений, а также способов их описания и публичного обсуждения.

Как известно, начало дебатам положил трактат Жана де Монтрейя (1354–1418), секретаря Карла VI и прево Лилля, посвященный анализу второй части «Романа о Розе». Текст сочинения первого гуманиста Франции, как его традиционно именуют в специальной литературе³, до нас, к сожалению, не дошел, однако известно, что с романом он познакомился по настоящему совету своего близкого друга и коллеги, еще одного королевского секретаря, Гонтье Коля (1350/1352–1418)⁴. Этим увлекательным, надо полагать, чтением де Монтрей развлекал себя в апреле 1401 г. — с тем, чтобы составить о нем собственное мнение и изложить его на бумаге в мае того же года. Его трактат, очевидно, разошелся по Парижу в некотором количестве копий. Во всяком случае, помимо Гонтье Коля с ним смогла ознакомиться и Кристина Пизанская (ок. 1364 — ок. 1431), которая уже в июне-июле 1401 г. отправила Жану де Монтрейю развернутое послание⁵, резко критикуя

3 Данное определение было впервые использовано в немецкой историографии в середине XIX в.: **Voigt**. 1859: II, 347. С начала XX в. оно прижилось и у французских специалистов: **Langlois**. 1918-1919; **Combes**. 1942: 88.

4 Прямое указание на это содержалось в послании Жана де Монтрейя *Scisme* (epist. 120), адресованном Гонтье Колю: **Le débat**. 1977: 32. 'lugi hortatu tuo et impulsu'.

5 Далее ссылки на переписку участников спора даются преимущественно по новейшему изданию, подготовленному Андреа Валентини, филологом-медиевистом, преподавателем лингвистики в университете Sorbonne nouvelle-Paris 3: **Livre des epistres**. 2016. Эта публикация интересна с текстологической точки зрения, т.к. выполнена по рукописным кодексам, которые в основе своей имели сборник, составленный самой Кристиной Пизанской и преподнесенный ею королеве Изабелле Баварской. Таким образом, перед нами предстает та последовательность текстов, которую хотела видеть сама поэтесса. Однако в этот сборник не вошел ряд сочинений, имевших непосредственное отношение к дебатам, поэтому ниже они цитируются по первому изданию «Спора»: **Le débat**. 1977.

его позицию и тот положительный эффект, который, по мнению последнего, могло оказать чтение «Романа» на французскую публику⁶. Прево Лилля, однако, не считал для себя возможным ответить поэтессе: эту миссию он возложил на своего друга Гонтье, призвав его защитить память Жана де Мена от незаслуженных нападков. Коль поспешил выполнить поручение и 13 сентября 1401 г. попросил Кристину прислать ему для ознакомления ее послание, направленное де Монтрейю. Получив его незамедлительно, уже 15 сентября он вновь написал ей, яростно критикуя ее позицию относительно «Романа о Розе». Реакция поэтессы не заставила себя ждать, ее ответ последовал в конце сентября того же года. На этом первая «фаза» дебатов завершилась, и Кристина Пизанская, собрав всю переписку в единую «Книгу» (*Livre des epistres*), преподнесла ее 1 февраля 1402 г. королеве Изабелле Баварской (1370–1435). Очевидно, в то же время копию сборника получил и Гийом де Тиньонвиль († 1414), прево Парижа. Цель, которую в обоих случаях преследовала Кристина, была прямо указана в письмах-посвящениях, направленных ею своим высоким покровителям: она надеялась на их под-

6 Кристине Пизанской казалось совершенно неприемлемым публичное обсуждение сексуальных отношений мужчин и женщин, их интимных органов, а также различных стратегий обмана, используемых в семейной жизни: **Livre des epistres**. 2016: 159. 'Et quant il me souvient des faintises, faux semblans et choses dissimulees en mariage et autre estat que l'en peut retenir d'icellui traictié, certes je juge que moult sont beaulx et prouffitables recors a ouyr!'. Ее оппоненты, напротив, полагали, что подобное чтение может послужить поучительным целям, являясь, по выражению Жана де Монтрейя, «зерцалом нравственности»: **Livre des epistres**. 2016: 166: 'Mirouer de bien vivre, exemple de tous estas de soy politiquement gouverner et vivre religieusement et sagement'.

держку в полемике, развернувшейся вокруг сочинения Жана де Мена⁷.

Перерыв в дебатах продолжался до конца лета 1402 г., когда поэтесса получила пространное послание от Пьера Коля, каноника собора Парижской Богоматери, поддержавшего своего брата Гонтье в развернувшейся полемике. Ее ответ последовал 2 октября, а в ноябре того же года было написано второе письмо Пьера Кристине. Ее реакции автор не дождался (либо нам о ней ничего не известно), однако зимой 1402–1403 гг. ему ответил Жан Жерсон (1363–1429), знаменитый французский теолог и канцлер Парижского университета, резко осудивший взгляды братьев Коль на «Роман о Розе» и своим собственным авторитетом положивший конец затянувшемуся спору⁸.

Помимо этих, весьма многочисленных писем следует упомянуть также некоторые важные тексты, которые, безусловно, имели определенное влияние на тон и содержание всей переписки, хотя и не относились к ней непосредственно. В первую очередь, речь идет о проповедях и специальном трактате Жана Жерсона, поддержавшего позицию Кристины

-
- 7 В письме Изабелле Баварской: **Livre des epistres**. 2016: 150. 'Si suppli humblement vostre digne haultece... y vueilliés adjouster foy et donner faveur de plus dire, se plus y scé'. В письме Гийому де Тиньонвилю: *Ibid.*: 265. 'Pour ce requier vous... s'encline a joindre a mes dittiez vraies oppinions, par si que vostre sagece me soit force, aide, deffence et appuial'.
- 8 Жан Жерсон полагал, что книги, подобные «Роману о Розе», совершенно аморальны, они возбуждают в людях похоть, а потому должны быть изгнаны из «нашей республики христианской религии»: **Le débat**. 1977: 162. 'Illic peroratum satis arbitror scripta, verba et picturas provocatrices libidinose lascivie penitus execrandas esse et a re publica christiane religionis exulandas'. Он полностью поддерживал Кристину Пизанскую в том, что чтение подобной литературы заставляет краснеть любого достойного человека: **Le débat**. 1977: 168. 'Illud subinde mulier hec prudenter atulit quod ad lecturam actoris tui erubescerent regine — erubescerent ingenia bene morata ingenuoque pudore predata'.

Пизанской в ее критическом отношении к «Роману о Розе»⁹. Все эти сочинения появились в период с августа 1401 г. до зимы 1402–1403 гг. Кроме того, необходимо учитывать и письма Жана де Монтрейя, отправленные им в тот же период, но адресованные сторонним наблюдателям, к которым он обращался за советом относительно своей позиции по «Роману о Розе», или за сочувствием¹⁰.

К непосредственным же участникам переписки, согласно всем без исключения сохранившимся до наших дней кодексам, относились всего пять человек: Жан де Монтрей, Кристина Пизанская, Гонтье и Пьер Коль и Жан Жерсон. Вне всякого сомнения, это были люди, знакомые между собой, причем в некоторых случаях – знакомые не просто лично, но очень близко. Так, Жан де Монтрей, трудившийся в королевской канцелярии в одно время с Этьеном Кастелем, безусловно, встречался и с его женой Кристиной. С Гонтье Колем, как я упоминала выше, его связывали тесные дружеские отношения, знал он, вероятно, и Пьера Коля, не говоря уже о Жане Жерсоне. Этот последний также был лично знаком с братьями Коль и, возможно, с Кристиной Пизанской. Единственными участниками спора, которые, пусть и заочно, узнали друг друга лишь благодаря начавшимся дебатам, были французская поэтесса и Гонтье и Пьер Коль: их переписка стала их первым *личным* контактом¹¹.

На данное обстоятельство, как мне кажется, следует обратить особое внимание, ведь основной обмен письмами происходил как раз между этими респондентами и должен был каким-то образом повлиять на стилистику их переписки.

9 **Le débat**. 1977: 59-87, 179-185; **Livre des epistres**. 2016: 297-324 (трактат Жана Жерсона).

10 **Le débat**. 1977: 29-56.

11 **Le débat**. 1977: XVI, XLVIII.

Любопытно, однако, задаться вопросом о том, что именно они посылали друг другу, поскольку далеко не всегда свои тексты участники спора именовали «письмами» (*epistres*). Очень часто как собственные послания, так и полученные ответы они называли «трактатами» или «сочинениями». Мы встречаем подобные определения в письме Кристины Пьеру Колю от 2 октября 1402 г., где термином *traicité* назван ее ответ Жану де Монтрейю¹²; в ее обращении к Изабелле Баварской (*dictié*)¹³ и к Гийому де Тиньонвилю (*memoires*)¹⁴. В первом письме Гонтье Коля Кристине говорилось о «произведении» (*oeuvre*), которое она создала на основе трактата де Монтрейя¹⁵, а в ее ответе в том же контексте фигурировало определение *un petit traictié en maniere d'epistre*¹⁶. Иными словами, речь уже изначально, по всей видимости, шла все-таки не о *приватном* обмене мнениями¹⁷, но о суждениях, рассчитанных на большую аудиторию: ведь трактаты обычно создавались для более или менее широкого круга читателей, а не для личного использования. Это была не «частная» интеллектуальная игра, лишь заботами Кристины Пизанской получившая известность¹⁸, но именно *публичное* обсуждение — дебаты, пусть

12 **Livre des epistres**. 2016: 176.

13 **Livre des epistres**. 2016: 149-150.

14 **Livre des epistres**. 2016: 264.

15 **Livre des epistres**. 2016: 152.

16 **Livre des epistres**. 2016: 171.

17 На приватном характере переписки настаивает издатель «Спора» Андреа Валентини: **Livre des epistres**. 2016: 108-109.

18 Таково мнение, утвердившееся в специальной литературе: **Le débat**. 1977: XXXIV, XLI; **Badel**. 1980: 432; **Brown-Grant**. 1999: 8; **Livre des epistres**. 2016: 106-107, 109.

даже и начавшиеся относительно случайно¹⁹. Собственно, само слово «спор» (*debat*) появилось в данной переписке достаточно рано: оно было использовано уже в письмах, отправленных поэтессой Изабелле Баварской и Гийому де Тиньонвилю в феврале 1402 г.²⁰ Тот же термин фигурировал и в послании Кристины Пьеру Колю от 2 октября того же года²¹.

Косвенным подтверждением того, что речь шла об *открытом* обмене мнениями, являлся и тот факт, что письма, адресованные тем или иным участником спора вроде бы конкретному человеку, читались и комментировались другими людьми. Так, Гонтье Коль отвечал на «трактат» Кристины Пизанской, направленный в свое время Жану де Монтрейю, а Жан Жерсон — на послание Пьера Коля, полученное поэтессой. Кроме того, письмо Кристины де Монтрейю — как и сочинение Жерсона, посвященное критике «Романа о Розе», — читал Пьер Коль. Поэтесса же, в свою очередь, также имела возможность познакомиться с трактатом канцлера Парижского университета.

Подтверждение публичного характера дебатов мы находим и в содержании самих писем. Некоторые из них, ес-

19 Случайное начало спора признавала сама Кристина Пизанская в письме Пьеру Колю: *Livre des epistres*. 2016: 207. 'Car d'aventure avint le commencement et non mie de volenté proposee'. Единственным, кто действительно желал сохранить частный характер этого обмена мнениями, был, вероятно, Жан де Монтрей. В письме *Mee an fuerit* (epist. 121) высокопоставленному представителю французской церкви (предположительно, Пьеру д'Альи), которому прево Лилля собирался отправить собственный трактат в защиту «Романа о Розе», он специально просил своего респондента не допускать копирования текста и его распространения: *Le débat*. 1977: 36. 'Rursus igitur subiit mentem meam Paternitati Vestre mittere eam, de qua pridie in domo vestra sermonem habuimus, satirice invectionis formam tenentem epistolam, non ut transcribitur, hoc supplico, posco, obsecro requiroque, sed solum eam Vestra Dominatio pervideat'.

20 *Livre des epistres*. 2016: 149, 264.

21 *Livre des epistres*. 2016: 176.

ли судить по контексту, в действительности явно задумывались как обращение не к одному определенному человеку, но к большому числу людей — либо к сторонникам Кристины Пизанской (родофобами), либо к их противникам-родофилам²². Так, в послании Жану де Монтрейю поэтесса писала, что трактат прево Лилля, посвященный сочинению Жана де Мена, предназначался не только ей, но в целом «некоторым хулителям “Романа о Розе”»²³. В свою очередь, она обращала критику не против уважаемого члена королевской канцелярии лично, но против всех его «сторонников и сообщников» (*tous voz aliez et complices*)²⁴. Точно так же и Гонтье Коль в своем первом письме от 13 сентября 1401 г. критиковал не только саму Кристину, но и всех «доносчиков» (*denonciateurs*), выступивших против Жана де Мена, которым ее «выпад» (*invective*) в его адрес доставил истинную радость (*plaisir*)²⁵. В посвящении Изабелле Баварской упоминались «многие [люди], имеющие противоположное мнение» (*aucunes opinions a honnesteté contraires*), с которыми боролась поэтесса²⁶. Определением «ты и твои сообщники» (*toy et tes complices*) пользовался Пьер Коль в обращении к Кристине²⁷. Она же в ответ ясно давала понять, что, во-первых, ее идеи разделяют и другие родофобы, а во-вторых, что и лагерь родофилов также не ограничивается одним лишь Пьером, но

22 Эти определения двух противоборствующих лагерей ввел в научный оборот Эрик Хикс: *Le débat*. 1977: XVII.

23 *Livre des epistres*. 2016: 155-156. 'Aucuns blasmeurs de la compilation du Rommant de la Rose'.

24 *Livre des epistres*. 2016: 165.

25 *Livre des epistres*. 2016: 153.

26 *Livre des epistres*. 2016: 150.

27 *Livre des epistres*. 2016: 334.

включает и других «учеников» (*disciples*) и «консортов» (*consors*) Жана де Мена²⁸.

Таким образом, и в случае Кристины Пизанской, и в случае ее оппонентов мы наблюдаем использование одного и того же стилистического приема, когда «частное» письмо в действительности оказывалось публичным достоянием и самой своей формой претендовало на всеобщее обсуждение.

В связи с этим интересно также проанализировать, как обращались друг к другу участники переписки. Эрик Хикс в своем подробнейшем введении к первому изданию «Спора» отмечал, что более всего его поразило отсутствие в тексте писем *имен* респондентов: с его точки зрения, оппоненты обращались друг к другу не лично, но опосредованно, используя описательность определений, что «было явно нормой» в то время²⁹. Это, однако, вовсе не соответствует действительности, поскольку во всех рукописях «Спора» сохранились имена адресатов. Участники переписки практически всегда подписывали свои послания, более того, во многих случаях они и обращались к респондентам лично. Эту особенность мы наблюдаем и в письмах Кристины Изабелле Баварской и Гийому де Тиньонвилю, и в ее послании Жану де Монтрейю, и в ее переписке с Гонтье и Пьером Коль³⁰.

Отдельный интерес представляет, безусловно, проблема обращения участников дебатов друг к другу на «ты» или на

28 *Livre des epistres*. 2016: 203, 207.

29 *Le débat*. 1977: XVI.

30 См., к примеру, начало письма к Гийому де Тиньонвилю: *Livre des epistres*. 2016: 264. 'A mon treschier seigneur, noble chevalier et sage, messire Guillaume de Tignonville, prevost de Paris'. Обращения по имени отсутствовали лишь в послании Жана Жерсона Пьеру Колю, написанному на латыни, а также в письме самого Пьера Кристине Пизанской: *Le débat*. 1977: 162, 175; *Livre des epistres*. 2016: 327.

«вы». Для Эрика Хикса этот вопрос решался однозначно: по его мнению, «вы» означало в данном случае выражение уважения к вышестоящему, «ты» указывало на то, что респонденты были хорошо знакомы друг с другом или же являлись близкими друзьями³¹. Казалось бы, данное наблюдение подтверждается письмами Кристины Изабелле Баварской, Гийому де Тиньонвилю и Жану де Монтрейю: ко всем ним она обращалась на «вы», что было совершенно естественно, поскольку писала она людям, имевшим значительно более высокий социальный статус, — королеве, королевскому прево Парижа и королевскому прево Лилля³².

Гипотезе Э. Хикса, однако, никоим образом не соответствует переписка Кристины Пизанской с братьями Коль. Так, уже в первом письме, адресованном поэтессе, Гонтье Коль обращался к ней на «ты»³³. Данный прием отнюдь не являлся свидетельством их близкого знакомства. Как я уже упоминала выше, эти двое ранее никогда не встречались, и послание от 13 сентября 1401 г. стало для них самым первым, причем заочным контактом. В своем втором письме Гонтье продолжал ту же линию, специально оговаривая данное обстоятельство: он якобы не хотел, чтобы Кристина обижалась на столь вольную манеру общения, ибо в привычки автора

31 **Le débat**. 1977: XXVI.

32 См., к примеру, письмо к Изабелле Баварской: **Livre des epistres**. 2016: 150. 'Et, ma tres redoubtee, pour ce que tele vertu est trouvee en vostre noble entendement, est chose couvenable que dictiez de choses esleues vous soient presentés comme a souveraine' (курсив мой — О.Т.).

33 **Livre des epistres**. 2016: 152. 'J'ay ouy parler... que entre tes autres estudes et oeuvres... tu as nouvellement escript par maniere de investive aucunement contre ce que mon maistre, enseigneur et familier, feu maistre Jehan de Meun... fist et compila ou livre de la Rose' (курсив мой — О.Т.).

входило обращение на «ты» ко всем его друзьям³⁴. Данная оговорка представляется мне крайне важной. Во-первых, становится ясно, почему в ответном послании поэтесса сама с первых же строк использовала ту же стилистику (ведь Гонтье буквально сам ей это позволил)³⁵. Во-вторых, по уточнению, данному во втором письме Коля, мы сразу же понимаем, что утверждения некоторых современных исследователей об отсутствии в переписке участников «Спора» признаков мизогинии совершенно не верны³⁶.

Несмотря на то, что Гонтье якобы обращался к Кристине как к другу (*ami*), весь тон его письма свидетельствовал о том, что образцом для составления его послания служило церковное увещание, поскольку автор прямо призывал поэтессу покаяться (*amender*) в заблуждениях и грехах и предлагал лично помочь ей исправиться³⁷. Речь, таким образом, шла вовсе не о дружбе: в первых же строках своего письма королевский секретарь ссылался на Священное Писание, которое «учит и наставляет нас, что если мы видим ближнего своего (*amy*) заблуждающимся или ошибающимся (*errer ou faire faulte*), мы должны его вразумить и направить на путь истин-

34 **Livre des epistres**. 2016: 170. 'Et se ores et autre fois, quant je te escripray, te appelle en singulier, ne te desplaie ne le me imputes a arrogance ou orgueil, car c'est et a esté de tous jours ma maniere, quant j'ay escript a mes amis'.

35 **Livre des epistres**. 2016: 171. 'O tu, clerc subtil...' (курсив мой — О.Т.).

36 Их выкладки подробно разобраны в предисловии Андреа Валентини к новому изданию «Спора». Сам автор также придерживается мнения, что письма оппонентов Кристины Пизанской были лишены признаков мизогинии и говорить нужно лишь об их следовании общей патриархальной традиции средневековой культуры: **Livre des epistres**. 2016: 110, 117-129.

37 **Livre des epistres**. 2016: 169. 'Je te aime loyaument pour tes vertues et merites, t'ay premierement, par une mienne lettre que avant yer t'envoyay, exortee, avisee et prieed de toy corriger et amender de l'erreur et manifeste folie ou demence'.

ный»³⁸. Иными словами, Гонтье обращался к Кристине не как к другу, но как к заблудшей овце, которую следует вернуть в стадо истинных верующих. Та же ситуация повторялась и с Пьером Колем. Буквально цитируя старшего брата, в первом же своем письме он просил поэтессу простить ему то, что он обратился к ней на «ты», ведь он действовал исключительно «из доброй любви» (*bonne amour*) и стремления вернуть ее на путь истинный (*a droite voye*)³⁹.

В обоих случаях, таким образом, речь шла о сознательном унижении оппонента, более того, об унижении мужчиной женщины. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что в переписке наших героев-мужчин мы такого отношения не найдем. Они действительно называли друг друга на «ты», но поступали так лишь потому, что являлись хорошими знакомыми (как Жан Жерсон и Пьер Коль) или близкими друзьями (как Жан де Монтрей и Гонтье Коль)⁴⁰. Более того, они писали друг другу на латыни, однако к Кристине обращались исключительно по-французски. Впрочем, как я упоминала выше, Жан де Монтрей до ответа поэтессе так и не сни-

38 **Livre des epistres**. 2016: 169. 'La divine Escripiture nous enseigne et commande que, quant on voit son amy errer ou faire faulte on le doit corriger et repprendre premierement a part'. Завершалось письмо Гонтье новым призывом «вернуться к истинному свету и знанию»: **Le débat**. 1977: 24. 'Dieux vueille briefment ramener ton cuer et entendement a vraye lumiere et congnoissance de verité!'.

39 **Le débat**. 1977: 328. 'Et me pardonne se je parle par *tu*, car je le fais pour monster que ceste mienne response vient par bonne amour (c'est assavoir pour toy ramener a droite voye)'.

40 В частности, на «ты» обращался к Пьеру Колю Жан Жерсон: **Le débat**. 1977: 162. 'Fit nichilominus ut vel in mediis occupacionibus *tibi* rescribere non differat, tum zelus meus redamare debens atque morem gerere *tibi* qui me diligere, non dico simulas — seorum hec a te fictio, — sed vere *monstras*' (курсив мой — О.Т.).

зошел: в одном из своих посланий неизвестному адресату⁴¹, касающемся «Спора», он сравнивал ее с афинской гетерой Леонтиной, любовницей Эпикура, которая «осмелилась перечить философу Теофрасту»⁴². Иными словами, женщина, не обученная латыни, т.е., по сути дела, не обученная ничему, казалась королевскому секретарю недостойной вести разговор о высоких материях. Более того, используя в отношении Кристины определение *meretrix* (проститутка), де Монтрей сознательно низводил заочную полемику с ней до плохо завуалированных обвинений в сексуальной распущенности.

Именно это отношение последовательно развивали в своих письмах Гонтье и Пьер Коль⁴³. Научное знание представлялось им уделом одних лишь мужчин⁴⁴. Так, Гонтье Коль в своем первом письме Кристине отмечал, что признает и, вне всякого сомнения, уважает ее ум, но вместе с тем осознает, что читает она только по-французски, причем не только «докторов», но и «писателей и поэтов», т.е. совершенно несерьезную литературу⁴⁵. А потому, рассуждал Гон-

41 Возможно, письмо предназначалось Эсташу Дешану или Оноре Буве: **Le débat**. 1977: 207 (note 42).

42 **Le débat**. 1977: 42. 'Que licet, ut est captus femineus, intellectu non careat, michi tamen audire visum Leuntium grecam *meretricem*, ut refert Cicero, que «contra Theofrastum, philosophum tantum, scribere ausa fuit» (курсив мой — О.Т.).

43 Кристина прекрасно понимала эту направленность адресованных ей писем. Отвечая Гонтье Колю, она упрекала его в стремлении принизить ее женскую сущность: **Livre des epistres**. 2016: 172. 'Meu d'impacience m'as escript tes IIes letres plus injurieuses, reprochant mon femenin sexe'.

44 Любопытно в связи с этим отметить, что в письме *Ex quo nugis* (epist. 119) Жан де Монтрей *оправдывался* в том, что свой трактат в защиту Жана де Мена он написал по-французски. Его противники, полагал он, могут его в этом упрекнуть: **Le débat**. 1977: 30. 'In eo quod vulgari sermone editum est reprehendi possem vel notari'.

45 **Livre des epistres**. 2016: 153. 'D'avoir sceu, leu et entendu ou dit livre et en ses autres fais en françois, et autres plusieurs et divers docteurs, aucteurs et poetes'.

ть, Кристина просто не могла самостоятельно начать прения о «Романе о Розе», сделать это поэтессу заставили ее «сторонники» (*satalites*). Они буквально «впихнули» ее в дебаты, используя как «колпак от дождя» и выставя на посмешище, пытаясь уверить в том, что обычная женщина способна разбираться в столь сложных текстах и идеях такого великого человека как Жан де Мен⁴⁶.

Не менее оскорбительным являлось и замечание Гонтье Коля о том, что свое послание он составлял «в спешке» (*hastivement*). Он подчеркивал, что так торопился познакомить поэтессу с другими сочинениями «истинного католика, выдающегося знатока святой теологии, глубокого философа и прекрасного ученого»⁴⁷, что решил отправить ей их некачественную копию: в его кодексе содержалось много ошибок, но у него не было лишнего времени, дабы их исправить⁴⁸. Таким образом, Гонтье как бы намекал Кристине, что и такой неточный текст вполне подойдет для женщины, ведь она все равно мало что в нем поймет, поскольку не читает на латыни, любит «поэтов», да и сама является всего лишь поэтессой, известной, по остроумному (но от того не менее унизительному) замечанию Пьера Коля, сочинением «этаких

46 **Livre des epistres**. 2016: 153.. 'Tes satalites... qui en ce fait t'ont bouted pour ce que toucher n'y osoient ou ne scavoient, mais de toy veulent faire chappe a pluye, pour dire que plus y sauroient que une femme, et plus reprimer la renommee... d'un tel homme'.

47 Так Гонтье именовал Жана де Мена: **Livre des epistres**. 2016: 'Jehan de Meun — vray catholique, sollempnel maistre et docteur en son temps en sainte theologie, philosphe tres parfont et exellant, sachant tout ce qui a entendement humain est sciible'.

48 **Livre des epistres**. 2016: 153. 'Le quel est incorrect par faulte d'escrivvain qui pas ne l'entendi, comme il y pert, et n'ay eu espace ne loisir de le veoir ne corriger au lonc, pour la haste et ardeur que j'ay de veoir ton dessus dit oeuvre'.

штучек» (*telz chosettes*)⁴⁹. Для них обоих Кристина была всего лишь представительницей слабого пола, которой по определению свойственны избыточные эмоции, любовь к развлечениям и свободному времяпрепровождению, а также «необдуманность и поспешность суждений» (*parole trop tost usue et sans avis de bouche de fame*), которые она осмелилась, по замечанию Пьера Коля, вынести в отношении «столь ученого» и «столь достопочтенного» мужа, как Жан де Мен⁵⁰. Его брат Гонтье считал точно так же: он полагал, что и свой «трактат» против «Романа о Розе» она написала «для удовольствия» (*plaisir*). Это произведение было не серьезной мужской «работой» (*labour*), но сочинением женщины, «захваченной страстью» (*femme pacionnee*)⁵¹.

Эмоциональность и страстность, в которых прямо обвинял Кристину Гонтье Коль, отчасти и правда присутствовали в ее посланиях. Однако, речь здесь должна вестись не только о женоненавистнических обвинениях, но и об особенностях самого языка — о *мужском* и *женском* типах дискурса, которые, насколько можно судить, различались в средние века так же, как они различаются в современном нам мире⁵². Согласно лингвистам, мужской тип дискурса всегда отличается известной логичностью, сухостью и является по преимуществу *глагольным*. Его мы в полной мере наблюдаем, к примеру, в письмах Гонтье Коля, одним из важных стилистических отличий которых было использование в одном предложении

49 *Livre des epistres*. 2016: 327.

50 *Livre des epistres*. 2016: 337.

51 *Livre des epistres*. 2016: 153, 170.

52 Мне уже доводилось писать об этом различии, которое оказалось возможным выявить (при всех существующих ограничениях текстологического характера), в частности, на материале признательных показаний мужчин и женщин, записанных в средневековых регистрах судебной практики: Толева. 2006: 54-65.

сразу несколько глаголов-синонимов, нанизывание их один за другим в цепочку. Обычно такие «периоды» плохо поддаются переводу на русский язык, что, на мой взгляд, не мешает оценить их оригинальную форму: “*je puisse labourer et moy employer*” (я бы мог поработать и задействовать себя), “*chargier, corrigier et reprendre*” (переосмыслить, подкорректировать и взглянуть по-новому), “*je te pry, conseil et requiers*” (я тебя прошу, советую тебе и призываю тебя), “*que tu vueilles corriger, desdire et amender*” (дабы ты пожелала исправиться, опровергнуть свои слова и покаяться)⁵³.

Женский тип дискурса называется в современной лингвистике *именным*, он эмоционален, в нем используется меньше глаголов, но больше существительных и прилагательных⁵⁴. Данные особенности мы наблюдаем в письмах самой Кристины Пизанской, причем уже в первых их строках. Если Гонтье Коль обращался к поэтессе как к «разумной, достойной и ученой дамуазели»⁵⁵, то она сама оказывалась более выпрренной:

О, ты, образованнейший клирик философского умонастроения, искусный в науках, ловкий в риторике и стихосложении...⁵⁶.

Еще более витиеватым языком было составлено письмо к Жану де Монтрейю:

53 **Livre des epistres**. 2016: 153, 154, 170.

54 Подробнее о различиях мужского и женского типов дискурса см., в частности: **Parlers masculins, parlers féminins?** 1983; **Irigaray**. 1985; **Mauxion**. 1987.

55 **Livre des epistres**. 2016: 152. ‘A prudent, honoree et sçavent damoiselle, Christine’.

56 **Livre des epistres**. 2016: 171. ‘O tu, clerc subtil d’entendement philosophique, stilé es sciences, prompt en polie rethorique et subtile poetique’.

Поклон, уважение и честь Вам, мой господин, прево Лилля, мой дорогой сир и мэтр, мудрый нравом, искушенный в науках, образованный клирик и эксперт в риторике...⁵⁷.

В отличие от своих оппонентов-мужчин, использовавших по преимуществу «цепочки» из глаголов-синонимов, Кристина явно предпочитала бесконечные «нанизывания» существительных и прилагательных. Так, в письме к тому же де Монтрейю она описывала королеву Сицилии как женщину, известную своими «красотой, чистотой, достоинством и познаниями» (*beauté, chasteté, honnesteté et savoir*)⁵⁸, и упоминала иных «самых доблестных, самых достойных, лучше всех воспитанных и даже более образованных [нежели мужчины] дам» (*les plus valables femmes, plus honnestes, mieulx moriginees et meismes plus sçavens*), способных, по мнению автора, судить о содержании «Романа о Розе»⁵⁹. Критикуя позицию Жана де Мена, а вместе с тем — доводы собственных оппонентов в письме Пьеру Колю, Кристина замечала, что тот, кто обманывает в браке, является *menteur, parjure, faux semblant, flateur, traytre, fallacieux, malicieux, agaitant, couvert et autres maulx infinis*, что в целом можно перевести на русский язык всего одним словом — «лжец»⁶⁰.

Помимо активного обращения к синонимичным существительным и прилагательным именной женский тип дискурса предполагает также использование большего количества междометий, восклицаний, восклицательных знаков, присказок, метафор, т.е. склонность к *эмфазе*, которую

57 **Livre des epistres**. 2016: 155. 'Reverence, honneur avec recommandacion a vous, mon seigneur le prevost de Lille, trescher sire et maistre, sage en meurs, ameure de science, en clergie fondé et expert de rethorique'.

58 **Livre des epistres**. 2016: 163.

59 **Livre des epistres**. 2016: 163.

60 **Livre des epistres**. 2016: 189.

мы постоянно наблюдаем в посланиях Кристины Пизанской, но практически не находим в текстах ее оппонентов-мужчин⁶¹. В запале, при описании всех непотребств, которых позволил себе публично обсуждать в «Романе о Розе» Жан де Мен, в письме Жану де Монтрейю она даже сбивалась с уважительного «вы» на вольное «ты», хотя и делала это всего лишь раз⁶².

Вместе с тем Кристина Пизанская прекрасно понимала, как к ней относились ее оппоненты: не случайно в письме Пьеру Колю она упоминала о «шпильках, которые отпускались ранее в мой адрес в сочинениях других важных персон»⁶³. И все же она, как кажется, пыталась удержаться *над* схваткой и не позволяла себе обижаться на унижительные выпады в свой адрес. Напротив, она *обыгрывала* это постоянное противопоставление слабого и сильного полов, поэтессы и ученых мужей, которое недвусмысленно навязывали ей оппоненты. Она и правда именовала их не иначе как «учеными клириками» (*clerc subtil*), «выдающимися мэтрами» (*notables et esleus maistres*), «могущественными и сильными [мужчинами]» (*les diz puissans et fors*), однако при этом обращалась к ним на «ты», что являлось явным понижением общего стиля и, соответственно, принижением самих адресатов⁶⁴. Она постоянно играла в слова, подшучивая и иронизируя над своими оппонентами. Описывая себя как

61 В письмах Кристины постоянно использовался восклицания, а также такие междометия как *Ha! Hahay! Beaux Sire Dieux! Pour Dieu! Dieu mercy! Mais sans faille!*: *Livre des epistres*. 2016: 155-167, 175-208.

62 *Livre des epistres*. 2016: 164. 'Et se tu veulx excuser...je te respons...' (кписив мой – О.Т.).

63 *Livre des epistres*. 2016: 176. 'Les aguillonemens ja a moy lanciez par les escriptures d'aultres sollempnelles personnes'.

64 *Livre des epistres*. 2016: 171, 265.

«простую женщину» (*simple femmellette*)⁶⁵, она вместе с тем совершенно невинно замечала, что представительница слабого пола, особенно побывавшая замужем, смыслит в делах любви и в интимной жизни значительно больше, нежели любой, даже самый ученый клирик⁶⁶. Она постоянно противопоставляла свои «скромные познания [о мире]» (*la petitece de ma faculté*) высоким достижениям ее оппонентов и их уму и возвращалась к этому сравнению столь часто, что создавала тем самым подлинный комический эффект⁶⁷. Так, в письме к Пьеру Колю она буквально в каждом пассаже поминала «изысканный стиль» (*bel style*) своего респондента, противопоставляя ему собственный «вульгарный грубый стиль» (*en gros et rudement, selon mon usage*) и сожалела, что адресат будет вынужден иметь с ним дело⁶⁸. Наконец, она называла его «добрым милым другом» (*beau doulx ami*), хотя по тону ее письма было совершенно очевидно, что таковым она его вовсе не считает⁶⁹.

Думала ли Кристина Пизанская на самом деле, что ее оппоненты выше ее в интеллектуальном плане? Полагаю, что нет. Она оказывалась исключительно серьезной каждый раз, как речь заходила о сути ее претензий к Жану де Мену: она ясно и четко их перечисляла, используя в качестве доказательств цитаты из самого «Романа о Розе», а также многочисленные ссылки на труды Аристотеля, Сене-

65 *Livre des epistres*. 2016: 190.

66 *Livre des epistres*. 2016: 163-164. 'Et de tant comme voirement suis femme, plus puis tesmoigner en ceste partie que celui qui n'en a l'experience, ains parle par devinailles et d'aventure'

67 *Livre des epistres*. 2016: 172 (также: 150, 155-156, 164-165, 265).

68 *Livre des epistres*. 2016: 176.

69 *Livre des epistres*. 2016: 182.

ки, Теренция, Саллюстия, Августина⁷⁰, но более всего — на Библию⁷¹. Учитывая условия бытования этих текстов во Франции XV в., следует предположить, что читала она их исключительно на латыни, т.е. на том языке, в незнании которого недвусмысленно обвиняли поэтессу ее противники. Таким образом, все заверения Кристины в том, что в науках она не сильна, в реальности оказывались не более чем *стили-стическим* приемом, рассчитанным на введение оппонентов в заблуждение, но отнюдь не искренней уверенностью в собственном более низком интеллектуальном уровне.

* * *

Что же остается нам констатировать в заключение? С одной стороны, «Спор о “Романе о Розе”» действительно предоставляет нам возможность увидеть лингвистические и стилистические расхождения в эпистолярном творчестве средневековых мужчин и женщин и, в частности, различия в глагольном и именном типах дискурса. С другой стороны, стилистика этих писем — в не меньшей степени, нежели само их содержание — позволяют нам стать свидетелями своеобразной «игры в слова», которой на протяжении полутора лет развлекали себя парижские интеллектуалы: иронию (злую и добрую) в отношении друг друга, добродушное поддразнивание или же, напротив, довольно злобное передразнивание. И если Кристина Пизанская, как мне кажется,

70 **Livre des epistres.** 2016: 166. 'Sont trouvees en mains autres volumes fais de philosophes et docteurs de nostre foy, comme Aristote, Seneque, saint Pol, saint Augustin et d'autres... Qui plus valablement et plainement tesmoignent et enseignent vertus et fuyr vices que maistre Jehan de Meun n'eust sceu faire'.

71 **Livre des epistres.** 2016: 157. 'Mais, par la polucion de pechié, devint homme inmonde, dont ancore nous est demouré peché originel (ce tesmongne l'Esriture sainte)'. См. также: **Livre des epistres.** 2016: 176, 178, 181, 182, 183, 187, 192, 194, 196 и др.

оказывалась преимущественно склонной к подтруниванию над собой и своими адресатами, то ее оппоненты на протяжении всех дебатов оставались исключительно серьезными. В целом же, перед нами предстает живой, эмоционально насыщенный и отнюдь не лишенный столь свойственной эпохе Средневековья мизогинии, что бы ни думали по данному поводу некоторые современные исследователи, диалог между несколькими мужчинами и женщиной, между реальными, а не вымышленными людьми такого далекого от нас XV столетия.

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

Le débat. 1977 – Christine de Pisan, Jean Gerson, Jean de Montreuil, Gontier et Pierre Col. Le débat sur le Roman de la Rose / Ed. par E. Hicks. P., 1977.

Livre des epistres. 2016 – Le Livre des epistres du debat sus le Rommant de la Rose / Ed. critique par A. Valentini. P., 2016.

Le Roman de la Rose. 1992 – Guillaume de Lorris et Jean de Meun. Le Roman de la Rose / Edition d'après les manuscrits BN 12786 et BN 378, traduction, présentation et notes par A. Strubel. P., 1992.

ЛИТЕРАТУРА

Тогоева. 2006 – Тогоева О.И. «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006.

Тогоева. 2015 – Тогоева О.И. Можно ли говорить о запретном? Интимная жизнь людей Средневековья в пространстве публичной полемики // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2015. Вып. 23. С. 23-63.

Badel. 1980 – Badel P.-Y. Le Roman de la Rose au XIVe siècle. Etude de la réception de l'oeuvre. Genève, 1980.

Brown-Grant. 1999 – Brown-Grant R. Christine de Pizan and the moral defence of women. Reading beyond gender. Cambridge, 1999.

Combes. 1942 – Combes A. Jean de Montreuil et le chancelier Gerson. P., 1942.

Irigaray. 1985 – Irigaray L. Parler n'est jamais neutre. P., 1985

Langlois. 1918-1919 – Langlois E. Le traité de Gerson contre le Roman de la Rose // Romania. 1918-1919. Vol. 45. P. 23-48.

Lefèvre. 1992 – Lefèvre S. Roman de la Rose // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age / Sous la dir. de G. Hasenohr, M. Zink. P., 1992. P. 1308-1310.

Mauxion. 1987 – Mauxion M. La transmission de la parole oraculaire // Langages. 1987. № 85: Le sexe linguistique / Sous la dir. de L. Irigaray. P. 9-14.

Parlers masculins, parlers féminins? 1983 – Parlers masculins, parlers féminins? / Ed. par V. Aebischer, C. Forel. P., 1983.

Voigt. 1859 – Voigt G. Die Wiederbelebung des Klassischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus. Berlin, 1859.

Ю.П. Крылова

БЕЗ ГНЕВА И ПЕЧАЛИ. ДАМА-ПРАВИТЕЛЬНИЦА В ДИАЛОГЕ С ПРИДВОРНЫМ (XV в.)

Ключевые слова: Франция, двор, придворные, дама-правительница, коммуникация, диалог, аллегория, литература

Аннотация: В статье анализируются диалоги между аллегорическими героями дамой-правительницей и ее придворным во французском анонимном сочинении XV в. «Обманутый при дворе». Формулируются вопросы: насколько реалистичны эти разговоры-споры и в чем состоял замысел автора? Слышим ли мы отзвук реально звучавшего некогда женского голоса или все реплики – лишь плод фантазии автора? Несмотря на явные литературные способности сочинителя и постепенно входящие в моду поэтические игры-мистификации, исследуемый текст позволяет делать вывод о том, что в основу произведения лег пережитый автором опыт.

Услышать голос женщины, жившей много столетий назад, представляется большой удачей для историка. Эта возможность радует нас не так часто, как хотелось бы¹. К концу Средних веков количество источников увеличивается, а вместе с ним и наш шанс встретить женскую речь. Однако жанров, где можно было бы услышать женский голос не так много: переписка, судебные протоколы, редкие авторские тексты, отчасти хроники (да и то «с чужого голоса») — вот примерный круг источников, имеющийся в арсенале историка. И этот круг неиз-

1 Вместе с тем, средневековые женщины не настолько безмолвны, как это казалось ранее. См., например: **Voix de femmes au Moyen Âge**. 2006.

менно хочется расширить. Нас интересует не только письма коронованной особы или показания на суде деревенской сводни, но любая «зацепка», которую можно было бы идентифицировать как связанную тем или иным образом с женским началом, например, романый образ, или маргиналии в рукописи, отмечающие сюжеты, традиционно считающиеся сферой женского внимания, или, наконец, разговор между мужчиной и женщиной в тексте морализаторской направленности. Именно о последнем и пойдет речь в данной работе.

Во французском анонимном тексте второй половины XV века (до 1473 г.), известном под названием «Обманутый при дворе»², присутствуют любопытнейшие диалоги между придворным и его госпожой. Автор этого сочинения неизвестен, и установить его не представляется никакой возможности. В разное время его приписывали разным лицам³, однако на данный момент все прежние идентификации опровергнуты. Определенно можно сказать только то, что сочинение написано мужчиной, вероятно, не принадлежащим к высшему слою.

В большинстве списков и ранних изданий этот текст значится под названием «Abuzé en court». В переводе с французского «abuzé» означает «обманутый», «прельщенный» или «введенный в заблуждение». Основная сюжетная линия сочинения заключается в том, что бывший придворный рассказывает случайному знакомому о своей не сложившейся при дворе судьбе. Польстившись на уверения встреченных им придворных с «говорящими» именами «Обман» (Abuz) и

2 L`Abuzé en court. 1973.

3 Среди них король Рене Анжуйский (именно под его именем текст публиковался в XIX в.) и Шарль де Рошфор. См. подробнее: Dubuis. 1973: XXIV-XXXI.

«Самоуверенность» (Folcuider), он приехал ко двору в надежде сделать карьеру и разбогатеть, однако, ничего из этого ему не удалось. Герой не смог ни получить заветной должности, ни обзавестись влиятельным покровителем. Потратив все собственные средства и вконец обнищав, он был вынужден покинуть двор.

Повествование ведется от первого лица. По сути это один большой монолог, в который включены диалоги с другими персонажами произведения — придворными и хозяйкой двора. Все герои сочинения скрываются за аллегорическими именами, в том числе правительница. Она именуется в сочинении Дама Двор (Dame la Court). Этот образ весьма примечателен, с моей точки зрения, тем более что главный герой сочинения, от имени которого ведется рассказ, именно с ней будет вести бесконечные диалоги-препирательства во второй части сочинения. Попытаемся разобраться, что представляет собой эта так называемая Дама Двор.

Для начала нужно обратить внимание на лексику. Слово «la cour» («двор») автор использует как минимум в трех смыслах. Во-первых, это имя собственное хозяйки двора, где пытается сделать карьеру неудачливый придворный. Второй смысл связан с первым. Образ аллегорической Дамы Двор автор использует также как олицетворение мнения всего придворного общества. Обычно этот смысл используется, когда персонажи сочинения говорят о дворе в третьем лице, например, «Вы понравитесь Даме Двор», то есть имеется в виду всему придворному кругу. Также двором автор называет само общество при правительнице, включая его локализацию (например, в выражении «быть при дворе»).

Уже на основании анализа лексики мы понимаем, что автор обращает наше внимание на собирательность образа Дамы. С одной стороны, как мы еще увидим в дальнейшем,

он изображает вполне реальную женщину со своим характером, поведением и голосом, который мы слышим в диалогах. Но с другой стороны, в этом образе аккумулируется мнение и поведение всех, вращающихся при дворе. Она не столько выражает их общее мнение, сколько является олицетворением придворной атмосферы вообще. Это раздвоение наблюдается как в поведении и речи Дамы, так и в построении автором всего текста. Она описывается как реальный человек из плоти и крови, например, в ситуации, когда главный герой в очередной раз идет просить у нее денег. Она подзывает его и тут же направляет куда-то, где он вовсе не нужен или же переводит разговор на другую тему, а потом быстро подзывает следующего⁴. Причем об этом, в частности, мы узнаем из горького рассказа самого главного героя о ее поведении, а не из авторского описания данной ситуации. Дама как олицетворение настроений и обычаев, принятых в придворной среде, имеется в виду, когда, например, она сама говорит о себе: «при мне, при Дворе, хорошо работают три вещи: лицемерие, лесть и связи»⁵.

В первой половине текста, когда главный герой появляется при дворе, о Даме Двор мы узнаем лишь посредством косвенной речи или в высказываниях других персонажей. Герою сообщают: «Наша хозяйка оказывает прекрасный и милостивый прием прибывающим ко двору»⁶. И действительно, ему оказывают добрый прием, но он не передает подробностей разговора с госпожой. Поначалу герой производит на окружающих приятное впечатление, все им интере-

4 L`Abuzé en court. 1973: 71.

5 L`Abuzé en court. 1973: 110-111.

6 L`Abuzé en court. 1973: 35.

суются и расспрашивают. Ему дают небольшие поручения и изредка суммы денег. Дамы ведут себя с ним так, как будто давно его знают и бросают на него такие взгляды, что в какой-то момент он решил, что четыре из шести в него влюблены⁷. Его устраивала такая жизнь, и ему не было нужды обращаться к хозяйке двора за какой-либо надобностью. Пока у него все было хорошо, правительница практически не появляется в тексте за редким исключением (например, она оказывает ему небольшие знаки внимания за понравившееся ей стихотворение, которое он сочинил). В любом случае, мы не слышим ее собственный голос, она проходит как бы на заднем плане всего происходящего с героем. Таким образом, поначалу образ Дамы Двор используется автором для олицетворения всего двора в целом. Иначе будет во второй части сочинения.

Первый раз мы слышим ее собственный голос в переломный для придворной жизни главного героя момент. Он влюбился и забыл о своих придворных обязанностях. Не только служебных — из-за его забывчивости три дня голодали порученные ему собаки и сокол — но и собственно придворных. В этот момент в сочинении появляется хозяйка двора собственной персоной и берет слово. Герой рассказывает, как Дама Двор, увидев его издали, говорит ему (или скорее кричит, поскольку автор подчеркивает, что она была «довольно далеко от меня»⁸):

«Почему вы больше не появляетесь <столь же> часто в моем окружении? Я вижу вас раз в четыре дня. Почему вы не присут-

7 L`Abuzé en court. 1973: 48-49.

8 L`Abuzé en court. 1973: 51.

ствуєте при моем подъеме и отходе ко сну, а также за столом, от куда мне подадут еду? Вы же знаете, что я охотно вас вижу⁹.

Эта сцена вызывает недоумение, учитывая положение героя на нижней ступени придворной иерархии. Герой реагирует на неожиданные для него (и для нас) слова следующим комментарием:

и хотя я для нее имел мало значения, и ей не было до меня дела, я был так доволен, как будто бы получил вовремя жалование за девять месяцев¹⁰.

Возможность присутствия мужского персонала при утреннем подъеме высокопоставленной дамы не должна смущать, поскольку в этом не было ничего исключительного. Штат придворной дамы высшего ранга (королевы, принцессы и т.п.) состоял в это время по преимуществу из мужчин. Причиной тому — суровая борьба за придворные должности, которых не хватало всем, кого хотел отметить правитель, и вследствие этого постоянное разрастание двора. Ситуация разрешалась за счет назначения мужчин на должности женского двора¹¹. Окружение аристократок не королевской крови состояло в основном из женщин, но лишь до того момента, пока их супруг был жив и не отсутствовал долгое время¹². Когда дама становилась единственной хозяйкой — пусть даже на время — ее штат становился мужским. Остается открытым вопрос, кто именно и

9 L`Abuzé en court. 1973: 51.

10 L`Abuzé en court. 1973: 52.

11 Chatenet. 2002: 188; Шишкин. 2001: 149. Лишь по регламенту Генриха III от 1585 г. утренний подъем королевы стал проходить исключительно в дамском окружении. Ситуация опять поменяется при Людовике XIV. Шишкин. 2001: 161.

12 Contamine. 2000: 90.

в каком количестве присутствовал при утреннем и вечернем церемониалах в рамках дамского двора, однако, скорее всего, там не могло быть мелкого служащего без оплачиваемой должности. Автор первый раз дает слово Даме, чтобы она произнесла то, что в принципе не могла произнести и что звучит издевательски по отношению к мелкому придворному, которому и доверили-то при дворе только что нескольких собак и сокола.

В этот момент между ними происходит первый диалог, суть которого будет бесконечно повторяться всю оставшуюся часть сочинения, когда мы будем слышать живую прямую речь правительницы. Тема этих разговоров одна — финансовая (из которой проистекают все прочие: неуважение труда, боязнь насмешек и пр.), и она останется неизменной до конца сочинения. Потратив все свои деньги на жизнь при дворе и оставшись на мели, герой снова и снова идет жаловаться Даме, прося выплатить ему хоть что-то из причитающегося ему жалования. Она всегда говорит с ним «весьма любезно» (*assez doucement*), сетует, что не может ему ничего заплатить, пока ее дела не поправятся, и просит подождать. Автор строит рассказ из полноценных диалогов с прямой речью обоих персонажей. Герой то смиренно молит о выплате хоть какого-нибудь вспомоществования («нет и полденье, не к кому обратиться за едой и питьем»¹³), то «закипает» («и как я буду жить это время, я и мои бедные люди, и как я дождусь прихода средств в такой нищете, ... дайте хоть что-то, ибо нет ничего, что положить в рот, ни за что <можно было бы> взять в долг»¹⁴). Дама же на протяжении всего сочине-

13 L`Abuzé en court. 1973: 78.

14 L`Abuzé en court. 1973: 78-79.

ния остается вполне любезной и спокойной, что бы он ей ни говорил. Это не значит, что она не проявляет эмоций: сначала она милостиво к нему настроена и просит подождать с выплатой «до завтра» и даже посылает что-то со своего блюда, затем журит его за дерзость («Бедный и неблагодарный Абузе, в чем ты хочешь, чтобы я тебе помогла? Разве <ты> не знаешь моего положения? Что еще мне следует тебе сказать?»¹⁵), потом объясняет, как нужно вести себя при дворе, и почему он разорен.

Немаловажным в их диалогах представляется постепенный и в итоге окончательный переход хозяйки двора в обращении к придворному с «вы» на «ты». В целом, история особенностей использования в средневековой речи «вы» и «ты» еще не написана. Между тем, это представляется исключительно важным для таких строго иерархизированных обществ, как средневековое. Переход с «вы» на «ты» — это, в частности, одна из форм оскорбления, что невозможно представить в ситуации обращения слуги к своему сеньору¹⁶. В правовой практике обращение к обвиняемому на следствии в уважительной форме «вы» менялось на «ты» в окончательном тексте приговора. Таким образом подтверждалось, что человек — преступник, который отныне исключается из общества¹⁷. На мой взгляд, отголоски подобной традиции можно наблюдать в отношении Дамы Двор к неудачливому придворному. В середине сочинения, в переломный момент повествования, когда герой начинает постоянно ходить к правительнице и жаловаться на свою ни-

15 L`Abuzé en court. 1973: 102.

16 Gauvard. 1994: 250-251.

17 Тороева. 2006: 113-114.

щету, одну из своих фраз она начинает с «вы», а заканчивает на «ты»: «потрудитесь, чтобы хорошо мне служить и мне понравиться... и я клянусь тебе (и т.д.)»¹⁸. Насколько такая «оговорка» случайна сказать сложно¹⁹. Последующие страницы Дама опять обращается к нему на «вы», но, в конце концов, когда он, видимо, совсем надоел ей жалобами и упреками, она потеряла к нему всякий интерес и окончательно перешла на «ты»²⁰. Можно сказать, что она таким образом вычеркнула его из круга своего общения. Герой больше не интересен придворному обществу, он становится изгоем в этом кругу.

Причем, это «ты» может символизировать окончательное исключение из общества, поскольку придворные и персонал, обслуживающий двор, начали сторониться его еще раньше. На его просьбы дать займы или оказать услугу в долг, ему любезно отказывали, облакая это в вежливую форму: то нет ключей от шкафа, то нужная ему ткань закончилась у торговца. Интересно, что «тыканье» хозяйки двора его не отталкивает, он продолжает бросать ей в лицо свои обвинения, что нимало ее не раздражает. Этот прием автор использует, как мне представляется, преследуя двоякую цель. Ему необходимо дать выговориться главному герою:

18 L`Abuzé en court. 1973: 70.

19 Возможно, автора что-то отвлекло, и впоследствии он продолжил, не взглянув в начало фразы. Версия о том, что он писал не один, и у него были помощники, требует отдельного лингвистического исследования. Издатель имеющегося критического издания дает следующие разночтения в рукописях. В единственной рукописи (BNF ms. fr. 25293) присутствует чтение «потрудись» («mais раупе»). Еще в одной (BNF ms.fr. 1989) есть вставка с использованием второго лица единственного числа: «и, в твоих силах, мне понравиться» («et, a ton pouoir, me complaire»). L`Abuzé en court. 1973: 70, сноски к строкам 27-29.

20 L`Abuzé en court. 1973: 102.

излить всю горечь и накопившиеся эмоции, поскольку суть его упреков не меняется; не будет преувеличением предположить, что в этом и состоял основной творческий замысел сочинителя. Но читать длинный занудный монолог на одну и ту же тему скучно. Поэтому автор вводит в повествование собеседника — Даму — для создания оживленной, интересной для читателя беседы. Однако она присутствует не только для того, чтобы служить фоном для бесконечных сетований героя, но и чтобы ответить на его упреки. Олицетворяя все придворное общество, она рассуждает о том, какой ей видится произошедшая с ним история, и как она смотрит на жизнь и взаимоотношения при дворе в целом. Если он оказывал ей какие-то услуги, то она ему благодарна. На ее рассуждения о том, что способствует продвижению при дворе — а обычно это далекие от высокоморальных качества, — он сообщает, что всегда честно ей служил. Она же отвечает, что «не о нем одном она говорит, а вообще»²¹. Она же дает ему запоздалые советы:

О должности надо просить тут же, как только образуется подходящее время и место. Не должна же я выбирать на должность за красивые глаза?²².

Указывает на его недостатки, которые мешали ему сделать карьеру при дворе: «довольно нерасторопный», «не слишком разумный»²³. В некотором смысле снисходительно успокаивает его: «Прими благосклонно то, что посылают тебе судьба и твоя собственная глупость»²⁴. В подобных выска-

21 L`Abuzé en court. 1973: 111-112.

22 L`Abuzé en court. 1973: 104.

23 L`Abuzé en court. 1973: 106.

24 L`Abuzé en court. 1973: 104.

званиях правительницы слышатся отзвуки множества голосов придворного окружения. Не только самой хозяйки двора, но и, возможно, ее управляющих — распорядителей двора, отчасти доброжелателей, сочувствующих неудачливому герою. В ней же можно усмотреть и отголоски пережившего придворный опыт человека, отчасти это даже в чем-то «разговор с самим собой».

Почему же автор изобразил центрального персонажа двора женщиной? Версий много, и все они, на мой взгляд, так или иначе могли повлиять на выбор автора.

Прежде всего, аллегорическое имя Дамы «Двор» — женского рода. Если автору было необходимо создать образ, аккумулирующий в себе настроения и поведение двора в целом, то долго думать не стоило. Он просто назвал вещи своими именами. А поскольку слово «la cour» женского рода, то и главный персонаж должен был стать женщиной. В целом, для средневековых сочинений, где герои скрываются под аллегорическими масками, главные женские персонажи — не редкость. Большинство сочинителей такого рода текстов вдохновлялись так или иначе традиционным «Романом о Розе», где смысловым центром является Роза, к которой стремится герой. Так же большинство пороков и добродетелей, обычно фигурирующих во французских аллегорических сочинениях — женского рода именно по причине грамматики языка.

На первый взгляд, этого вроде бы достаточно для ответа на наш вопрос, но дама получилась настолько живая и осязаемая под пером автора, что напрашивается допущение, что автор мог вдохновляться реальными жизненными обстоятельствами и злоключениями придворного, произошедшими при дворе *реальной* правительницы. Попытки приблизить изображаемых героев к реальности, описывая те или иные обстоятельства их жизни или внешности, уже делались в сред-

невековой литературе. Но хотел ли автор, чтобы образ был узнаваем? К примеру, найти прототипов героинь «Книги герцога истинно влюбленных» Кристины Пизанской так и не удалось. Возможно, потому, что в этой «ложной атмосфере правды» и заключается искусство автора²⁵. Те немногочисленные исследователи, кто анализировал текст «Обманутого при дворе», солидарны во мнении, что это сочинение ценно своей документальностью и что автор, скорее всего, описывал очень близко ему знакомые обстоятельства²⁶. Действительно, такая мысль не может не напрашиваться, поскольку автор чрезвычайно ярко и живо описывает происходящее с его героем, вдаваясь зачастую в такие нюансы, которые мечтает узнать специалист по истории повседневности, но которые обычно не свойственны литературе Средневековья. При каком дворе мог бывать герой/автор анализируемого сочинения? Кто мог послужить невольным прототипом Дамы Двор? Безусловно, в попытке нащупать ответ на этот вопрос, мы переходим в область гипотез. Это могла быть как самостоятельная правительница, так и жена или дочь суверена, которым по распорядку в это время уже полагался собственный придворный штат²⁷.

25 **Autrand.** 1999: 26-28.

26 **Dubuis.** 1973: LII; **Lemaire.** 1994: 344; **Smith.** 1966: 45.

27 Условные хронологические рамки, которыми датируется сочинение — третья четверть XV века. Независимых правительниц взрослого возраста во Французском королевстве к этому времени почти не осталось. Жен действующих владетельных сеньоров было довольно много, чтобы рассматривать эту версию. А вот дочерей не младенческого возраста, у которых могло быть собственное окружение, было мало, и среди них стоит отметить двух. Автор «Обманутого при дворе» мог пытаться счастья при Иоланде, герцогине Лотарингской (1428–1483), дочери Рене Анжуйского, известного своим изысканным двором; ему изначально приписывали авторство этого произведения. Анализ характерных черт языка сочинителя позволяет говорить именно о его лотарингском происхождении или более осторожно — о северо-восточном диалекте Франции (**Dubuis.** 1973: XLII).

Вместе с тем, нельзя абсолютно исключать, что автор специально завуалировал реальные обстоятельства, послужившие моделью для его сочинения. Поскольку текст и так получился очень личным и чрезвычайно подробным, не могли он «превратить» реального правителя в выдуманную правительницу, чтобы было не слишком явно, о ком идет речь (как мы знаем, он скрыл любые намеки на собственную личность)? Однако образ Дамы Двор у него получился вполне женственным. Учитывая, что он рассказывает подробнейшие детали своих взаимоотношений при дворе, разговоров с Дамой и своих чувств по этому поводу, т.е. воссоздает подлинный портрет своей личности, сомнительно, чтобы у него не было какого-то подобного опыта общения, и что он просто выдумал все нюансы разговоров с хозяйкой двора и ее ответы. Для литературы этого времени еще не были характерны тонкие психологические портреты, особенно если речь идет об эмоциональном женском образе. Текстам диалогов свойственна повышенная драматичность и накал чувств, во всяком случае — речам главного героя. Это дает основание усомниться, что подобные разговоры могли происходить между двумя мужчинами, особенно

Другим гипотетическим прообразом Дамы Двор могла бы быть Мария Бургундская, единственная наследница «Великих герцогов Запада» (1457-1482). Исконно-бургундские земли расположены рядом с Лотарингией, чуть восточнее нее, хотя известно, что герцогский двор большую часть времени проводил в своих землях «par-deçà», в частности, на территории современной Бельгии (Брюссель). Нарисованная автором госпожа представляется довольно молодой, возможно даже беззаботной, нет ни слова о ее потенциальном семейном положении или наличии мужа-консорта, что больше согласуется с Марией, нежели с Иоландой. Разумеется, высказанные версии носят сугубо гипотетический характер и могут не иметь под собой оснований, поскольку автор мог пытаться пристроиться при одном из более мелких дворов или же не при самой хозяйке двора, а при одной из благородных дам в ее окружении.

находящимися на диаметрально противоположных ступенях иерархической лестницы. Насколько мне представляется, подобная ситуация в принципе невозможна, чтобы придворный, теряя терпение, выговаривал сеньору на отсутствие щедрости с его стороны и потерянное при его дворе время, а сеньор бы в это время любезно просил его подождать с жалованием, пока его финансовые дела не наладятся.

Автор делает центральную героиню сочинения женщиной, именно потому, что ему важен *его собственный* голос (в виде речи главного героя). Читатель скорее поверит его словам, и ему самому проще их произнести, если они высказаны женщине, пусть даже правительнице. Словам, которые не могут быть произнесены в лицо мужчине-сюзерену. Женский персонаж нужен автору именно для фона в диалоге, чтобы ярче оттенить его слова, сказанные с горечью, чтобы читатель почувствовал весь драматизм его положения. Видимо, поэтому Дама Двор спокойна и равнодушна, не теряет в разговоре с главным героем расположения духа и не испытывает негативных эмоций, несмотря на то, что он переходит границы дозволенного в поведении. Автору важнее реплики героя, чем реакция его оппонента. Это также связано с собирательной стороной образа Дамы, о чем говорилось выше — хозяйки двора как олицетворения придворных настроений в целом. Ей не о чем грустить и переживать, поскольку «если один служащий ей исчезает, вместо него появляется сотня новых»²⁸. Двор не замечает тех, кто его покидает.

В то же время не лишним было бы задать вопрос, а воспринимали ли читатели аллегорический образ Дамы Двор как женщину? В одном из ранних печатных изданий сочине-

28 L`Abuzé en court. 1973: 109.

ния на гравюрах не представлено ни одного женского персонажа. Рассматриваемый экземпляр книги был издан в Париже около 1530 г. в печатне Дени Жано (Denis Janot)²⁹, потомка известной семьи издателей Жеанно-Треппрель, публиковавшего романы и популярную литературу. Издание «Обманутого при дворе» небогатое, картинок в нем мало, и они повторяются. Но даже там, где на троне изображен некий персонаж — этот персонаж мужского пола. В более ранних изданиях конца XV в., например, во вьенском издании 1484 г. или лионском ок. 1485 г.³⁰ женские образы на гравюрах имеются. Интерпретировать этот факт можно по-разному³¹. В частности, это может объясняться дешевизной печатного издания Дени Жано и использованием для него уже имеющихся в наличии досок с более-менее подходящими изображениями. Однако нельзя исключать и того, что ближе ко второй четверти XVI в. читатель воспринимал Даму Двор исключительно как аллегория придворного общества, не чувствуя в созданном автором образе характерных черт сугубо женского начала.

Чей же голос мы слышим в репликах Дамы Двор: некогда реально существовавшей женщины или все же это плод воображения автора? Этот вопрос, как мне представляется, неотделим от другого — цели создания «Обманутого при дворе». В чем был замысел автора: все-таки пожаловаться на

29 Bern, MUE Bong IV 881: 3.

30 BNF, Rés. Ye-95 и BNF, Rés. Ye-94 соответственно.

31 Можно высказать предположение, что на более ранних гравюрах изображение центрального персонажа двора представлено женской фигурой именно по причине грамматики языка, в то время как через полвека в правление короля Франциска I двор и главный властный персонаж в нем могли считаться мужской прерогативой в принципе. Однако эта версия требует отдельного углубленного исследования. Я благодарю А.В. Стогову за высказанные на этот счет соображения.

неудачно сложившиеся обстоятельства его собственной жизни и предостеречь других от повторения его ошибок или же «поиграть» в литературные игры? Игры–мистификации с конца XV в. постепенно входят в моду, они будут в чести у гуманистических поэтов и достигнут апогея в образе Шекспира. Авторы придавали реалистичные черты своим литературным персонажам, вписывали их в узнаваемый контекст времени и пространства³². Впоследствии будут «создавать» образы якобы существовавших сочинителей и от их имени писать. Среди выдуманных поэтов немало женщин³³, самая известная из которых, наверное, Луиза Лабе, до недавнего времени считавшая реальным лицом³⁴. То есть до наших дней мог сохраниться некий голос, и вроде бы соответствующий ему человек даже существовал, но в какой мере они действительно соответствуют друг другу — нам не дано узнать.

Однако бы ли автор «Обманутого при дворе» столь просвещенным, в духе гуманистов, сочинителем? Очень сомнительно, хотя, безусловно, надо отдать ему должное – он весьма сведущ в литературе и модных направлениях, а поэзия его вполне ловка, он умело рисует сценки из жизни, вызывая соответствующие чувства, будь то смех или сочувствие. Впрочем, его творчество, на мой взгляд, далеко и от круга вращающихся при дворах правителей «Великих риториков»³⁵. Его сюжет, возможно, не оригинален, но именно он играет первостепенно значение в тексте, а не форма и стиль.

32 Форма и воплощение «Обманутого при дворе» напоминает, к примеру, «Правдивую историю» Гийома де Машо (1364).

33 См.: **Jeandillou**. 2001.

34 **Huchon**. 2006.

35 Иную точку зрения см.: **Lemaire**. 1994: 341, 345.

Именно перипетии неудачной придворной карьеры, все нюансы которой он излагает, самоценны для автора. Думаю, речь идет о действительно пережитом опыте, легшем в основу будущего сочинения. Неизвестный нам автор, скорее всего, пытался сделать карьеру при дворе, и не исключено, что хозяйкой двора могла быть некая дама, или же он выполнял поручения при одной из придворных дам и имел с ней какие-то разговоры, которые стали материалом для многочисленных диалогов сочинения. Ничего не достигнув и покинув двор, он решил описать свои мытарства, включив в текст частично и переговоры с придворной дамой и, возможно, какие-то имеющиеся записи (например, упоминаемое им письменное обращение на имя хозяйки двора с описанием своих злоключений). Воспользовавшись пережитым опытом, он создал литературное сочинение, скрыв реальных лиц, чьими образами он вдохновлялся, за аллегорическими масками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Bern, MUE Bong IV 881: 3 – Universitätsbibliothek Bern, MUE Bong IV 881: 3. <http://dx.doi.org/10.3931/e-rara-17202> (21.11.2017) (Париж, 1530)

BNF ms. fr. 25293 – Bibliothèque Nationale de France, ms.fr. 25293. L'Abuze en court.

BNF, Rés. Ye-94 – Bibliothèque Nationale de France, Rés. Ye-94 (Лион, 1485).

BNF, Rés. Ye-95 – Bibliothèque Nationale de France, Rés. Ye-95 (Вьен, 1484).

BNF. ms.fr. 1989 – Bibliothèque Nationale de France, ms.fr. 1989. L'Abuze en court.

L'Abuzé en court. 1973 – L'Abuzé en court. / Ed. R. Dubuis. P., 1973.

ЛИТЕРАТУРА

Тогоева. 2006 – Тогоева О.И. «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. М., 2006.

Шишкин. 2001 – Шишкин В.В. Мужчины в доме французской королевы // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. М., 2001.

Autrand. 1999 – Autrand F. Christine de Pisan et les dames à la cour // Autour de Marguerite d'Ecosse. Reines, princesses et dames au XVe siècle. / Ed. G.et Ph. Contamine. P., 1999.

Chatenet. 2002 – Chatenet M. La cour de France au XVIe siècle. Vie sociale et architecture. P., 2002.

Contamine. 2000 – Contamine Ph. Espaces féminins, espaces masculins dans quelques demeures aristocratiques françaises XIVe–XVIe siècle // Das Frauenzimmer. Die Frau bei Hofe in Spätmittelalter und früher Neuzeit / Hgg. Hirschbiegel J., Paravicini W. Stuttgart, 2000.

Dubuis. 1973 – Dubuis R. Introduction // L'Abuzé en court. / Ed. R. Dubuis. P., 1973.

Gauvard. 1994 – Gauvard C. Conclusion // Atalaya. Revue française d'études médiévales hispaniques. №5. L'invective au Moyen age. France, Espagne, Italie / Sous la dir. Beaumatin E. et Garcia M. P., 1994.

Huchon. 2006 – Huchon M. Louise Labé: Une créature de papier. Genève, 2006.

Jeandillou. 2001 – Jeandillou J.-F. Supercherries littéraires: La vie et l'œuvre des auteurs supposés. Genève, 2001 (1 ed. — 1989).

Lemaire. 1994 – Lemaire J.-Ch. Les visions de la vie de cour dans la littérature française de la fin du Moyen Âge. Bruxelles-P., 1994.

Smith. 1966 – Smith P. M. The Anti-Courtier Trend in Sixteenth Century French Literature. Genève, 1966.

Voix de femmes au Moyen Âge. 2006 – Voix de femmes au Moyen Âge, savoir, mystique, poésie, amour, sorcellerie, XIIe-XVe siècle / Ed. D. Régnier-Bohler. P., 2006.

С.Ю. Павлова

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС В «МЕМУАРАХ» ГОРТЕНЗИИ МАНЧИНИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: французские мемуары XVII века, Гортензия Манчини, женская судьба, авторская интенция, салонная культура, галантный дискурс

АННОТАЦИЯ: в статье рассматриваются тематические и стилистические особенности «Мемуаров» Гортензии Манчини, племянницы знаменитого кардинала Мазарини. Они позволяют выявить специфику ее женского высказывания, во многом ориентированного на модель светской беседы, значимой для культурного статуса знатной дамы во Франции второй половины XVII века. В то же время своеобразие иронической интонации мемуаристики обнаруживает несоответствие с авторской интенцией и господствовавшими во французском придворном обществе дискурсивными практиками.

Гортензия Манчини (1646–1699) была племянницей знаменитого французского кардинала Мазарини, той самой, которой он передал свое имя, титул и значительную часть состояния. Ее перу принадлежат «Мемуары» (“*Les Mémoires D.M.L.D.M. À M.****”), написанные в 1675 году в Шамбери (Савойя) и тогда же опубликованные во Франции. Их особое место во французской мемуаристике XVII века определяется тем, что они — редкий случай — вышли в свет при жизни автора и стали известны современникам¹. Долгое время ав-

1 Отметим, что прижизненная публикация имела место и в случае с мемуарами сестры Гортензии Марии Манчини. «Мемуары» Марии (“*L’Apologie, ou les Véritables mémoires de madame Marie Mancini, la connétable de Colonna, écrits par elle-même*”) появились в Лейдене (Голландия) в 1678 и создавались на протяжении 1677 года.

торство Гортензии, в замужестве герцогини Мазарини, вызвало сомнение, но на сегодняшний день оно считается признанным².

Мемуаристка адресует свое сочинение Савойскому герцогу Карлу-Эммануилу II (1634–1675), упоминая о его настоятельных просьбах изложить перипетии своей жизни. Она неоднократно обращается к нему напрямую, используя местоимение «вы», и глагольные формы второго лица повелительного либо изъявительного наклонения («представьте», «судите», «видите», «знаете» и т.д.), что придает повествованию характер живого и непринужденного разговора с адресатом. Такой стилистический регистр воспроизводил манеру светского общения, принятую в придворном обществе. Умение поддержать разговор предполагало блестящее владение словом, отличавшимся естественностью, чуждой ученого педантизма простотой, но вместе с тем изяществом и наполненностью смыслами. По меткому даже в своей крайности утверждению Стендаля, «в прежние времена француз черпал все свое образование в разговоре»³. Искусство светской беседы воспринималось в XVII веке как одно из главных отличительных достоинств аристократии, для которой, в отличие от ориентированной на письменные договоры буржуазии, «достаточно было слова»⁴.

Как известно, это искусство оттачивалось в аристократических салонах⁵, хозяйками которых были женщины. Са-

2 Goldsmith. 2012: 175.

3 Стендаль. 1959: 126.

4 *Démoris*. 1975: P. 74.

5 Термин «салон» возник только в конце XVIII века, тогда как в рассматриваемую эпоху для обозначения места светского общения и соответствующей формы времяпрепровождения использовались иные обозначения: «кружок» (*cercle*), «ассамблея» (*assemblée*), «альков» (*alcôve*) и др. Однако в современных исследованиях те формы социальности, которые суще-

лонная практика дала им возможность для самореализации, пусть пока и ограниченной сферой культуры.

С точки зрения юридической, религиозной и моральной во Франции, как и в остальной Европе, женщина продолжала жить в условиях подавляюще низкого положения по отношению к мужчине. Подчиненная власти родителей, а затем мужа, она не могла распоряжаться собой, более того, ее мнение не учитывалось при решении важнейших вопросов, касавшихся ее существования. Она была свободна только в том, чтобы отказаться от света или укрыться в монастыре⁶.

Такое положение отчасти компенсировалось особым статусом женщин, предопределенным кодом салонного и придворного поведения, ориентированного на распространенную в XVII веке галантную модель. «Эта феминизация культуры — составной элемент галантного идеала, каким он сформировался во Франции»⁷. В салонах знатные дамы стали «проводниками светской жизни» и, оттачивая навыки общения прежде всего посредством беседы, сделали «из искусства слова один из отличительных признаков своей касты», что позволило им «сыграть важную роль в консолидации аристократической идентичности»⁸ и, добавим, изменению положения женщины в обществе.

Французские мемуары второй половины XVII века, особенно созданные аристократками, были нередко ориентированы на стилистику непринужденной устной коммуникации, что дало возможность М. Фюмароли назвать их «фрагментами грандиозной беседы»⁹. Герцогиня Мазарини также слов-

ствовали во Франции Старого порядка, как правило, обозначаются словом «салон». См. Craveri. 2002: 16, 556.

6 Craveri. 2002: 35.

7 Гречаная. 2010: 235.

8 Craveri. 2002: 34, 45, 41.

9 Fumaroli. 1998: 214.

но рассказывает устно историю своей жизни, обращаясь к доброжелательно настроенному другу. Светская беседа предполагала доброе и доверительное отношение всех ее участников, подтверждением чему может служить отсутствием в ее мемуарах традиционных для жанра уверений в правдивости повествования. Гортензия не сомневается в симпатии адресата, выступающего для нее в роли «желанного собеседника»¹⁰ и идеального читателя. Вместе с тем она придает своему жизнеописанию публичный характер, рассматривая мемуары в качестве одного из аргументов в конфликте с мужем, который разворачивался на глазах у современников. Отсюда ее стремление создать благоприятное представление о себе в глазах не только номинального адресата, но и имплицитного читателя.

К моменту создания «Мемуаров» двадцатидевятилетняя герцогиня Мазарини уже четырнадцать лет состояла в браке, имела несколько любовных связей и продолжала привлекать взоры мужчин, подтверждая неофициальный титул «прекрасной Гортензии»¹¹. По словам госпожи де Лафайет, она была

не только самой прекрасной из племянниц кардинала, но и одной из непревзойденных красавиц при дворе. Для полного совершенства ей не хватало лишь ума, который придал бы ей и недостающую живость¹².

Если вынести за скобки возможную женскую зависть графини де Лафайет, можно предположить, что образ дамы не только пленительной внешне, но и сведущей в серьезных вопросах, в то время еще не вполне сложился. Репутация об-

10 Прозоров. 2005: 52.

11 Riballier, Cosson. 1779.

12 Лафайет. 2007: 179.

разованной женщины закрепилась за Гортензией после того, как в 1675 году она перебралась в Англию, стала фавориткой Карла II Стюарта и хозяйкой известного литературного салона, завсегдатаем которого, в числе прочих, был ее друг Шарль де Сент-Эвремон, известный французский литератор и моралист. Однако уже в Савойе она «развивала свой ум, изучая искусство и даже философию»¹³. В этот период герцогиня много общалась и с аббатом Сен-Реалем, историком и романистом, которого нередко называют соавтором ее «Мемуаров». Однако французский исследователь Ж. Доско, принимая во внимание вероятность этой версии, убедительно парирует, что Гортензия

была вполне в состоянии написать их сама <...> как все члены этой странной семьи, она обладала стилем в большей степени, чем владела правилами орфографии¹⁴.

Создание мемуарной книги можно считать свидетельством возросшего интереса герцогини к словесному искусству, но главное, остро ощущаемой необходимости высказаться. Главным импульсом ее автобиографического творчества стали причины не эстетические, а сугубо личные, вызванные желанием объяснить и оправдать свои действия в конфликте с мужем. Авторская интенция подтверждает тезис М. Кюенен о том, что в XVII веке, в отличие от мемуаристов-мужчин, движимых политическими соображениями, «женщина испытывает необходимость писать мемуары, потому что к этому ее подталкивает мотив личного характера»¹⁵. Обращаясь к адресату мемуаров, Гортензия излагает

13 **Soissons**. 1911: 256.

14 **Doscot**. 1965a: 27.

15 **Cuénin**. 1995: 99-100.

причины, побудившие ее к жизнеописанию, и свое отношение к такого рода занятию:

Нельзя сказать, что мне не ведомы трудности, связанные с умением благоразумно рассказывать о себе, вы знаете естественное отвращение, вызываемое во мне необходимостью объясняться по поводу того, что меня касается, но еще более естественно защититься от злословия, как минимум перед теми, кто оказал нам большие услуги¹⁶.

Мемуары преподносятся как реакция на досужие толки, способные испортить репутацию, и в таком качестве оправдывают преодоление естественного для знатной дамы нежелания говорить о себе.

В культуре и религиозно-философской мысли эпохи рассказ о себе осмыслялся как грех гордыни, «прямо осуждался в Библии и противоречил нормам христианской ортодоксии, провозгласившей важнейшими добродетелями кротость и смирение»¹⁷. Негативное отношение к человеку, сконцентрированному на себе и, следовательно, не познавшему Бога, выразилось в знаменитой паскалевской формуле: «Пристрастие к собственному “я” заслуживает ненависти»¹⁸. В светском обществе это христианское понимание получило дополнительные обертоны, связанные с искусством ведения беседы. Как верно указывает В. Карро, Паскаль противопоставляет свое «я ненавистно» скрыто эгоистической в его представлении манере вежливого ведения беседы, которая предполагала умение не выпячивать свое «я», а дать возможность проявить себя другому, но тем самым вызвала чувство любви именно к себе¹⁹. Для нас, однако, не менее важно,

16 Mancini. 1965: 31.

17 Зарецкий. 2005: 24.

18 Паскаль. 1994: 69.

19 Карро. 2012: 119-120.

что стиль салонного общения отразил кодекс аристократического поведения, также предполагавший сдержанность в том, что касается разговора о себе. Распространенные в эпоху трактаты о вежестве, как французские, так и переведенные с итальянского языка, закрепили эту установку²⁰.

Такое восприятие самоописания, будь то в устной или письменной форме, вынуждает Гортензию объяснить мотивы автобиографического творчества. Ее сочинение, далекое от традиции хроникальных мемуаров, призванных создать ощущение объективного взгляда на какое-то значимое историческое событие, представляет собой повествование о частной жизни женщины-автора и превращается в своего рода защитную речь. Уже на первой странице она провозглашает свою приверженность возвышенному образу благородной дамы:

Я знаю, что величие женщины заключается в том, чтобы не давать поводов говорить о себе, и все, кто со мною знаком, знают, что огласка мне вовсе не по душе, но люди не всегда выбирают тот образ жизни, который хотели бы вести; в том, что кажется зависящим только от поведения, есть фатальность²¹.

Предполагая, что нижеследующее повествование может вызвать сомнение в ее верности означенному идеалу, герцогиня Мазарини сама высказывает предположение о том, что перипетии ее жизни «кажутся в значительной степени взятыми из романа»²². Для нее такая параллель нежелательна,

20 Речь идет, например, о непереведенных на русский язык трактатах Николая Фаре «Достойный человек, или Искусство нравиться при дворе» (**Faret**. 1630), Жака Дю Боска «Достойная женщина» (**Du Bosc**. 1633) или доступных русскоязычному читателю сочинениях итальянцев Бальтассаре Кастильоне и Джованни делла Каза. См. **Кастильоне**. 2002: С. 181-247; **Каза**. 2002: С. 248-289.

21 **Mancini**. 1965: 32.

22 **Mancini**. 1965: 32.

поскольку идет в разрез с культивируемым в светском обществе и продуцируемом ею в мемуарах образом аристократки, снижает его. Причиной того, что ее жизнь подобна перипетиям романых героинь, мемуаристка считает несчастную судьбу. Мотив фатальности, судьбы, рока она будет поддерживать на протяжении всей книги, оправдывая таким образом свои поступки.

Их неординарность и безоглядное веселье просматривается уже в небольшом фрагменте, посвященном детству. Гортензия с удовольствием рассказывает о шалостях и забавах маленьких девочек, дающих представление о том, как будущие галантные дамы на практике осваивали поведенческий кодекс французского двора. Например, историю о ее шестилетней сестре, которой в постель подложили ребенка, а затем убеждали в материнстве и расспрашивали об отце новорожденного. Или занимательный эпизод о договоренности Гортензии с ближайшей подругой относительно того, что в письмах, вместо фразы «я вас люблю» она будет ставить крест. Курьезность ситуации заключалась в том, что одно из таких посланий, целиком состоявшее из многократно повторенных крестов, случайно попало в руки посторонних и глубоко их потрясло столь рьяным благочестием юной особы. В целом, развлечения мемуаристки и ее подруг по преимуществу соприкасались с любовной стороной жизни, демонстрируя девочкам игровой, двойственный характер придворной галантной морали.

Повествование о детских годах представляет собой фиксацию внешних событий, но помимо этого включает один абзац, в котором Гортензия обращается к своему внутреннему миру, «намечает психологический анализ персонажа»²³:

23 Lesne. 1996: 413.

<...> моим самым большим удовольствием в это время было желание запереться в одиночестве, чтобы записать все, что мне приходило в голову. Недавно некоторые из этих записей снова оказались у меня в руках; признаюсь, я была чрезвычайно удивлена, обнаружив в них вещи, столь не характерные для способностей маленькой девочки. Это были сомнения и вопросы, которые я обращала к самой себе относительно всего, что мне было трудно понять. Я никогда не разрешала их так, как мне хотелось, но я все же упорно искала то, что не умела найти; и хотя впоследствии мое поведение не слишком отличалось рассудительностью, я, по меньшей мере, утешалась тем, что некогда испытывала большое желание ее иметь²⁴.

Мемуаристка, в целом не склонная к самоуглублению, отмечает присущую только ей особенность. В этой оценке звучат ноты сожаления, возвращающие к мысли о возможности другой судьбы, более отвечающей ее индивидуальному складу. Процитированное воспоминание проливает дополнительный свет на тот образ жизни, который вела Гортензия в детстве и позволяет увидеть, насколько мал был удельный вес любых форм проявления личного в пределах французского королевского двора. «Разграничение частного пространства («запереться в одиночестве») и публичного пространства двора очень четко обозначено, как если бы оно способствовало пространственному обозначению оппозиции между человеком частным и человеком общественным. Мемуары редко выражают эту оппозицию <...> Здесь же видно, как за формой уединенной беседы формируется интимная жизнь»²⁵.

Из череды придворных, которых мемуаристка называет в этой части повествования, главное место занимает кардинал Мазарини. Будучи самой щедро одаренной из его наследниц, она объясняет причину такого выбора своей молодостью и,

24 Mancini. 1965: 35.

25 Lesne. 1996: 413.

как ни удивительно, сожалеет о таком избранничестве: «<...> он оставил меня самой богатой наследницей и самой несчастной женщиной христианского мира»²⁶. По этой причине Гортензия не устает сетовать на судьбу и не скрывает негативного отношения к кардиналу. Оно особенно ярко проявляется в восклицании брата и сестры в ответ на известие о смерти дяди, несомненно, выражавшем и ее собственную реакцию: «Слава Богу, он околел!»²⁷. Использование глагола «околеть», по смыслу связанного с миром животных, снижает образ Мазарини. В купе с апелляцией к высшим силам и экспрессивной формой выражения эта фраза подчеркивает отрицательное, переходящее в физическое отвращение отношение к кардиналу, справедливость постигшей его кары и нескрываемую радость по поводу его кончины. При этом мемуаристка не ограничивается передачей эмоциональной реакции, а объясняет свою ненависть к Мазарини:

Сказать по правде, я совсем не была огорчена <...> Если бы вы знали, с какой суровостью он всегда обходился с нами, вы были бы менее удивлены. Никогда ни один человек не обладал манерами столь мягкими в обществе и столь жесткими дома; наши нравы и наши наклонности совершенно не совпадали с его собственными. Добавьте к этому невероятную зависимость, в которой он нас держал, нашу юность, бесчувственность ко всему, которой чрезмерное довольство и процветание обычно отмечают людей такого возраста <...>²⁸.

Осознание того, что смерть кардинала положила начало новому этапу жизни, связанному с мучительным браком, накладывает отпечаток на ее негативное восприятие, но вместе с тем заставляет испытать чувство собственной вины за недостойное поведение:

26 Mancini. 1965: 40.

27 Mancini. 1965: 40.

28 Mancini. 1965: 40.

<...> фортуна позаботилась о том, чтобы наказать меня за мою неблагодарность, поскольку моя жизнь после этой смерти превратилась в нескончаемую череду несчастий²⁹.

Добавим, что сказанное о Мазарини характеризует и саму герцогиню, обнаруживая ее неукротимый нрав, бунтарство, смелость — все то, что еще более явственно проявится в ходе дальнейшего повествования.

Уже в рассказе о детстве формируется и второй важнейший образ «Мемуаров» Гортензии Манчини — образ ее мужа Шарля-Армана де Лапорта, маркиза де Ламейере, герцога Ретельского и Мазарини (1632–1713), внучатого племянника кардинала Ришелье. Эту партию определил для нее дядя, во многом отдавая таким образом дань признательности своему предшественнику и покровителю. Будущий супруг появляется в первом же предложении, связанном с воспоминаниями о прибытии мемуаристки ко двору французского короля. Она сразу обращает внимание адресата на самое значимое событие своей жизни, сообщая, что неистово влюбленному маркизу все же удалось добиться ее руки. На протяжении всей книги Гортензия называет своего мужа господином Мазарини, используя ту фамилию, которую он носил после бракосочетания. Семейные узы она представляет как результат сделки супруга с кардиналом и дает понять, что достойна была лучшего будущего:

Фортуна, желавшая сделать меня самой несчастной представительницей моего пола, казалось, начала с того, чтобы сделать меня королевой³⁰.

В качестве примера Гортензия называет возможный союз с английским королем Карлом I Стюартом и адресатом

29 Mancini. 1965: 40.

30 Mancini. 1965: 35.

ее мемуаров герцогом Савойским. Она не углубляется в причины несостоявшегося замужества, но использует идею потенциального брака с монархом как мерку для сравнения своей реальной судьбы и открывавшихся потенциальных возможностей. На фоне царствующих особ фигура господина Мазарини бледнеет, а образ самой повествовательницы укрупняется. В социальном и моральном плане она ставит себя выше супруга, хотя напрямую об этом не говорит.

Описание жизни герцогини после замужества во многом состоит из примеров недостойного поведения мужа, выражавшегося в необоснованной подозрительности, жгучей ревности и жестоком обращении с ней. Мемуаристка рассказывает о людях, которые постоянно за ней следили, о стремлении держать ее вдали от двора, об упреках в чрезмерных развлечениях, карточных играх, позднем отходе ко сну и т.д. Подобные «ограничения и постоянный надзор не соответствовали образу жизни, к которому она привыкла: она была образована и воспитана в рамках французской социальности, когда женщины могли играть значительную роль и участвовать в многочисленных развлечениях и формах активности, характерных для аристократии»³¹. Поведение супруга Гортензия показывает не только деспотичным и мелочным, но несправедливым по отношению к тому, что сама называет «невинными фантазиями»³² и развлечениями, вполне соответствовавшими ее юному возрасту³³.

Герцогиня зримо воспроизводит одну из семейных ссор, когда нападки господина Мазарини вынудили ее среди бела дня выбежать из дворца, чтобы на глазах у всех, одинокой и

31 **Bernard.** 2007: 66-67.

32 **Mancini.** 1965: 47.

33 **Mancini.** 1965: 44.

плачущей, перейти пешком улицу и укрыться в покоях брата. Гортензию не остановили ни угрозы мужа закрыть перед ней «все двери и особенно ту, что ведет во дворец»³⁴, ни осознание того, что семейный скандал принимает публичный характер. Тотальный характер озлобленности супруга в свой адрес она подчеркивает фразой, обращенной к адресату:

Если бы я не боялась вам наскучить, то могла бы назвать тысячу подобных козней, которые он мне устраивал без всякой причины, но лишь ради того, чтобы помучить <...>³⁵.

Портрет господина Мазарини делает еще более рельефным специфическая лексика мемуаристики. «Шпионы», «шпионить», «мучить», «ярмо», «тирания», «тюрьма», «криминальный» — все эти слова, семантически связанные с идеей угнетения, надзора, давления, призваны усилить впечатление о муже-тиране. Гортензия открыто говорит о том, что именно поведение супруга «положило конец ее терпению и стало подлинной причиной ее несчастий»³⁶. И далее:

Если бы г-н Мазарини удовлетворился тем, что обременил меня печалью и болью, подверг мое здоровье и жизнь прихоти своих самых неразумных капризов, наконец, заставил меня проводить самые прекрасные дни в беспримерном услужении, поскольку Бог сделал его моим господином, я бы ограничилась тем, что страдала и жаловалась друзьям. Но, когда я увидела, что из-за его невероятного мотовства мой сын, который должен был стать самым богатым дворянином Франции, рисковал оказаться самым бедным, мне пришлось уступить голосу крови, и материнская любовь взяла верх над сдержанностью, которую я предполагала сохранять³⁷.

Забота о будущем рода, находившемся в прямой зависимости от материального благополучия, становится, по сло-

34 Mancini. 1965: 50.

35 Mancini. 1965: 47.

36 Mancini. 1965: 47.

37 Mancini. 1965: 47-48.

вам Гортензии, определяющим фактором ее бунта против супруга. Мемуаристка стремится показать, что ею двигали высокие помыслы, а не эгоистические либо корыстные интересы. Такой акцент, поддерживая образ настоящей аристократки и бросая тень на ее супруга, должен по замыслу Гортензии послужить важным аргументом в ее пользу при объективной оценке семейного конфликта.

Не вполне укладывается в эту версию почти полное умолчание о материнских чувствах автора. За исключением выше приведенного высказывания и двух-трех косвенных упоминаний о детях, мемуары не затрагивают привычно ассоциирующейся с жизнеописанием женщины темы «мать и дитя». Герцогиня Мазарини не считает необходимым сообщить ни о количестве детей, ни об их именах, ни о датах рождения, ни о своем к ним отношении. Из значимых для мемуаристки социальных ролей — племянницы, сестры, матери, возлюбленной, супруги, придворной — приоритетными становятся две последних. Она рассказывает прежде всего историю знатной дамы, что позволяет говорить об определяющем влиянии придворной культуры на автобиографизм второй половины XVII века. Самоописание Гортензии не вписывается и в традиционные для патриархатной культуры стереотипные образы женщин, выявленные в монографии Мэри Элман «Размышляя о женщинах» (1968). Исследовательница «выделяет два образных ряда: первый — шлюха, роковая женщина, женщина-монстр, губительный демон; второй — возвышенная возлюбленная, муза, героиня, умирающая в родах»³⁸. Гортензия определяет свою идентичность через социальное положение, которое предписывало женщине ее ранга умение вести достойный и вместе с тем

38 Кабанова. 2006: 193.

роскошный образ жизни, быть украшением придворного общества, вызывать поклонение со стороны мужчин. Предметом ее размышлений оказывается женская судьба, в центре которой стоят статусные и финансовые проблемы.

Денежные интересы становятся важным мотивом мемуарной книги герцогини. Непомерное мотовство господина Мазарини, наносившее существенный урон семье, дополняет череду его отрицательных качеств. Гортензия сообщает о том, как из дома ежедневно исчезали огромные суммы, мебель, драгоценности — все то, что принадлежало семье и было накоплено благодаря усилиям ее дяди-кардинала. В сравнении с ним, жестоким, но неизменно радевшим о благе родственников, супруг герцогини выглядит еще более отталкивающим. Он осмелился отнять у нее драгоценности, которые в XVII веке «представляли часть женского достояния, то есть собственность сугубо индивидуального пользования, которую можно оставить в наследство»³⁹. Мемуаристка неоднократно вспоминает об этом возмутительном поступке мужа. Отметим, что финансовая состоятельность, а точнее роскошь, воспринимаются ею как неперенный атрибут жизни знатной дамы, которая не должна ни в чем нуждаться и иметь возможность свободно тратить деньги, не задумываясь об их количестве. Именно так ведет себя молодая жена сразу же после свадьбы с господином Мазарини: радуется свадебным подаркам, в том числе двум тысячам пистолей золотом, которые щедро предоставляет в распоряжение своих сестер, а однажды в их веселой компании забавляется тем, что разбрасывает из окна дворца свыше трех сотен луидоров, только для того, чтобы посмотреть, как из-за них дерутся слуги. Такой способ развлечения можно рас-

39 Bernard. 2007: 67.

смаковать двойко: как следствие беззаботности молодой особы и демонстрацию социального статуса аристократки, предполагавшего щедрость и способность одаривать нижестоящих. Однако, как следует из мемуаров, жизненный опыт вынудил Гортензию скорректировать свои взгляды. Поссорившись с мужем, она оказалась ограничена в средствах. Отсюда имеющиеся в тексте пояснения относительно количества ее драгоценностей и денег.

Действительно, — пишет мемуаристка, — я никогда не задумывалась над тем, что мне может не хватать денег, но опыт научил меня, что это первое, чего не достает, особенно людям, которые, постоянно имея их в избытке, никогда не придавали значения их важности и необходимости экономить⁴⁰.

Образчики легкомысленного транжирства сменяются иными примерами. Так, в разгар конфликта с мужем, движимая желанием уехать в Италию, герцогиня принимает предложенный королем пансион в размере двадцати четырех тысяч франков и сообщает о крайне негативной реакции придворных на это решение, в частности, приводит слова герцога Лозена о том, что эту сумму она прокутит в первом же кабаке и вскоре приедет просить новую. «Он не знал, — комментирует мемуаристка, — что я научилась экономить деньги»⁴¹ и дает пояснения относительно мер, предпринятых ею для поддержания финансовой стабильности.

Проблемы с деньгами и постоянные скитания стали следствием парламентского разбирательства, в которое переросли ссоры Гортензии с мужем. Судебные решения, призванные урегулировать их взаимоотношения, то облегчали положение герцогини, то давали господину Мазарини еще боль-

40 Mancini. 1965: 65.

41 Mancini. 1965: 81.

шие права в отношении супруги. Согласно одному из документов, подписанному в присутствии короля, ей разрешалось самостоятельно выбирать слуг и окружение, жить в своих покоех, сопровождать мужа в путешествиях только по собственному желанию и претендовать на раздел имущества. Обретение свободы и самостоятельности стоило Гортензии больших усилий и отвоевывалось шаг за шагом. Однако даже выгодные для нее письменные обязательства на деле оказывались недолговечными, а их разрыв приводил к еще более жестоким преследованиям. Герцогине пришлось жить в нескольких монастырях, бежать из Парижа, пересечь Швейцарию, просить приюта у сестры в Милане, вернуться во Францию, снова уехать в Италию, наконец, найти убежище в Савойе. За время скитаний она получила травму колена, была опасно больна, пребывала в отчаянии, сносила размолвки в своем ближайшем окружении, ссорилась с братом и сестрой и т.д. Драматизм пережитого подчеркивает печальная констатация:

<...> если бы я предвидела все последствия, я бы скорее предпочла провести жизнь в четырех стенах, завершить ее выстрелом или ядом, чем подвергать свою репутацию злословию, неминуемому по отношению ко всякой женщине моего возраста и ранга, удалившейся от мужа⁴².

В этих строках вновь звучит мотив нелегкой судьбы и злословия, подтверждающего право Гортензии на собственное высказывание.

Господин Мазарини все время пытался очернить супругу в глазах Людовика XIV, что для нее, как и любого представителя придворного общества, было самым серьезным испытанием. Мемуаристке важно продемонстрировать лояльность короля, санкционировавшего судебное разбиратель-

42 Mancini. 1965: 64-65.

ство, соблюдавшего нейтралитет и осторожно относившегося к слухам в ее адрес. Рассказ о разговоре с монархом по поводу обрушившихся на нее обвинений, она завершает такими словами:

Король соблаговолил мне сказать, что *никогда ничему такому не верил* [курсив Г.М. – С.П.]; но сделал это так кратко и так не похоже на ту учтивую манеру, с которой он обычно со мной обращался, что любой другой человек, но не я, стал бы сомневаться в правдивости его слов⁴³.

Гортензия демонстрирует абсолютное доверие по отношению к королю, тем самым показывая себя истинной придворной, соблюдающей аристократический кодекс поведения. Кроме того, сделав акцент на неверии монарха в наговоры и хулу, она как бы обретает в его лице могущественного защитника и одновременно высшего в пределах мирской жизни судию, выносящего вердикт о ее невиновности.

На протяжении всего повествования Гортензия Манчини различными способами пытается доказать свою правоту. Как и другие мемуаристы, она излагает собственную версию произошедшего с тем, чтобы обратить внимание на факты, способные изменить мнение придворных в ее пользу. Это могут быть известные, произошедшие на глазах у других эпизоды, которые она просто напоминает (бегство из дома, принятие королевской пенсии, побег вместе с сестрой из Италии и т.д.), или новые, знакомые только узкому кругу людей детали, проливающие дополнительный свет на ее тяжелую жизнь (придирки мужа, история с «мушками», спасение от преследователей в потайном отверстии за решеткой и т.д.).

Не настаивая прямо на правдивости своего рассказа, герцогиня апеллирует к сторонним наблюдателям, под-

43 Mancini. 1965: 60.

тверждающим ее версию. Например, цитирует слова своих сестер — Марии Манчини и герцогини Буйонской — в разных обстоятельствах сетовавших на ее несчастную судьбу и долготерпение⁴⁴ или обращается к адресату словами «судите сами», как бы давая возможность составить объективное мнение об изображаемом. Она даже напоминает об одном официальном документе — протоколе комиссара, следившего за ее передвижениями по дороге в Милан, который был зарегистрирован в парламенте и стал «вечным свидетельством невинности [ее] поведения во время этого путешествия вопреки всему, что разглашали [ее] враги»⁴⁵. Герцогиней движет желание представить себя пострадавшей стороной, незаслуженно оскорбленной, ущемленной в правах, заслуживающей сострадания. Такое стремление приводит к тому, что ее мемуары начинают тяготеть к апологии⁴⁶.

Однако образ повествовательницы оказывается неоднозначным. Ж. Доско верно утверждает, что сестры Манчини не принадлежали «к разряду святых или мучениц».

Не следует забывать, — пишет исследователь, — что во всех своих действиях, на всех этапах жизни, находясь даже в самых плачевных обстоятельствах, они думали только о том, чтобы наслаждаться жизнью⁴⁷.

«Мемуары» Гортензии, призванные по замыслу автора стать свидетельством ее несчастной судьбы, на деле производят двойственное впечатление. Изложение обстоятельств ее конфликта с мужем перемежается упоминаниями о развлечениях или же целыми эпизодами, дающими представле-

44 Mancini. 1965: 40, 48.

45 Mancini. 1965: 69.

46 Lesne. 1996: 233.

47 Doscot. 1965a: 24.

ние о нескучном времяпрепровождении герцогини. Прогулки, музицирование, карточные игры, театральные постановки, поездки на карнавалы — таков далеко не полный перечень обычных для нее форм досуга. Хотя, в целом, он вполне отвечает принятому в светском обществе образу жизни аристократки, некоторые детали заставляют усомниться в том, что поведение Гортензии всегда оставалось в рамках безобидных забав.

Так, она не исключала возможности укрыться от супруга у отрешившейся от престола шведской королевы Кристины⁴⁸, известной своими независимыми взглядами и свободным поведением, шокировавшим соотечественников⁴⁹, а на начальном этапе тяжбы с мужем, провела три месяца в монастыре вместе с еще одной знатной дамой, имевшей отнюдь не безупречную репутацию. По словам мемуаристки, их пребывание там породило множество историй о шутках над монашками, которые распространились при дворе. Например, о том, как они якобы наливали чернила в кропильницы или бегали по дортуару ночью с маленькими собачками. Гортензия утверждает, что эти истории были преувеличенными или вымышленными, к тому же инициированными ее подругой. Но сам по себе подробный рассказ о «наветах», с уточнениями относительно достоверных либо ложных фактов, заставляет усомниться в невинном характере описанных развлечений. На эту мысль наводит и имя дамы, вместе с которой Гортензия проводила время в монастыре, а затем пригласила ее пожить в своем доме. Это Сидония де Ленонкур, маркиза де Курсельль, ставшая близкой подругой мемуаристки и охарактеризован-

48 Mancini. 1965: 77.

49 Craveri. 2002: 211.

ная ею как «очень приятная» и «очень веселая»⁵⁰ особа. В действительности, маркиза слыла одной из самых легкомысленных и распущенных женщин своего времени. Тесное общение с ней не могло не оказать влияния на нравы и поведение Гортензии, что закономерно «увеличило в тысячу раз превентивную ревность г-на Мазарини»⁵¹.

Представляя ее как необоснованную, мемуаристка при этом умалчивает о своих увлечениях, многочисленных воздыхателях и любовниках. Некоторые из них играют важную роль в повествовании, но каждый раз изображаются исключительно в качестве друзей. Так, господин Курбевиль, известный авантюрист, сопровождавший Гортензию в Милан и поссоривший ее с родственниками, возмущенными их скандальной любовной связью, предстает невинно обвиненным и несчастным человеком, которому помогала мемуаристка. Схожим покровом невинности она окутывает свои взаимоотношения с братом Филиппом, с обидой опровергая оскорбительные домыслы в их адрес, но откровенно сообщая о том, как накануне его свадьбы они вдвоем добирались из Рима в Невер шесть месяцев. Столь длительная поездка наряду с другими фактами вызвала у современников подозрение в инцесте. Впрочем, оно так и осталась недоказанным, тогда как другие любовные увлечения Гортензии были широко известны.

Мемуаристка обходит стороной не только свои, но и чужие галантные приключения, как правило, предпочитая тактику намека и недоговорок. Можно предположить, что это объясняется тематикой подобных историй, вступающей в противоречие с образом невинной, слабой, безоснова-

50 Mancini. 1965: 54.

51 Doscot. 1965b: 214.

тельно преследуемой супруги. Не согласуются с этим образом и подробности скитаний герцогини после тайного отъезда из Франции. Ее бегство шло вразрез с принятыми в то время нормами поведения, когда женщина, проживавшая отдельно от супруга, все же не имела возможности передвигаться свободно и без его ведома⁵².

Имеющихся в мемуарах фактов оказывается достаточно для того, чтобы составить представление о независимом характере Гортензии и ее тяготении к свободным нравам в духе либертенгов второй половины XVII–XVIII веков, происходивших, по большей части, именно из круга знатных вельмож, то есть того, к которому принадлежала мемуаристка. Но, как представляется, вполне справедливо мнение К. Бернар о том, что в отношении обеих сестер Манчини

мы не обнаруживаем в полной мере либертинаж нравов <...> Даже если что-то в их поведении может с ним соотноситься, они не доводят свободу до крайней точки и не ставят себя в оппозицию ко всем правилам, которые регулировали общество Великого века. Свобода действия этих <...> женщин не исключала того, что они искали некоего конформизма посредством юридического признания их поступков или также попыток защиты их чести.

И далее:

<...> Манчини не стремились порвать с этой привилегированной средой и утверждали свой статус дам высокого ранга, придерживаясь аристократических ценностей и практик⁵³.

Частный характер мемуаров Гортензии не предполагает их включения в «большую историю», а потому делает позволительным отдельные повествовательные небрежности. Прежде всего, они касаются временных ориентиров. Мемуа-

52 Cholakian. 2000: 120.

53 Bernard. 2007: 117, 118.

ристка, в целом, соблюдает хронологию, но считает излишним, за парой исключений, уточнять даты. Единственным точно названным событием книги оказывается самый значимый для нее день — среда, тринадцатое июня тысяча шестьсот шестьдесят восьмого года, когда она сбежала из дома мужа. С этого момента в повествовании усиливается авантюрно–приключенческое начало, которое реализуется через мотивы бегства, обмана, скачек верхом, подмены имени, переодевания в мужское платье и т.д. Скитания Гортензии и Марии породили версии о том, что молодые женщины способны отправиться в Турцию, но герцогиня разоблачает это предположение как «страшную» сказку⁵⁴. Для нее не сказочная, а романическая модель повествования становится определяющей и позволяет показать себя смелой и отважной женщиной, наделенной решимостью и твердым характером.

Авантюрно–приключенческие эпизоды заставляют вспомнить об авторском сравнении изображаемых событий с романом, присутствующем в начале книги. Примечательно, что эта параллель возникает и на последней странице «Мемуаров». Когда сестры Манчини, сбежавшие из Италии, наконец, добрались в Экс, госпожа де Гриньян прислала им чистые сорочки, сопроводив посылку словами о том, что беглянки «путешествовали как настоящие романские героини, с уймой драгоценностей, но совсем без белого белья»⁵⁵. Эта отсылка как бы закольцовывает мемуарную книгу, которая по типу повествования, действительно, напоминает авантюрный роман. Ее эпизоды нанизываются один на другой, будучи не всегда строго логически связаны, портреты

54 Mancini. 1965: 85.

55 Mancini. 1965: 86.

персонажей, за единственным исключением (Мазарини), отсутствуют, в отдельных случаях уступая место лаконичным и устойчивым эпитетам, повествование преобладает над описанием. Событийный ряд изредка перемежается краткими сетованиями автора на несчастную судьбу и емкими заключениями обобщающего или оправдательного характера. Мемуаристка чередует драматические и комические эпизоды, истории и рассуждения, вводит прямую речь, выделенную в тексте курсивом, использует стихотворные строфы. Разнообразные повествовательные формы, наряду с обращениями к адресату, отражают характерную для жанра мемуаров тенденцию к воссозданию эффекта галантной беседы⁵⁶ и соответствуют распространенному в свете представлению о «салонном вкусе»⁵⁷.

Если в отношении повествовательных приемов Гортензия скорее следует литературным вкусам своей эпохи, то подлинное своеобразие ее мемуарам придает авторский стиль. Его отличительной чертой становится ирония, которая «разбавляет» апологетическую тональность повествования. Мемуаристка использует риторическую иронию, когда необходимый эффект от высказывания создается за счет несоответствия между изображаемым поступком и обозначающим его словом. Так, шесть месяцев, проведенных в отдаленной бретонской деревне, она называет «приятным времяпрепровождением» или содержащие намеренную издевку слова мужа об очередном долгосрочном отъезде семьи из столицы — проявлением галантности⁵⁸.

56 О правилах галантной беседы см. **Scudery**. 1998; **Viala**. 2008: P. 120-124.

57 **Cuénin**. 1995: 103.

58 **Mancini**. 1965: 46, 47.

Помимо тонкой иронии, Гортензия использует и более очевидные формы выражения своего отношения к изображаемому. В арсенале ее приемов важное место занимает насмешка, как правило, направленная на конкретных людей и прежде всего мужа. Мемуаристка не боится резких оценочных слов с негативной коннотацией насмешливого характера (кардинал «окошел», муж — «интриган и ханжа»), сатирически комментирует прямую речь или поступки. Приведем в качестве примера одно из высказываний господина Мазарини. Одержимый желанием жениться на Гортензии, он как-то сказал, что «если только женится на [ней], то будет готов умереть через три месяца». За прямой речью следует авторский текст: «Успех превзошел его ожидания: он женился на мне и не умер»⁵⁹. В этих предложениях речь идет о первом упоминании имени господина Мазарини и язвительная ирония Гортензии сразу же обнаруживает ее неприязненное отношение к будущему мужу. В другом эпизоде супруг герцогини возмутился тем, что она наклеила «мушки». По такому незначительному поводу он сначала заявил «что не будет с [ней] разговаривать, пока [она] их не снимет», а затем, потратив час на бесполезное ожидание, «все-таки объяснился, несмотря на “мушки”»⁶⁰. Насмешливое замечание повествовательницы еще больше оттеняет откровенную глупость придирок господина Мазарини. В галантном обществе, всячески приветствовавшим тонкую иронию и добродушный смех, язвительная насмешка считалась неприемлемой⁶¹. Такое отношение точно зафиксировано Мольером в предисловии к знаменитой комедии «Тартюф»: «Порицание люди

59 Mancini. 1965: 32.

60 Mancini. 1965: 53-54.

61 См.: Viala. 2008: 122.

сносят легко, но насмешки они не выносят»⁶². Салонная культура, призванная развивать и демонстрировать достоинства людей, налагала запрет на такие формы словесных характеристик, которые могли унижить человека, а «подвергаясь насмешке, — как верно заметил Стендаль, — теряешь уважение окружающих»⁶³. Колкость герцогини подспудно разрушала образ невинной женщины. Лексический и интонационный уровень текста позволяют констатировать, что мемуаристка усиливает критическую направленность своей книги в адрес супруга-тирана, но выходит за границы вежливой манеры салонного общения, пренебрегает нормами галантной беседы.

Проведенный анализ позволяет заключить, что «Мемуары» Гортензии Манчини — это пример женского голоса, прозвучавшего во второй половине XVII века, когда во Франции в связи с особенностями историко-культурной ситуации сформировались условия для развития разнообразных дарований светских дам и изменился их статус. Мемуаристка запечатлевает историю индивидуальной женской судьбы, выводя на первый план проблемы частного и внутрисемейного характера, что свидетельствует об отходе от хроникального образца жанра и усилении в нем автобиографического начала. Вместе с тем ее книга представляют собой пример светских мемуаров, в которых способы выражения индивидуального «я» оказываются предопределены господствующими социальными и культурными моделями. Мемуары в письменной форме фиксируют элементы салонной практики ведения беседы, ставшей главным полем для самореализации аристократок в эпоху Людовика XIV. При этом влияние

62 Мольер. 1957: 565.

63 Стендаль. 1959: 136.

культурной и литературной традиции не заглушает само-
бытного авторского голоса, проявляющегося в разнообраз-
ных модуляциях иронии, некоторые градации которой не
соответствуют галантному коду. В результате, высказыва-
ние мемуаристки, отражая на тематическом уровне драму ее
женской судьбы, в плане стилистическом балансирует на
границе совпадения/несовпадения с авторской апологетиче-
ской интенцией и господствовавшими в придворном обще-
стве дискурсивными практиками.

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

Каза. 2002 – Каза Дж. Галатео, или Об обычаях / Пер. Г.Д. Муравьевой // Сочинения великих итальянцев XVI в. СПб., 2002.

Кастильоне. 2002 – Кастильоне Б. О Придворном / Пер. О.Ф. Кудрявцева // Сочинения великих итальянцев XVI в. СПб., 2002.

Лафайет. 2007 – Лафайет М.-М. де. История Генриетты Английской / Пер. Н.А. Световидовой // Лафайет М.-М. де. Сочинения. М., 2007. С. 169-214.

Мольер. 1957 – Мольер Ж.-Б. Тартюф / Пер. М. Лозинского // Мольер Ж.-Б. Собр. соч.: В 2-х т. Т. 1. М., 1957. С. 561-658.

Паскаль. 1994 – Паскаль Б. Мысли / Пер. Э.Л. Линецкой. СПб., 1994.

Стендаль. 1959 – Стендаль. Дополнения к «Расину и Шекспиру» / Пер. Б.Г. Реизова // Стендаль. Собр. соч.: В 15 т. Т. 7. М., 1959.

Du Bosc. 1633 – du Bosc J. L'Honnête femme. Paris, 1633

Faret. 1630 – Faret N. L'Honnête homme ou l'art de plaire à la Cour. Paris, 1630

Mancini. 1965 – Mémoires d'Hortense Mancini // Mémoires d'Hortense et de Marie Mancini. Paris, 1965.

Riballier, Cosson. 1779 – Riballier R., Cosson Ch-C. De l'éducation physique et morale des femmes, avec une notice alphabétique de celles qui se sont distinguées dans les différentes carrières des sciences & des beaux-arts, ou par des talents & des actions mémorables, Paris: Les frères Estienne, 1779. URL: http://www.siefar.org/dictionnaire/fr/Hortense_Mancini/Philibert_Riballier_et_Catherine_Cosson (дата обращения: 07.04.2017).

Scudéry. 1998 – Scudéry M. de. De la conversation // Scudery M. de. «De l'air galant» et d'autres conversations. Paris: Champion, 1998. P. 59-75.

ЛИТЕРАТУРА

Гречаная. 2010 – Гречаная Е.П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII-первая половина XIX века). М., 2010.

Зарецкий. 2005 – Зарецкий Ю.П. Индивид в европейских автобиографиях: от Средних веков к Новому времени (источ-

никоведческий аспект проблемы): автореферат дис. ... доктора исторических наук. М., 2005.

Кабанова. 2006 – Кабанова И.В. Западная феминистская критика о «женском письме»: типологический анализ основных направлений // Женский вызов: русские писательницы XIX- начала XX века. Тверь, 2006.

Карро. 2012 – Карро В. Первое «я»: Паскаль / Пер. Е.К. Карпенко // История философии, 2012. № 17. С. 119-140.

Прозоров. 2005 – Прозоров В.В. Другая реальность: Очерки о жизни в литературе. Саратов, 2005.

Bernard. 2007 – Bernard C. Les nièces de Mazarin: des aristocrates face à la quête d'indépendance. Mémoire de Master 2. Université Grenoble-II, 2007. URL: http://dumas.ccsd.cnrs.fr/docs/00/28/15/13/PDF/Les_nieces_de_Mazarin_des_aristocrates_face_a_la_quete_d_independance.pdf (дата обращения 10.04.2017).

Cholakian. 2000 – Cholakian P. F. Women and the Politics of Self-Representation // Seventeenth-Century France. New York, 2000. P. 85-100.

Craveri. 2002 – Craveri B. L'âge de la conversation. Paris, 2002.

Cuénin. 1995 – Cuénin M. Les Mémoires féminins du XVII siècle, disparités et convergence // Le Genre des mémoires. Essai de définition. Colloque international des 4-7 mai 1994. à Strasbourg. Paris, 1995. P. 99-110.

Démoris. 1975 – Démoris R. Le roman à première personne. Du classicisme aux Lumières. Paris, 1975.

Doscot. 1965a – Descot G. Introduction / Mémoires d'Hortense et de Marie Mancini. Paris, 1965. P. 7-28.

Doscot. 1965b – Descot G. Notes/ Mémoires d'Hortense et de Marie Mancini. Paris, 1965. P. 211-226.

Fumaroli. 1998 – Fumaroli M. Les Mémoires au carrefour des genres en prose // Fumaroli M. La diplomatie d'esprit. Paris, 1998.

Goldsmith. 2012 – Goldsmith E. The kings' mistresses: the liberated lives of Marie Mancini, Princess Colonna, and her sister Hortense, Duchess Mazarin, New York, 2012.

Lesne. 1996 – Lesne E. La poétique des mémoires (1650–1685). Paris, 1996.

Soissons. 1911 – Soissons, the count de. Seven Richest heiresses of France. London, 1911.

Viala. 2008 – Viala A. La France galante. Essai historique sur une catégorie culturelle, de ses origines jusqu'à la Révolution. Paris, 2008.

М.В. Моисеев, К.Ю. Ерусалимский

ЖЕНСКИЕ ГОЛОСА В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКЕ ИВАНА ГРОЗНОГО*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: переписка Ивана Грозного, дипломатическая корреспонденция, Елизавета Тюдор, Анастасия Романовна, Кученей-Мария Темрюковна, Ана-Биим, Аише-Салтан

АННОТАЦИЯ: в статье исследуются гендерные дискурсы в дипломатической переписке царя Ивана Грозного. Женские голоса в европейской дипломатии России подавлены и локализованы в рамках молитвенного заступничества и пейоративных аллюзий. Дипломатия мыслилась царем Иваном и его окружением как сфера, в которой женские голоса недопустимы, а сравнения с женской властью, уподобление женщине и констатация женского правления (например, в Англии) имели единственную цель — унижить дипломатического партнера. Адресатами царя Ивана IV в Степи были преимущественно жены крымских ханов и ногайских биев. Наиболее часто эта переписка фиксируется в посольских книгах в период брака Ивана и Кученей Темрюковны, когда ее близкие родственницы были в гаремах Девлет-Гирея и ногайского бия. Основные темы их писем — это стремление умиротворить враждующие стороны и имущественные запросы.

Тезис о психических отклонениях Ивана Грозного часто звучит в научной литературе как самоочевидный факт. Вызывает дискуссию разве что диагноз, а не анамнез. По мнению Ричарда Хелли, в поведении Ивана Грозного отчетливо обозначились мания преследования и эротомания, причем

* Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда (проект № 16-18-10091). Руководитель проекта — К.Ю. Ерусалимский.

Константин Юрьевич Ерусалимский, д. и. н., проф. кафедры истории и теории культуры РГГУ, ведущий научный сотрудник Центра научного проектирования РГГУ, kerusalimski@mail.ru

Максим Владимирович Моисеев, к. и. н., научный сотрудник Центра научного проектирования РГГУ; ГБУК «Музейное объединение «Музей Москвы», зав. сектором, maksi-moiseev@yandex.ru

паранойя была своеобразной чертой времени, производной тревожности во внешней политике и в придворной борьбе¹. Еще в начале 1980-х годов тезис о маниакальности царя Ивана звучал в англоязычных биографиях, и Джон Лонг иронизировал, что биография царя служит одному из авторов поводом, чтобы «не высказать ни одного позитивного суждения о русской истории и культуре», даже если «то, что Иван Грозный был “религиозным маньяком” и “садистом-извращенцем”, чье правление обернулось для России “катастрофой” — вполне обсуждаемая точка зрения, хотя вряд ли блестящая новизной»². На основе изучения костных останков Ивана Грозного высказывалось предположение о том, что он страдал от анкилозирующего спондилита (болезни Бехтерева). Медицинская гипотеза позволила профессиональному психиатру Н.Д. Лакосиной, а в наши дни Любови Столяровой и Петру Белоусову, профессиональному медику, вернуться к версии о наследственной эпилепсии, приобретенной Иваном Грозным, по всей видимости, от матери, и переданной царевичу Дмитрию Ивановичу³.

Эти оценки не могут быть автоматически перенесены на язык дипломатии. Методы, строящиеся от психосоматических и литературно-стилистических концепций, требуют проверки контекстными интерпретациями⁴. Мы не можем исходить из иррациональности дискурсов Ивана Грозного, прежде чем исчерпаем все способы рациональной интерпретации, включая те формы рациональности, в которых садизм

-
- 1 **Богатырев.** 2004: 62-82; **Хорошкевич.** 2003; **Шокарев** 2006: 14-21; **Курукин, Булычев.** 2010: 224.
 - 2 **Long.** 1982: 440-441.
 - 3 **Столярова, Белоусов.** 2012: 187.
 - 4 О расстановке "смысловых акцентов" при помощи оценочных характеристик в сочинениях царя Ивана см.: **Каравашкин.** 2011: 448.

и перверсия могут быть осмыслены как результат дипломатического целеполагания. В то же время говорение и умолчания в области гендерных ролей не ограничиваются прямым социальным действием. Недостаточно знать о матриониальной политике, брачных контрактах и балансе клановой системы при московском дворе, чтобы судить о ролевых дискурсах и вторжении власти в телесность⁵.

В дипломатической переписке и на официальных посольских церемониях рафинировался язык политического доминирования. Женским политическим амбициям здесь было не место. Вместе с тем, это «отсутствие» было не просто значимым, но и слышным. Женщина-политик была не только вытеснена из сферы политики, но и вычеркнута, подавлена и подменена властью. Это происходило на всех уровнях дипломатии, которую для удобства можно было бы разделить на пять сфер, чтобы официальный язык не путать с полуофициальными, а также со вторичными, игровыми и учебными фабрикациями. Высший уровень был очерчен грамотами-посланиями и сопровождавшими их посольскими миссиями. Они записывались в посольские книги, составляли государственные фонды и иногда отражались в тайных копиях тех же материалов. Не все эти материалы сохранились, но их объем за время правления Ивана IV весьма значителен и для наших целей репрезентативен. Уровнем ниже находились полуофициальные письма, военные и секретные миссии. Послания этого плана не включались в чистовые дипломатические подборки, а хранились отдельно, хотя иногда проникали и в официальные подборки. Их отличал нарочито агрессивный или просто эмоционально-несдержанный

5 Примеры таких исследований см.: Kollmann. 1987; Морозов, Морозова. 2005; Martin. 2012.

язык. Третий план — официальные послания от лица высшей власти полуофициальным и неофициальным лицам. Это особый жанр, приближающий отношения власти и носителей тех или иных форм подданства к публицистическому диалогу. Переписка Ивана Грозного с князем Андреем Курбским или Василием Грязным, с Григорием Остиком или Олбрахтом Ласким, с князем Александром Полубенским или Тимофеем Тетериным велась по официальным каналам и хранилась в книгах Посольского приказа, однако эти контакты несравнимы по своим импликациям с официальными отношениями первого и второго типов. Вместе с тем эти три сферы отличались от оставшихся двух прямым политическим действием, тогда как в оставшихся двух социальная практика уступала место дискурсивному воздействию. Четвертый тип — это речи во время посольских церемоний, когда царь, его приближенные и дипломаты — и контрагенты в любых составах — делились своими конкурентными взглядами и предложениями. Усилия в данном случае нельзя принимать за чистую монету, нельзя видеть в устных словах, комментариях и обещаниях политические «позиции», однако дискурсивные модели и властные стратегии могут быть выражены в этих полуофициальных и неофициальных диалогах еще более отчетливо и недвусмысленно, чем в источниках первых групп.

Наконец, к пятому типу следует отнести апокрифические сказания и повести, иногда — послания, которые никогда не были отправлены, никогда не участвовали напрямую в дипломатических отношениях, но воплощают в той или иной форме представления об этих отношениях и могли влиять на политическое сознание читателей. К таким памятникам относятся «Повесть о двух посольствах» и легендарная «Переписка Ивана Грозного с Турецким султаном».

«Повесть» создавалась на основе событий последних лет правления Ивана Грозного и, возможно, уже в конце 1570-х — начале 1580-х годов, однако гендерная тема в ней отражена опосредованно. Впрочем, высказывания, в которых упоминаются русско-имперские браки (в немецком письме императору Карлу V от лица Ивана Грозного от апреля 1547 г.), даже самые одобрительные, сами по себе не вносят понимания в вопрос о «женских голосах», гендерных ролях, означивании в языках телесности. Отказ царя Ивана присылать на польско-литовский трон своего сына, царевича Федора, которого он сравнивает при этом с невестой, свидетельствует о патерналистской модели государства, однако в отцовском патернализме много от внутрисемейных отношений, а сами высказывания царя не вышли на поверхность дипломатической переписки (в 1575 — начале 1576 г.).

Влияние имели общехристианские идеалы, которым в православной Москве старательно следовали. Для Ивана IV отделение христианской дипломатии от мусульманской было почти условием *sine qua non*, в том числе в годы правления Ивана Грозного, когда приходилось лавировать между Священной Римской империей и Османским султанатом и формировать прагматический язык мира и войны со степными и поволжскими Ордами. Тем не менее, во многом отношение к «женским голосам» в дипломатии и политике на обоих направлениях было сходным.

На высшем уровне представительницы царской семьи упоминаются нечасто, в основном при благословении или молитвенном заступничестве церковных иерархов. В послании патриарха антиохийского Иоакима IV от августа — октября 1560 г. молитвенное обращение в протокольной формуле содержит слова:

Молимся господу нашему Иисусу Христу во едином существе, иже всех Богу, о благочестивой владычице и о царице госпоже, госпоже нашей Анастасии со богохранимыми и возлюбленными вашими чады, господином Иоанном и господином Феодором, их же вам Бог дарова, и со всеми твоими оружники, и с рабы, и с свободными, з богатыми же, и с убогими, з женами и з детьми, и со всею богохранимою дръжавою православнейшаго царствия. Радость и милость, и благословение, благодать, здравием и спасения молим от Бога Вседръжителя, аще и грешни есмя⁶.

Информация о женах Ивана Грозного в Риме не была предметом рефлексии. Папа Григорий XIII в 1581 г. обращался в особом послании к царице Анастасии Романовне, которой уже 20 лет как не было в живых. Впрочем, встречая римского легата Антонио Поссевино, царь Иван обратился к нему как к представителю папы Георгия, а не Григория. Возможно, это была неосознанная ошибка, но в коммуникации возник эффект взаимного забвения. Ни в Москве не знали, кто возглавляет Святейший Престол, ни в Ватикане знать не знали, как зовут московскую царицу.

Двумя уровнями ниже, в Переписке царя с «изменником» возникло объяснение этой информационной лакуны в Европе. Князь Андрей Курбский в своем Третьем послании Ивану Грозному из Полоцка дает понять, что все сбились, с какой по счету женой, пятой или шестой, он живет. Ирония была тем более злой, что получила развитие в отдельный сюжет для обвинений: царь Иван, не удовлетворившись своими женами, возит за собой в походы девиц и их неустанно растлевают:

И девиц, глаголют, чистых четы собирающе, за собою их подводами волочаще и нещадно чистоту их разтлевающе, не удовлился уж сво-

6 ПГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 170-170 об. Набор текста С.М. Каштанова и Л.В. Столяровой выверен Д.Н. Рамазановой.

ими пятма или шестма женами! Еще к тому на неисповедимое и ко слышанию ужастное разтление выдавающе их чистоту!⁷.

Иван нашел нужным ответить на этот упрек в своем послании королю Стефану Баторию именно потому, что считал возможным снижение жанра в переписке с королем Стефаном, которого не признавал ни в качестве законного монарха, ни как равного себе и полноправного участника дипломатии.

Еще один подобный пример, когда отношения с государством строились на границе высокого и низкого, первого и второго типов дипломатии, представляла российско-шведская корреспонденция. Коллизия разыгралась, когда в результате государственного переворота в Швеции был свергнут король Эрик XIV и на его место взошел Юхан III. Иван Грозный рассчитывал, что жена Юхана, сестра польского короля Катерина Ягеллонка, будет выдана в Москву. Об этом знал узник безумного короля, герцог Юхан, и не случайно мишенью восстания был не только король, но и московские послы. Царь Иван переворот не признал, Юхана считал незаконным правителем, а знаменитая переписка с новым королем проходила при постоянной апелляции к секретной миссии посла Ивана Михайловича Воронцова. В письме от 6 января 1573 г. царь не отрицал план выдачи Катерины, но настаивал, что это было возможно, только если бы Юхана уже не было в живых, и высмеивал противника:

А на послов пеня положена напрасно, будто то их пеня, что они по твою жену приехали, а они не сами приехали, послали их, а послали их по вашей же облышке, что сказали тебя в животе нет. А коли бы сказали, что ты жив, ино было как твоей жены просить? И каждый то ведает, что жена у мужа взяти нелзя. И тебе было пенять на своего брата Ирика да на его думцов, которые с ним то

7 **Ерусалимский.** 2009: 159. См. также: **ПИГАК.** 1993: 117 (Андрей Курбский — Ивану IV. Полоцк, 15 сентября 1579 г.). Курсивом подправлено прочтение, предложенное в издании Ю.Д. Рыкова.

дело делали ложно. А послы наши, боярин наш и намесник смоленской Иван Михайлович Воронцов с товарищи за посмех страдали от твоего неразсуженя⁸.

И ниже:

И мы тебе то подлинно известили, а много говорить о том не надобеть! Жена твоя у тебя, нехто ее хватает, а и так еси одного для слова жены своей крови много пролил напрасно. А впредь о той безлепице говорити много не надобе, а учнешь говорить, а и нам тебя не слушать: ты как хочешь, и з женою, нехто ее у тебя пыгает!⁹.

Предметом раздора остается Катерина, причем одновременно в целом ряде смыслов. Ее царь обвиняет в кровопролитии, подразумевая, прежде всего, нападение повстанцев на московскую миссию. Второе значение — она подговаривает короля к ссоре с Москвой. Наконец, она выступает в качестве самостоятельного политика, что недопустимо и вызывает у царя сардонические интонации.

В этом месте хотелось бы поддержать наблюдения А.А. Бачинского о властной иронии в язвительном («кусательном») стиле Ивана Грозного¹⁰. Вполне ожидаемо, что перед нами не стиль, а политическая мотивировка. Иван не просто отыгрывается на адресате, а подводит к его дипломатическому статусному унижению:

Мы тебе писали, не жены у тебя просили — нам твоя жена не надобе, мы тебе к розсуду то писали: сколь то не возможно у тебя жены взять, таково то не возможно тебе с намесники не ссылатись. Мы тебе писали, величество гордыни твоей розсужая, а не жены у тебя просили; нам твоя жена однолично не надобе, как хочеши с нею¹¹.

8 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 3. Л. 10 об.-11 (Иван IV — Юхану III. Пайда, 6 января 1573 г.). Набор текста данного послания осуществлен Н.А. Кочеконской.

9 Там же. Л. 13 об.-14.

10 Бачинский. 2013: 43-45, 55-56, 100-102, 135.

11 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 3. Л. 28 об.

Сомнительный литературный прием — это в полной мере властная декларация, предписывающая непроходимую границу: как нельзя взять от мужа жену, так нельзя шведскому королю вести переговоры напрямую с Москвой. Юхану III указано его место — остаться при жене и на уровне второсортного государства, равен которому по статусу не московский царь, а его наместник новгородский.

Женщина на языке политической демагогии означает безвластие и безумие. Один из наиболее коварных приемов царя Ивана — сравнение с женщиной. Царь пускает его в ход, когда указывает место своим изменникам в письме князю Андрею Курбскому (здесь мы вновь обращаемся к диплома-ти третьего типа):

Тако же убо и ваше хотение, еже вам на градах и на властех со-
владети, идеже быти, не подобает. И что от сего случишася в Руси,
егда быша в коемждо граде градоначальницы и местоблюстители,
и какова разорения быша от сего, сам своима беззаконныма
очима видал еси. От сего можеша разумети, что сие есть. К сему
пророк рече: «Горе дому, им же жена обладает, горе граду, имже
мнози обладают». Видиши ли, яко подобно женскому безумию
владение многих? Аще не под единою властью будут, аще и креп-
ки, аще и храбри, аще и разумни, но обаче женскому безумию
подобни будут, аще не под единою властью будут. Понеже яко же-
на не может своего хотения уставити – овогда тако, иногда же
инако, тако же убо и многих *во царстве владенье* – ового же тако
хотение, инаго ж инако. И сего ради разная хотения и разумы
женскому безумию *подобны* есть. Се убо указах ти, како благо
есть вам на градах седети и мимо царей царствию владети. От се-
го убо мнози могут разумети, *имуще разум*¹².

Впрочем, в Первом послании князь упомянул свою жену, которую «мало познал» из-за постоянных военных походов. На

12 ПИГАК. С. 24 (л. 309 об.-310) (Иван IV — Андрею Курбскому. Москва, 5 июля 1564 г.). Курсивом уточняем чтения в издании Я.С. Лурье на основе других списков Первой пространной редакции Первого послания Ивана Грозного.

это он получил до сих пор вызывающее разноликие суждения издевательство со стороны царя в его Первом ответом послании. Царь напомнил своему «изменнику» о какой-то «стрелецкой женке». Обычно считается, что это был намек на любовницу. Однако ничего не известно о происхождении жены Курбского. Почему бы не видеть в словах царя намек на жену?

В деловой переписке ссылка на жен и детей — большая редкость, как правило, аргумент прямого действия в пользу прекращения войны, остановки насилия, прекращения службы. Тимофей Тетерин обратится к Михаилу Морозову в 1564 г. с упреком:

А Бог, *господарь*, за грехи у вас ум отнял, что вы над женами да над детьми своими и над вотчинишками головы кладете, а жен своих и детей губите, а тем им не пособите. А сметь, *господарь*, вопросить, каково тем женам и деткам, у которых отцов различными смертми побили без правды? А мы тебе, господине, много челом бьем¹³.

Это почти дословно совпадает с укорами князя Андрея Курбского в адрес Ивана Грозного о том, что он не заботится о военных вдовах. Один из самых ярких моментов в «Истории» Курбского — возмущение Максима Грека богомольным бездушием царя, который вместо помощи вдовам и сиротам едет молиться по монастырям.

Наконец, один из самых дискуссионных сюжетов в истории дипломатической переписки Ивана Грозного — его обращение к Елизавете Тюдор в октябре 1570 г. Между Россией и Англией не было тени недоверия, сопоставимой с отношениями между царем Иваном IV и Юханом III или Стефаном Баторием. Однако в своем послании царь называет королеву «пошлой девицей»:

13 РНБ. Собр. М.П. Погодина № 1567. Л. 10-10 об. Ср.: ПИГ. 1951: 537. Уточняем курсивом прочтение, предложенное в издании Я.С. Лурье.

И мы чаяли того, что ты на своем господарстве господарыня¹⁴ и сама владееш и своей господарской чести смотриш и своему господарству прибытка, и мы потому такие дела и хотели с тобою делати. Ажно у тебя мимо тебя люди владеют и не токмо люди но мужики торговые и о наших о господарских головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываеш в своем девическом чину как есть пошлая¹⁵ девица¹⁶.

Нельзя исключать, что исправление в московской грамоте в этом месте сделано уже в Англии и что потребовалось оно из-за отказа английской стороной принять грамоту с грубым цензурно непереводаемым текстом. Показательно в этом смысле, что оставшееся выражение было принято, а в английской версии было передано вполне приемлемо на слух королевы Елизаветы:

Wee had thought that you had been ruler over your lande and had sought honor to your self and profitt to your countrie and therefore wee did pretend those weightie affaires betweene you and us; but now we perceive that there be other men that doe rule, and not men, but bowers and merchaunts, the which seeke not the wealth and honour of our Maiesties, but they seeke there owne profitt of marchandize: and you flowe in your maydenlie estaite like a maide¹⁷.

Как представляется, перевод “*like a maide*” довольно точно отражает смысл ныне известного русского текста. Царь намекал Елизавете на свою готовность занять пустующее, по его мнению, место английского короля и в финальной версии письма указывал на неприличное для самой королевы положение старой девы. Слово «пошлый» следует понимать в одном из его исконных значений как «старый», а

14 Буквы рня более жирно, по затертому

15 Буквы пошл и часть буквы а по затертому

16 **The National Archives** (London). Public Record Office. SP 102/49/1, 2. F. 1 (Иван IV — Елизавете Тюдор. Москва, 24 октября 1570 г.). Ср.: **Первые**. 1875: 109; **ПИГ**. 1951: 139-143. Набор текста и описание оригинала данного послания выполнены А.А. Малыгиной.

17 **Первые**. 1875: 114.

намерение царя было в данном случае не в том, чтобы оскорбить королеву ее происхождением. Это было бы странно, и этого царь нигде больше не допустил в ее отношении. Задача была прямо противоположная — представить Елизавете выгоды замужества за московским правителем.

Отношения между Иваном Грозным и ордынскими правителями не выходили за рамки высшего ранга дипломатии. По крайней мере, о таких выходах Посольский приказ, если они и происходили, старательно умалчивал.

В исследовательской литературе уже давно замечено, что женщины татарских государств нередко выступают как участники дипломатического процесса. Уже при хане Золотой Орды Берке (1257–1266) в рамках отношений с мамлюкским Египтом женщины правящего дома являются активными контрагентами. Хотя, конечно, наиболее ярким примером женского участия в международных отношениях была вдова Узбека Тайдула¹⁸, но и после нее и даже после гибели Орды и появления новых татарских государств нам известны ханши, принимавшие участие в дипломатическом общении. Очевидно самыми известными оказались Нур–Султан¹⁹ и Сююн–бике²⁰. Международная активность Крымского ханства привела к вовлеченности во внешнюю политику не только мужчин, но и женщин ханства. Примером удачного,

18 Григорьев, Григорьев. 2002. Содержательный очерк о ней: Почекаев, Почекаева. 2012: 186-202.

19 Нур–Султан (умерла около 1522–1523 г.) дочь большеордынского бека Тимура. Первым браком была замужем за казанским ханом Ибрагимом, вторым — за крымским ханом Менгли–Гиреем. См.: Почекаев, Почекаева. 2012: 218-229.

20 Сююн–бике неоднократно привлекала внимание исследователей. Самое яркое ее жизнеописание дано в «Казанской истории». Последние по времени биографические работы: Беляков, Моисеев. 2004: 32-44; Почекаев, Почекаева. 2012:238-246.

хотя и краткого, исследования роли женщин в татарских государствах можно считать статью А. М. Некрасова 1998 года «Женщины ханского дома Гиреев в XV–XVI вв.»²¹. Автор отмечал участие отдельных дам из крымского правящего дома в политических делах²², отмечал особый статус «*анаби-им-царицы*» («*ана-бегим*») — ханской матери и показал его эволюцию²³. Затронул исследователь и вопрос происхождения ханских жён, что непосредственно связано с историей брачной дипломатии. Так, по его наблюдениям, крымские ханы роднились с представительницами аристократии Крымского ханства. Со второй половины XVI века довольно часты факты браков на уроженках Северного Кавказа, а ближе к концу столетия встречаются и дочери ногайских династий²⁴. То есть, в случае с Крымским ханством заметна «специализация» на «рынке невест». Любопытно, что эта специализация наложила отпечаток и на саму дипломатическую переписку. За время правления Ивана Грозного переписка с крымскими дамами насчитывает 37 посланий, а с ногайскими — 3. Причем, в случае с Крымским ханством все послания укладываются в период 1563–1570 г., а с ногайскими — в 1563–1564 гг. и лишь одно — 1537 г. Так же мало писем сохранилось от 1577–1578 гг.: всего — 4. Конечно, можно полагать, что остальные не были скопированы в посольские книги (и это вполне вероятно), но почему тогда послания за указанные годы очутились в посольских книгах? Ответ, на наш

21 Некрасов. 2000: 213-221.

22 Некрасов. 2000: 217. Речь идет об знаменитой Нур-Султан (о ней см.: Бережков. 1897: 1-17; Почекаев, Почекаева. 2012: 218-229) и жене Девлет-Гирея Айше-Фатьма-Султане.

23 Некрасов. 2000: 217-219.

24 Некрасов. 2000: 219-220. О черкешенках-жёнах крымских ханов и турецких султанов, см.: Сокуров. 2011: 115-141.

взгляд, кроется в факте женитьбы Ивана на Кученей Темрюковне в 1561 г. Дело в том, что в это же время ее близкие родственницы были в гаремах Девлет-Гирея и ногайского бия. Анализ данных посольских книг позволяет выяснить иерархию ханских жен, которая играла существенную роль при распределении посольских даров — «поминок»²⁵. Вместе с тем эти иерархии относительно персонифицированы. Так, зачастую в русских переводах посланий и в посольской документации отсутствовало имя матери-царицы — и ее титул выполнял функцию имени: Ана-биим, также титул «ханике» мог прочитываться как имя собственное.

После этих замечаний необходимо перейти к анализу содержания посланий. О чем писали женщины Ивану Грозному? Женщины выступают, прежде всего, в роли миротворцев. Так, в письме от Ана-биим содержатся такие строки: «...что промеж дву юртов мир и добродетель»²⁶ или «...меж дву юртов о добре учнем радети»²⁷. В 1577 г. она вновь подтверждает свою миротворческую роль:

о добре учнем радети и печаловатца, чтоб меж дву юртов добро и дружба, и прияство было. Так бы еси ведал. И преж сего меж вами о добре радела. А нынеча болши того радю²⁸.

25 Практика составления реестров элит татарских государств связана с шертованием знати — во всяком случае, сходные документы отложились в так называемом «царском архиве» (например, ящик 13: «...и грамота шертная всее земли Казанские», ящик 15й «...грамоты шертные князей и всее земли Казанские; и запись подъятверженная князей казанских», ящик 16: «...и сеитев и князей городецких...» и особенно ящик 33: «...да две тетрати — переписаны имена, которые приведены к шерти казанские люди»). См.: **ОЦА**: 18, 19, 22.

26 **КПК** - 13. 2016: 271.

27 **КПК** - 14. 2016: 155.

28 **РГАДА**. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 88об.-89, 389. Набор текста данного послания осуществлен А.В. Беляковым.

Но значительно чаще в их посланиях заметны имущественные мотивы. Аише, к примеру, в скрытой форме занималась работоторговлей. Она выкупала полоняников, а затем отсылала их со своим представителем в Москву и ожидала возмещения затрат²⁹. Впрочем, успешность ее предпринимательства можно поставить под сомнение:

Посольством пошел холоп мой Сулейманом одново деи малово да девку послала для своего обихода. А здесе сто пядесят рублей ценили одного тритцать рублей, а другово сто дватцать рублей. Ты деи велел дати, казначеи деи не дали, — писала Ана-биим царю Ивану Васильевичу³⁰.

В 1578 г. она жаловалась царю Ивану, что не получила за полоняников положенные ей, как она считала, 180 рублей³¹. Аише–Фатима просила денежную субсидию для совершения хаджа в Мекку:

Батки наши — одны братья были, воля Богу для того тебя навещати самово холопа Асана послали приехав к тебе у вас просим то и здесе мы ркли ся были в Меку ехати для того у тебя на дорогу на обиход пособь прошаем пожалуй не том бы еси не сказал к Меку на обихо(д) прислал как Бог даст и будет ныне о добре радеешь зная то есть сего по ходу холопом не оставив в Меку б еси на обиход прислал³².

В 1578 г. эта просьба была повторена и конкретизирована: «Думаю к Мекке ехать. И ныне у тебя прошая на харч

29 КПК–14: 156.

30 КПК–13: 272.

31 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 389 об. Набор текста данного послания осуществлен А.В. Беляковым. Это послание примечательно описанием процедуры подобных сделок. Представитель ханике вез пленных, и у него была кабала, в которой была зафиксирована цена. Соответственно возмещение должно было быть произведено по этому документу.

32 КПК–13: 273.

на дорогу тысячи рублей»³³. Часто главным адресатом письма был отнюдь не Иван, а его молодая жена Мария Темрюковна. Приведем послание полностью:

От Шафатма-салтан царицы слово великого князя жене сестре нашей многом многом поклон молвя так ведомо буди. Которые сюда приезжают люди от тех слышав твое здорове обвеселилис есмя. А наперед сего которые люди сюда приезжали и мы от тех про тебя вести не слыхали, а которые люди к нам приезжали и тебе было о чем с ними к нам про себя неизвестити, а ныне про твое здорове отведати гонца холопа своего Ащибаша-Фруха послала есми. Да послала есми х тебе перстен с алмазом и ты б не помолвила приняла б с любовью даи боже и в перед которые люди станут приезжати про твое бы здорове нам от них ведати. Писана лета 961-го генваря месяца³⁴.

Отвечал ли крымскими и ногайским знатным дамам царь Иван IV? Да, но не всегда. Например, в посольской книге по связям с Крымским ханством за 1571–1577 гг. ответных посланий женщинам ханской семье не зафиксировано³⁵, а вот в книге за 1567–1572 г. мы находим 6 грамот³⁶. Фиксируются ответные послания и в других посольских книгах, но их всегда меньше³⁷. Чем объясняется такая неаккуратность? Тем ли, что ответов и не было, или чем-то другим? Существенно, что в этих документах встречается следующая канцелярская помета, кратко аннотировавшая те послания, ко-

33 **РГАДА**. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 390 об. Набор текста данного послания осуществлен А.В. Беляковым.

34 **РГАДА**. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 362 об.-363. Об этом же перстне писала и Хансюер. См.: **РГАДА**. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 363-364.

35 **Малов**. 2016а: 11-18.

36 **Малов**. 2016б: 16.

37 Например, в книге № 15 за 1577–1578 г. на 4 послания Ана-биим-ханике зафиксировано только 2 ответных: **РГАДА**. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 289 об.-291об., 479-483 об.

торые не были скопированы в книгу³⁸. Поэтому следует быть осмотрительным при реконструкции первоначального объема дипломатической корреспонденции. Можем ли мы полагать, что необязательность ответных посланий женщинам была связана с их местом в общей иерархии адресатов? Может быть, но стоит обратить внимание на то, что женские письма шли сразу после грамот хана, его наследника-калги и султана наиболее близкого к наследнику. Скорее всего, это объясняется тем, что дискурс политики изначально не был расположен прислушиваться к женским голосам. Только экстраординарные причины могли вынудить мужчин не только слушать, но и услышать голоса из гарема, и уж тем более ответить им. Именно этими соображениями было навеяно письмо Ивана IV вдове Девлет-Гирея Ана-биим-царице. Стремясь решить затянувшийся спор о судьбе завоеванных в молодости татарских юртов, он писал:

...и ты б великого царя Ана-биим царица, о добре радеючи, как почала еси о добре радети, детей своих, брата нашего, Магмет-Кирея царя, и калгу Адыл-Гирея царевича уговорила, чтоб брат наш, Магмет-Кирей царь, прошение о Асторохани оставил, а с нами доброе дело совершил, что меж нас почалося доброе дело³⁹.

Завершая наш обзор, стоит прояснить вопрос: кому же принадлежали эти голоса. Увы, зачастую мы не знаем, что это за женщины, чьи они дочери, чем занимались, нередко мы не знаем и их имен. По счастью, нам известно, что «Ана-биим-царица» Девлет-Гирея — это Аише-салтан. Известно, что она переписывалась не только с русским царем, но и

38 Например: «А к Перхан, царице, да к Ширван, царице, да х калгине, царевичеве, к Хантугаи, царице, посланы от государя грамоты з Богданом Шапкиным таковы ж, какова послана к Ханикее, царице». См.: КПК-13: 299.

39 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 481об.-482. Набор текста данного послания осуществлен А.В. Беляковым.

«епископами и панами польскими» и королем Сигизмундом Августом⁴⁰. Хан-Сюер, четвертая жена Девлет-Гирея, была дочерью кабардинского князя Алхаса Джамуразовича и тоже переписывалась с сановниками Речи Посполитой и польским королем Сигизмундом Августом⁴¹.

Итак, суммируем основные наблюдения за перепиской Москвы с крымскими и ногайскими знатными дамами. Сам факт переписки женщин татарских государств с царем Иваном — реликт золотоордынских времен. Постепенно фиксация этой переписки в посольских книгах сходилась на нет, и лишь факт родства Ивана IV через жен с крымским ханом и ногайским бием привел к актуализации этой переписки в практике делопроизводства. Содержание послания сосредоточено вокруг двух тем: умиротворения враждующих мужчин и имущественных вопросов.

На всех направлениях посольской переписки времени правления Ивана Грозного можно обнаружить одну и ту же черту, воплотившую общую тенденцию эпохи. Женские дискурсы в межгосударственной политике вытеснялись и маргинализировались, превращаясь в одних случаях во вспомогательный инструмент мужских властных отношений, в других — в подавленный и вытесняемый на периферию язык неоправданных амбиций. Вновь появляется в посольском деле гендерный риторический ресурс, позволяющий при помощи уподобления женщине осмеять дипломатического противника, унижить его и вывести из равноправного («братского») статуса. Недопустимость женоподобия отразится в обсуждении наследования царевичем Федором поль-

40 КПК-14. С. 326-327, прим. 104. Комментарий написан И.В. Зайцевым и А. В. Виноградовым.

41 КПК-14. С. 296, прим. 8. Комментарий написан А.В. Виноградовым и В.Н. Сокуровым.

ского и литовского престолов, недопустимость власти женщины проявится в уверенности Ивана Грозного, что «пошлая девица» не может править сама на троне: если это не делает за нее царственный муж, то правят все равно мужчины, но низкостатусные («мужики торговые»). Роль женщины сохранялась только в вопросах молитвенного заступничества (в равной мере в отношениях с Римом и Константинополем). Анонимность женщины в отношениях Москвы с Крымом и Ногаями помогала дольше, чем на европейском направлении, сохранять унаследованный от золотоордынской поры язык гендерного равноправия в дипломатическом контексте и женского авторитета, однако этот язык претерпевал эрозию и, по крайней мере, из наиболее официального пласта посольской документации к концу 1570-х годов был почти полностью «вычищен».

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

РГАДА. Ф. 52 (Сношения России с Грецией). Оп. 1. Кн. 1.

РГАДА. Ф. 96 (Сношения России с Швецией). Оп. 1. Кн. 3.

РГАДА. Ф. 123(Сношения с Крымом). Оп. 1. Кн. 10, 15.

РНБ. Собр. М.П. Погодина № 1567.

КПК-13. 2016 – Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / отв. редактор М. В. Моисеев; под. текста А. В. Малов, О. С. Смирнова; статьи, коммент. А. В. Виноградов, И. В. Зайцев, А. В. Малов, М. В. Моисеев. М., 2016.

КПК-14. 2016 – Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг./ отв. ред. И. В. Зайцев; подгот. текста А. В. Малов, О. С. Смирнова, Г. А. Тарасова; статьи, коммент. А. В. Виноградов, И. В. Зайцев, О. С. Смирнова, В. Н. Сокуров; Приложения — А. М. Галенко, И. А. Мустакимов. М., 2016

ОЦА – Описи Царского архива и архива Посольского приказа 1614 г./ Отв. Ред. С. О. Шмидт. Москва, 1960

Первые. 1875 – Первые срок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. Грамоты собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. СПб., 1875.

ПИГ. 1951. – Послания Ивана Грозного / подгот. текста Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье. М.; Л., 1951.

ПИГАК. 1993. – Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Репринтное воспроизведение издания 1979 г. / подг. текста Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. М., 1993 (Андрей Курбский — Ивану IV. Полоцк, 15 сентября 1579 г.).

The National Archives (London). Public Record Office. SP 102/49/1, 2. F. 1

ЛИТЕРАТУРА

Бачинский. 2011 – Бачинский А.А. Дипломатические послания Ивана Грозного как публицистический текст. Дис.... канд. филол. наук. М., 2013.

Беляков, Моисеев. 2004 – Беляков А. В., Моисеев М. В. Сююбике: из ногайских степей в касимовские царицы// Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Сборник научных трудов. Т. 5. Отв. ред. Б. В. Горбунов. Рязань, 2004. С. 32-44

Бережков. 1897 – Бережков М. Н. Нур–Салтан, царица крымская // ИТУАК. 1897. № 27. С. 1-17

Богатырев. 2004 – Богатырев С.Н. Грозный царь или грозное время? Психологический образ Ивана Грозного в историографии // История и историки. 2004. № 1. С. 62-82

Григорьев, Григорьев. 2002 – Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб., 2002.

Ерусалимский. 2009 – Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. М., 2009. Т. 2.

Каравашкин. 2011 – Каравашкин А.В. Литературный обычай Древней Руси: (XI–XVI вв.). М., 2011.

Курукин, Булычев. 2010 – Курукин И., Булычев А. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010.

Малов. 2016а – Малов А. В. Четырнадцатая крымская посольская книга в делопроизводстве Посольского приказа: состав, структура, формирование // КПК–14. С. 9-30.

Малов. 2016б – Малов А. В. Тринадцатая крымская посольская книга в делопроизводстве Посольского приказа: состав, структура, формирование // КПК–13. С. 4-29.

Морозов, Морозова. 2005 – Морозов Б.Н., Морозова Л.Е. Иван Грозный и его жены. М., 2005

Некрасов. 2000 – Некрасов А. М. Женщины ханского дома Гиреев в XV–XVI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М, 2000. С. 213-221.

Почекаев, Почекаева. 2012 – Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII — XIX вв. СПб., 2012.

Сокуров. 2011 – Сокуров В. Н. Формирование прорусской ориентации в Кабарде 1552–1560 гг. // История народов России в исследованиях и документах. Выпуск 5. Материалы научно-практической конференции «Россия на Кавказе: три века политической истории», посвященной 260-летию установления российско-осетинских отношений. Москва, 24 ноября 2009 г. М, 2011. С. 115-141.

Столярова, Белоусов. 2012 – Столярова Л.В., Белоусов П.В. Материалы углического Следственного дела о гибели царевича Дмитрия в 1591 г.: новый опыт исторической реконструкции // Люди и тексты. Исторический альманах. 2012. М., 2012. С. 171-243.

Хорошкевич. 2003 – Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.

Шокарев 2006 – Шокарев С.Ю. Секс в жизни Ивана Грозного // Секс и мы. 2006. Лето. С. 14-21

Kollmann. 1987 – Kollmann N.Sh. Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547. Stanford, California, 1987

Long. 1982 – Long J.W. Rec. ad op.: Carr Fr. Ivan the Terrible. Totowa, N.J., 1981. 220 p. // The History Teacher. 1982. Vol. 15. № 3. P. 440-441.

Martin. 2012 – Martin R.E. A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia. DeKalb, Illinois, 2012.

Список сокращений

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РНБ – Российская национальная библиотека

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии.

Л.Б. Сукина

«МАЛО БО ПОДОБАЕТ ДЕВАМ ГЛАГОЛАТИ»: ФЕНОМЕН ЖЕНСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XVII ВЕКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская культура раннего Нового времени, социум, женщина, самостоятельное высказывание

АННОТАЦИЯ: в статье рассматривается проблема женского высказывания в эпоху, когда женской добродетелью в России все еще традиционно считалось молчание. На основе письменных и визуальных источников исследуются формы и специфика женских высказываний и суждений в ситуациях, когда женщина могла или была вынуждена говорить от своего имени и своим голосом. Следуя за источниками, отдельно изучаются случаи самостоятельных высказываний «дев», «жен» и «честных вдов». В силу социокультурных особенностей эпохи «бросать глаголы» во внешнюю среду имели возможность только те из них, кто принадлежал к высшим социальным слоям — представительницы аристократии, монашества и привилегированного купечества. Сферами, в которых они позволяли себе иметь собственные суждения, были семья и религия.

В России XVII в., в эпоху перехода от средневековья к Новому времени, когда женской добродетелью все еще считалось молчание, к возможности женщин говорить от своего имени, и тем более своим голосом, социум относился в целом негативно. Но дошедшие до нас письменные и визуальные свидетельства содержат информацию о том, что бывали обстоятельства, когда женщине так или иначе позволялось высказаться, или она сама себе это позволяла. В век реформ и бунтов, в меняющихся социокультурных условиях женщины

Сукина Людмила Борисовна, д.и.н., доцент, Институт программных систем РАН, профессор кафедры подготовки кадров высшей квалификации, Московский государственный педагогический университет (Сергиево-Посадский филиал), lbsukina@gmail.com

уже не могли или не хотели просто следовать традиции, они становились все более активными в выражении своих мыслей и чувств. Своеобразным водоразделом стала церковная реформа, охватившая все слои населения, независимо от пола и возраста, когда многие совершали не только групповой, но и индивидуальный выбор, который нуждался в артикуляции.

Мир русской женщины допетровского времени в наши дни является одним из значимых объектов историко-культурных исследований и рассматривается в различных аспектах¹. Но интересующая нас проблема в профессиональном историческом знании практически не ставилась профессиональными историками. Ее исследование может пролить свет на малоизвестный феномен социокультурной действительности русского XVII века. В данной работе рассматриваются случаи, формы и специфика женских высказываний, зафиксированных в письменных и изобразительных источниках того времени.

Сохранившиеся высказывания принадлежат, как правило, представительницам высших слоев общества: женщинам из царской семьи, боярыням, супругам гостей и служилой верхушки. Они немногочисленны и носят спорадический характер, но все же, анализируя их, предварительно можно выделить две сферы, где женщина осмеливалась «говорить» — это семейные отношения и благочестие.

Сразу же отметим, что мы оставляем в стороне большую часть эпистолярных источников, так как письма представительниц царствующего дома, аристократок, купчих, в большинстве своем, составлены в соответствии с этикетным шаблоном эпохи, малоинформативны и не содержат того, что мы могли бы назвать самостоятельным, по-настоящему

1 Пушкарева.1989; 1996; Бошковска. 2014.

осмысленным высказыванием или суждением. То есть они не обладают «интеллектуальным» и окрашенным индивидуальными эмоциями содержанием, представляющим собой результат мыслительного акта, выражающий отношение «говорящего» к тому, что он «произносит»². То же самое можно отнести и к исповедным росписям, фиксировавшим артикулированные эмоции и переживания особ женского пола, надеявшихся получить отпущение грехов, а не поделиться собственным мнением.

Надо сказать, что и в раннее Новое время отношение к человеческому высказыванию в русской культуре было в целом настороженным. Крупнейший духовный писатель Московского государства второй половины XVII в. Симеон Полоцкий в стихотворении «Язык» в «Вертограде многоцветном» поучает своего читателя:

Малая часть телесе языкъ человека,
но не виде злейшия никтоже от века,
Ибо аще малое слово испущаетъ,
хулно или клеветно, многи убиваетъ³.

Но особую опасность таили женские речи. В «Беседе отца с сыном о женской злобе» («Сказание и беседа премудра и чадолюбива отца, предание и поучение к сыну, снискателна от различных писаний богомудрыхъ отецъ и премудрого Соломона и Исуса Сирахова и от многихъ философ и искусных мужей о женстей злобе») мудрый и опытный родитель наставляя свое чадо, сразу же обращается к примеру Евы, которая своими словами «прельстила» Адама преступить божий завет и ввергла все человечество в пучину первородного греха: «Единою бо поучи Евва Адама и всему миру

2 Новоселов. 2009: 943.

3 Памятники литературы Древней Руси. 1994: 157.

клятву наведе»⁴. За это Бог лишил женщин самовластия, в том числе в мыслях и словах: «...да не вопреки глаголют мужу своему»⁵. Далее, перечисляя все женские злобы и пороки, среди самых опасных из них отец называет женское злоязычие:

Слыши, сыне мой, про сварливую и злоязычную: имеет язык, яко бритву изошренну, на всякого человека наскочет, аки лев, всех злословит и укоряет, и осуждает, и на всех яд своего языка испуцаеть⁶.

По мысли умудренного в святом писании и практической жизни родителя, женщин, высказывающих самостоятельные мнения и суждения, следует страшиться и избегать, ибо они несут беду и несчастья не только себе самим, но и всему своему семейству. Даже ласковые и ободряющие женские слова вредят мужчине, так как могут спровоцировать его на неправильные поступки.

В идеале и на людях, и в своем доме женщина должна молчать, ее удел — тихое участие в рождении и вскармливании потомства. В этой нравоучительной «Беседе», составленной на основе активно использовавшихся в русской книжности средневековья и раннего Нового времени фрагментов Священного писания, Патериков, учительных сборников, таких как «Изборник 1073 г.», «Азбуковник», «Физиолог», отрывков из «Александрии», и сопровождаемых авторскими комментариями, в концентрированном виде зафиксированы распространенные в социуме XVII в. представления о «добрых и злых женах». Об этом, в частности, свидетельствует установленная исследователями широкая популярность «Беседы» у читателей-современников (выявлено

4 Памятники литературы Древней Руси. 1988: 487.

5 Памятники литературы Древней Руси. 1988

6 Памятники литературы Древней Руси. 1988: 490.

свыше ста ее списков в пяти редакциях и значительном количестве вариантов)⁷.

Традиционной культуре XVII в. было свойственно убеждение, что как только женщина начинала рассуждать самостоятельно, она не могла измыслить ничего, кроме зла. У составителей предисловий русских рукописных синодиков была популярна притча «Горе тем человеком, зле живущим, а о себе и о душах своих не радящим». Одним из ее главных персонажей является жена неправедного богача Иона, которая после смерти мужа смогла с помощью приведенных в ее речи доводов уговорить своих детей передать ей право распоряжаться судьбой всей семьи. В результате все накопленные богатства были промотаны ею вместе с новым мужем, а дети остались нищими и были вынуждены просить милостыню и «по работам маяться». Вот к чему привела предоставленная этой женщине возможность огласить свои собственные суждения. Содержание этой притчи, по сути, представляет собой еще один сюжетный мотив библейского сказания о Еве и о том, что может получиться, если волею обстоятельств женщина на какое-то время становится «самовластной», в том числе и в своих речах.

В ту эпоху, о которой идет речь в данной статье, подразумевалось, что любая женщина, независимо от социальной принадлежности и положения, могла в течение жизни пребывать в различных состояниях: «дева», «жена», вдова, инокиня. Каждое из них имело свои социальные особенности, в том числе границы дозволенного в суждениях.

Наиболее скованы в своих возможностях были «девы», главным украшением которых считалась молчаливая скромность. Симеон Полоцкий в своем «Вертограде много-

7 Титова. 1987.

цветном» в описании образцового поведения незамужней представительницы прекрасного пола отмечает, что особого благонравия таковая достигает:

Паки, аще языкъ си держить за зубами,
а не расширяеть ся тщетными словами;
Мало бо подобають дѣвамъ глаголати,
много же къ чистымъ словомъ уши приклоняти⁸.

Протопоп Аввакум в толковании на псалом «Приведутся Царю девы во след ея...» указывает, что речь в нем идет о введении в церковь Пресвятой Богородицы «на веселие и радость всему миру»⁹. А идущие вослед ей девы «также до конца века не премолкнут, последующее Ей, девственно и безжизненно житие живущии...»¹⁰. В данном контексте «непремолкание» дев следует понимать как прославление Богородицы через подражание ее нравственному идеалу и служение Церкви, «в монастырех и в мире живуще»¹¹. Только такой способ «высказывания» благонравных дев, с точки зрения Аввакума, был приемлем и должен приветствоваться.

Поэтому «девы» в XVII в. «глаголили» лишь тогда, когда того требовал их статус и позволял имевшийся у них «властный капитал». Самым известным, но при этом и уникальным примером является царевна Софья Алексеевна (1657–1704), бывшая правительницей–регентшей при малолетних братьях-царях и уже потому имевшая широчайшие возможности высказываться по самым важным поводам¹². Присутствуя на диспуте церковных иерархов с расколоучителем Никитой Пустосвятом, Софья сама приняла активное участие в дис-

8 Памятники литературы Древней Руси. 1994: 72.

9 Пустозерская проза. 1989: 111.

10 Пустозерская проза. 1989

11 Пустозерская проза. 1989

12 Лавров. 1999.

куссии, выступив в защиту реформаторских идей своего отца Алексея Михайловича и патриарха Никона. Для победы в том споре ей не хватило выдержки, ораторского опыта, да и ее богословские знания явно уступали «интеллектуальному багажу» противников, но тот факт, что одна из самых ярких полемических речей со стороны защитников новой веры на этом диспуте была произнесена «девой», сам по себе примечателен.

В двух стихотворных сочинениях 1685 г. придворного поэта и оратора Сильвестра Медведева прославляются, в числе прочих, и три важных, с точки зрения их автора, таланта царевны духовно-интеллектуального свойства. Первый из них — умение слышать и исполнять «волю Господню»:

Но ты, велия и славна царевна, // премудра София Алексеевна, // его, воскресша, зело слушаеши // и волю его усердно твориши¹³.

Восхваление этого качества царевны было определено тематикой стихотворения, которое является поздравлением Софье Алексеевне по случаю Пасхи. Еще два дара — красноречие и мудрые поступки. В «Привилее», посвященном проекту основания в Москве высшего учебного заведения («академии»), обращаясь к царевне Софье, С. Медведев отмечает: «По имени ти жизнь твою ведеши, // дивная рчеши, мудрая дееши»¹⁴. Эти способности правительницы поэт связывает с особым покровительством Троицы, обусловленным тем, что Софья была названа в честь Премудрости Божией. Способности, возможности и права царевны мыслить, говорить и действовать «самовластно» Медведев объясняет ее богоизбранностью в качестве главы правительства России¹⁵.

13 Памятники литературы Древней Руси. 1994: 221.

14 Памятники литературы Древней Руси. 1994: 238.

15 Памятники литературы Древней Руси. 1994: 239.

Панегирик Сильвестра Медведева показывает, что и современниками жизненная ситуация «девы-правительницы» Софьи Алексеевны оценивалась как совершенно исключительная, в то время как жизнь всех остальных русских «дев» этой эпохи складывалась вполне традиционно. Большинство из них обретали право собственного голоса, только став «Христовой невестой», и сохранив в зрелом возрасте девство в миру либо в иночестве. В данном случае, если воспользоваться цитированными выше суждениями протопопа Аввакума, они следовали примеру Богородицы и вторили ее словам и поступкам. Такая судьба была уготована многим царевнам дома Романовых и девушкам из знатных и дворянских семей.

Среди царевен правом говорить от своего имени и имени всей семьи обладала Татьяна Михайловна (1636–1706) — младшая дочь царя Михаила Федоровича от его брака с Евдокией Лукьяновной Стрешневой. После смерти родителей и старших сестер Ирины и Анны именно к ней перешло старшинство в семейном клане. Она сыграла некоторую роль в реформах и нововведениях своего брата, царя Алексея Михайловича, а также племянников Федора Алексеевича и Софьи Алексеевны. Была сторонницей церковной реформы патриарха Никона и сочувствовала ему во время его опалы¹⁶.

Несмотря на довольно активную политическую позицию, царевна большую часть своего времени посвящала посещению монастырей и церквей, постам и молитвам. Недаром Сильвестр Медведев в стихотворном поздравлении Татьяне Михайловне по случаю именин подчеркивал, что она

16 РБС. 1912: 362.

«любовию к Христу знаменита» и среди ее личностных качеств выделял терпение и милосердие¹⁷.

В отличие от своей племянницы Софьи царевна Татьяна не занимала официальных государственных постов и не имела возможности выступать со своими суждениями публично, обращаясь к народу или хотя бы к царскому двору. Но существовали и другие способы высказывания, которые позволяли ей довести собственные размышления и взгляды до окружающих.

Татьяна Михайловна покровительствовала основанному патриархом Никоном Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю, и одним из самых ярких проявлений ее личности было участие царевны в создании в конце 1650-х гг. монастырского синодика, по преданию писанного и украшенного ею собственноручно¹⁸. Обычно синодики вкладывались в монастыри и храмы в целях поминания собственной семьи и людей из ближайшего окружения.

Для нас наибольший интерес представляет редкая по своему сюжету миниатюра, иллюстрирующая помянник великих князей и царей. На ней изображено родословное древо русского государства. На его макушке — родоначальник династии православных правителей Руси Владимир Святой в царском венце. По левую сторону кроны древа — 11, по правую — 9 князей. Великие князья киевские, владимирские и московские — в парадных русских одеждах, правители Руси, принявшие перед кончиной монашеский постриг — в схимах, цари Михаил Федорович, Алексей Михайлович и Федор Алексеевич — в царских облачениях и головных уборах. Вероятно, миниатюра была вшита в синодик в связи с восше-

17 Памятники литературы Древней Руси. 1994: 216-217.

18 СВММ.

ствием на престол царя Федора Алексеевича, то есть не ранее 1676 года. Ее заказчица, а может быть и автор, таким образом стремилась еще раз подчеркнуть законную преемственность власти рода Романовых, его генеалогическую связь с правителями предыдущей династии. Как старшая в роду, Татьяна Михайловна обращалась к небесам за покровительством для своей семьи, которая в связи со слабым здоровьем и бездетностью действующего монарха оказалась на пороге нового династического кризиса. Царевна также надеялась на примирение своего царствующего племянника с бывшим патриархом Никоном и даже сумела добиться того, что Федор Алексеевич отправил Никону утешительное письмо, но вернуть опального владыку в Москву ей не удалось.

При правительнице Софье Алексеевне авторитет Татьяны Михайловны как старшей в роду был чрезвычайно высок. На официальных выходах и церемониях царской семьи она занимала место выше вдовых цариц Натальи Кирилловны Нарышкиной и Марфы Матвеевны Апраксиной. В условиях двоецарствия Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича, сопровождавшегося придворной борьбой кланов Милославских и Нарышкиных, она была на стороне Милославских.

В 1688 г. на закате регентства Софьи во время росписи передней деревянной комнаты в покоях Татьяны Михайловны царские иконописцы изобразили притчу о Мелхиседеке¹⁹. В ней рассказывалось о чудесном рождении у бесплодной пожилой супруги Ноева брата Нира младенца, которому было уготовано спастись в Эдеме и стать новым пророком и праотцом после гибели в распрях и смутах его несправедного племени. Почему более всех в царской семье сведущая в вопросах религии и искусства 52-летняя царевна выбрала для

19 Забелин. 2000: 191.

украшения своего «приемного зала» такой редкий для русской живописи XVII в. сюжет ветхозаветного апокрифа, мы можем только догадываться. Возможно, он имел какое-то отношение к ее собственным размышлениям о прошлом и будущем государства и семьи. Ведь бабкой царевны была царица-старица Марфа, дедом — патриарх Филарет, а отец Татьяны Михайловны «чудесно» спасся во время Смуты и стал основателем новой царской династии, от лица которой страной теперь управляли ее внучатые племянники. Не исключено, что царевна Татьяна хотела напомнить всем, проходящим к ней, что ее род получил царскую власть благодаря особому избранничеству, божьему покровительству и будет сохранять ее, несмотря на временные внутренние неурядицы.

Еще одной «девой» из близкого окружения царя Алексея Михайловича, имевшей возможность высказываться по церковным делам, была занимавшая в 1660-х — 1670-х гг. пост игуменьи кремлевского Вознесенского монастыря инокиня Маремьяна (в миру — дочь помещика Болховского уезда Видулы Васильевича Пальчикова)²⁰. Сохранилась ее челобитная к царю, в которой она возлагает на государя ответственность за то, что в ее обители священники и клирошанки вынуждены на службах читать и петь по старым, неуправленным книгам:

По твоему, великого государя, указу и по соборному уложению, указал ты, великий государь, везде по монастырям и по приходским церквам, по новому соборному уложению, в церквах по книгам петь и честь, по новому соборному уложению, на речь. И мы, нищие твои царские богомольцы, по книгам говорили по старому, а пели обедни и всякое пение по новому, а книг, государь. Твоего царского жалованья к нам новых в Вознесенский деви-

²⁰ Зинченко. 1885: 45-130.

чий монастырь в прежние годы не пресыловано. А в нынешнем, государь, во 174 (1666) году, по твоему, великого государя, указу присланы к нам в монастырь книги по новому твоему, великого государя, соборному уложению к священницам, и те, государь, священницы и крылошанки по книгам по старым и по новым говорят; а заповеди и заказу от тебя, великий государь, к нам в девичий Вознесенский монастырь об этом не бывало, что по старым книгам не говорить²¹.

Вероятно, такая смелость в высказываниях игуменьи Маремьяны объясняется ее высоким положением настоятельницы Вознесенского монастыря, служившего усыпальницей великих княгинь и цариц, а также ее связями с царицей Марией Ильиничной Милославской, тетками и сестрами государя, часто посещавшими эту обитель и покровительствовавшими ей.

Так же, как и царевна Татьяна Михайловна, Маремьяна Пальчикова была для своего времени и социального круга хорошо образована. Двадцать лет спустя, в конце своей жизни, уже будучи на менее хлопотном, но и менее почетном месте настоятельницы Калужского Новодевичьего монастыря, она сама составит и украсит миниатюрами синодик, предназначенный для вклада в эту обитель²². Обе эти «девы», оказавшись в эпицентре событий, связанных с церковной реформой Никона, участвовали в них, либо активно и деятельно, либо вынужденно в силу «служебных» обязанностей. Оставшись старшими в своем роду, они приняли на себя долг заботы о душах умерших и живущих родственников. «Голоса» царевны и игуменьи обрели форму душеспасительной и поминальной молитвы и зазвучали на страницах «писанных» ими синодиков.

21 Каптерев. 1909: 507-508.

22 СКНМ.

Положение замужней женщины в отношении свободы высказывания не давало никаких преимуществ. Наоборот, отношение к ней в культуре было в целом подозрительным. В популярной нравоучительной притче «О трех друзьях» из «Повести о Варлааме и Иоасафе» жена представлена как один из «неправедных» друзей человека, провоцирующий его на неблагоприятные поступки, идущие во вред его душе, лишаящейся вечного блаженства. После смерти мужа жена быстро забывает о нем и пренебрегает его церковным поминовением²³. Симеон Полоцкий в стихотворении «Женитва» из «Вертограда многоцветного» утверждал, что брак с женщиной несет мужчине одни беды, так как жена говорит и делает только то, что способствует удовлетворению ее прихотей и низменного тщеславия²⁴.

Замужняя женщина на старшинство в роде претендовать не могла. Ее супруг всегда оказывался впереди нее. В идеале, жена всегда должна была вторить своему супругу, придерживаясь его мнений и взглядов. Если же муж предоставлял жене равное с ним положение и право голоса, то погибнет как восточный царь Нин из стихотворения Симеона Полоцкого «Жена», который не только сделал свою жену Семирамиду полновластной царицей, но и повелел: «...да всякъ Семирамиды гласа послушаетъ»²⁵.

Но и эту традиционную ситуацию серьезно изменила церковная реформа середины XVII века, породившая религиозный раскол социума. Вера оказалась слишком интимным, внутренним делом, которое касалось не только всего общества в целом, социальной группы или семьи, но и каждого

23 Древнерусская притча. М., 1991. С. 46-47.

24 Памятники литературы Древней Руси. 1994: 79-81.

25 Памятники литературы Древней Руси. 1994: 77.

человека индивидуально. Случалось, что при этом супруги осуществляли противоположный выбор. В семьях высокопоставленных женщине в таком случае приходилось объяснять свою позицию, а иногда она осмеливалась и проповедовать свои взгляды.

Самым известным примером религиозного самоопределения замужней женщины является «раскол» княжеской семьи Урусовых, в которой ее глава — Петр Семенович Урусов, кравчий и воевода, приходившийся троюродным братом царю Алексею Михайловичу, принял никоновскую реформу, а его супруга — Евдокия Прокопьевна, урожденная Соковнина (ок. 1635–1675), так же как и ее сестра, боярыня Федосья Прокопьевна Морозова, стала старообрядкой. Разлученная с семьей и заточенная в московский Алексеевский монастырь княгиня Урусова не имела другого способа общаться со своими горячо любимыми детьми кроме как с помощью писем. Тринадцать из них, датируемых 1672 г., были обнаружены в 1916 г. в документах петровского Преображенского приказа²⁶ и с тех пор неоднократно публиковались.

Все они, кроме одного, обращенного к неизвестному лицу, адресованы двум дочерям Евдокии и Анастасии и сыну Василию. Уже в силу юных лет адресатов мать не докучала им рассуждениями на религиозные темы, лишь наставляла, что нужно верить «по-старому» во Христа, сторониться грехов, да «честь» слово Божие, «Кирилу Еросалимского, и Ефрема, и Поколеписис, и о вере Книгу; тут познаете сами все»²⁷. В основном же письма Урусовой передают ее личные горестные переживания, вызванные предчувствием скорой смерти, тоской по детям, беспокойством об их судьбе, обидой на му-

26 **Высоцкий.** 1916: 14-48.

27 **Повесть о боярыне Морозовой.** 1991: 97.

жа, который предал ее и развелся с ней. По ним может создаться впечатление, что Евдокия Урусова всего лишь жертва обстоятельств, в силу душевной чистоты, искренности, усвоенных еще в родительском доме твердых религиозных убеждений и наивности сделавшая роковой выбор, погубивший ее жизнь.

Но в письме к неизвестному взрослому другу она указывает, что послала ему «четыре памятки» (три для него и одну для некой «Агафьюшки»), вероятно содержащие какую-то информацию, в том числе, касающуюся их общих духовных интересов, Урусова отдает особое распоряжение — после прочтения эти письменные «памятки»–наказы уничтожить («издери»), ибо их «страшно держать»²⁸. Письмо к этому человеку состоит из намеков, понятных только им двоим. Это своего рода тайнопись, ключи к которой содержатся лишь в воспоминаниях и размышлениях ее адресата. По этому коротенькому письму становится понятно, что княгиня вполне сознательно встала на сторону старой веры и из своего заточения, не переставая переживать о потере возможности физического контроля над собственной семьей, продолжала укреплять дух близких ей людей. Волнует ее и то, что она не может с близким человеком обсудить свои собственные проблемы, видимо духовного свойства: «Прости же мой свет любезный, много было говорить, да негде тебя взять»²⁹.

Протопоп Аввакум в своем «О трех исповедницах слове плачевном» утверждал, что в своих письмах к нему Евдокия Прокопьевна «печалилась» о том, чтобы дети ее, если им придется умереть, скончались в истинном православии³⁰.

28 Повесть о боярыне Морозовой. 1991: 112.

29 Повесть о боярыне Морозовой. 1991: 111.

30 Повесть о боярыне Морозовой. 1991: 72.

В уже цитированном выше письме к неизвестному человеку княгиня просила, чтобы некая Ивановна почаще посещала ее детей, следила за тем, что они говорят, и сообщала об этом ей. В равной степени Урусову беспокоило и то, что дети думают о ней, помнят ли ее, и как они рассуждают обо всем происходящем³¹.

Возможность громко заявить о своих религиозных взглядах Евдокия Урусова получила во время суда над ней, боярыней Федосьей Морозовой и стрельчихой Марией Даниловой на церковном соборе. Любопытна при этом характеристика, данная протопопом Аввакумом способностям к публичному выступлению княгини Урусовой и ее соузницы — жены стрелецкого полковника Марии Герасимовны Даниловой, которые не ступали перед никонианским духовенством: «...и Евдокея и Мария, не яко жены, но яко мужие, обличаше безбожного иудеянина»³². Женщин пытали, ломали им руки. Мария Данилова «по хребту биена бысть немилостиво». Но, когда испытывавшим их ларионом Ивановым снова был задан вопрос, веруют ли они во Христа распятого, и как слагают персты, то они, по сообщению Аввакума, единогласно заявили:

За отеческое готовы умерети! Аще и умрем, не предадим благоверия! Отыята буди рука наша — да вечно ликовствует, тако же и нога — да в царствии веселится, еще же и глава — да венцы вечными увяжемся. Аще и все тело огню предашь — и мы хлеб сладок Святей трицы испечемся³³.

Такая твердость в поступках и речах была в те времена несвойственна и мужчинам. Многие из них, устранившись от пыток, ссылки и казни, изменили своим убеждениям и пошли

31 Повесть о боярыне Морозовой. 1991: 111.

32 Повесть о боярыне Морозовой. 1991: 72.

33 Повесть о боярыне Морозовой. 1991: 72-73.

на сделку с реформаторами веры. Но среди тех, кто остался верен старине, женские голоса звучали достаточно громко.

В условиях средневековья и раннего Нового времени женщины нередко оставались вдовами, теряя мужей на полях сражений, во время многочисленных и частых эпидемий и в других сходных ситуациях. В идеале в дальнейшем жизнь «честной вдовы», если она вновь не выходила замуж и не постригалась в монастырь, должна была уподобляться монашеству в миру. Симеон Полоцкий в «Вертограде многоцветном» поучал женщин, находящихся во вдовстве:

*Трезво, смиренно буди тебе жити,
аще хочещи въ чистоте пребыти.
Блуднаго весма опасися ока,
да кроме всяка живещи порока.
Молитва тебе выну подобаает
и дело благо, еже рука знает.
Жилище твое яко церковь буди,
мало да видят по стогнам тя люди;
Честныя вдовы тя да окружають,
девы чисты ятя да работают,
Да гнило слово от них не слышится,
но «слава Богу» всеми да гласится.
Тако в целости вдовство сохраниши,
за чистоту мзду въ небе получиши.
И у человекъ добре прослывещи,
правая вдова реченна будещи»³⁴.*

Только так вдовы, которым нередко доставалось наследство их мужей, могли избежать соблазнов и не стать жертвой авантюристов — искателей чужих богатств. Вдов обычно опекали родственники, как со стороны их родителей, так и со стороны умершего мужа. Но все же овдовевшие женщины получали возможность действовать отчасти самостоятельно и говорить от своего имени, высказывать собственное мнение

34 Памятники литературы Древней Руси. 1994: 64.

по поводу своей дальнейшей судьбы и унаследованного имущества. Но большинство из них не оставили нам своих рассуждений, продолжая соблюдать традицию молчания и покаясь воле отца, братьев или свекра и деверей.

Наиболее самостоятельными среди русских женщин XVII в. были вдовы, имевшие детей. Еще в домонгольской Руси сложился порядок, по которому такие женщины после смерти супруга получали право распоряжаться всем семейным имуществом до совершеннолетия сыновей или замужества дочерей, заключать от их имени сделки и продолжать вести хозяйственную деятельность³⁵. К примеру, по данным городских росписей XVII в., значительная часть лавок и ремесленных мастерских на городских посадах принадлежала вдовам их бывших владельцев.

Высокое происхождение и родовые связи, умственное развитие и образованность только расширяли возможности вдовы при необходимости предстать в качестве старшего члена своей семьи. Например, когда обсуждались вопросы, затрагивавшие корпоративные интересы торгово-ремесленного сообщества, или дела, связанные со строительством или ремонтом приходских храмов. При этом «честная вдова» должна была, и оставаясь во главе семейства, и занимаясь бытом, проблемами предпринимательства или управляя вотчинами и поместьями, вести фактически монашеский образ жизни, который не мог не менять ее сознания в сторону углубления религиозности. Имена эта сфера духовной жизни и подвигала вдовых женщин на собственные размышления и высказывания.

Несомненно, самой знаменитой вдовой XVII в. была Федосья Прокопьевна Морозова (Соковнина), вдова царского

35 Омельянчук. 2016: 127-133.

родственника, боярина Глеба Ивановича Морозова. Ее сын Иван унаследовал владения не только отца, но и его бездетного брата Бориса Ивановича Морозова — царского шурина и всесильного фаворита, одного из богатейших людей своего времени. Природные дарования и нрав боярыни Морозовой емко охарактеризовал ее духовный наставник протопоп Аввакум:

Прилежаша бо Федосья к книжному чтению и черплюще глубину разума от источника словес евангельских и апостольских. Бысть же жена веселообразная и любовная»³⁶.

Став честной вдовой, Морозова, как и полагалось, окружила себя нищими, юродивыми и богомолками. Постепенно ее прежнюю любовь к нарядам, роскошным выездам и придворным празднествам была вытеснена жаждой духовного подвига. В условиях церковного раскола она выбрала сторону старой веры, используя для ее защиты свой авторитет и высокое положение первой боярыни при царском дворе.

Одним из достоинств Морозовой, в глазах Аввакума, было ее природное красноречие:

*Многими дньми со мною беседующе и рассуждающе о душевном спасении. От уст бо ее аз, грешный протопоп, яко меда насыщашеся*³⁷.

Позже и сама боярыня будет рассматривать свои речи как оружие, направленное против духовных врагов. Она сама рассказывала Аввакуму о своем выступлении перед судившим ее священным собором:

В сей рубахе была, батюшко, на соборе я, и по многом прении последним запечатала: “Все-де вы еретики, власти, от первого и до последнего! Разделите между собою глаголы мои!”³⁸.

36 Повесть о боярыне Морозовой. 1991: 66.

37 Повесть о боярыне Морозовой. 1991.

38 Повесть о боярыне Морозовой. 1991: 72.

В самом известном источнике сведений о мятежной аристократке — «Повести о боярыне Морозовой», предположительно написанной ее дворецким Андреем вскоре после ее смерти, Федосья Прокофьевна много говорит. Трудно сказать, насколько приводимые автором повести речи Морозовой действительно соответствовали ее реальным высказываниям, но здесь важно, что близко знавшему ее современнику представляется необходимым показать, что героиня его повествования противостояла своим духовным противникам не только делом, но и словом. И моральная победа в этих словесных боях была на ее стороне.

В этом отношении показателен эпизод попытки увещевания арестованной боярыни Павлом митрополитом Крутицким, чудовским архимандритом Иоакимом, думным дьяком Илларионом и некими представителями духовенства в кремлевском Чудовом монастыре. Войдя в палату, где собрались увещеватели, Морозова сразу же обозначила свое к ним отношение. Она поклонилась, как подобало, только «образу Божию», «властям же мало и худо поклонение сотворя»³⁹. «Глаголати» с ними стоя боярыня не пожелала и отвечала на их реплики сидя, отвергнув все попытки принудить ее встать.

На уговоры не доводить себя и свой род до бесчестья, а владения своего сына до разорения, Морозова, по мнению ее «биографа», давала «премудрые ответы»⁴⁰. Она уверенно утверждала, что ее упорство — не следствие «прельщения» со стороны приверженных старине старцев и стариц, а выражение ее собственной веры и благочестия, ее обета Христу, и ему, а не сыну она будет служить до конца своей жизни⁴¹.

39 Повесть о боярыне Морозовой. 1991: 31.

40 Повесть о боярыне Морозовой. 1991: 32.

41 Повесть о боярыне Морозовой. 1991.

Когда увещеватели убедились в том, что не могут «препрети» (переспорить) Федосью Прокопьевну, то попытались ее запугать вопросом, причащается ли она по новым Службникам, по которым принимают причастие царь и вся царская семья. Но боярыня ответила им, как подчеркивает автор повести, «мужским сердцем», что, в отличие от царя, не хочет причащаться по «развращенным Никоном» Службникам. На недоуменный вопрос митрополита Павла, неужели она думает, что они все еретики, Морозова дала резкий и вполне определенный ответ:

Понеже он, враг божий Никон, своими ересми, аки блевотиною, наблевал, а вы ныне то сквернение его полизаете, и посему яве, яко подобнее ести ему⁴².

На возмущенные слова архимандрита Иоакими, что митрополит Павел напрасно называет боярыню «материю да еще и праведную», в то время как ее стоит звать даже не Прокопиевой, а «бесовой дочерью», Морозова «отказоваше»: «Аз беса проклинаю! По благодати Господа моего Иисуса Христа, аще и недостойна, обаче дочь Его есмь!»⁴³.

Далее автор повести отмечает: «И бысть ей прения с ними от 2-го часа ночи до десятого»⁴⁴. Потом в эту же палату привели княгиню Урусову, «и та подобне во всем мужество показа»⁴⁵. Многочасовой напряженный диалог о вере тяжело было выдержать и не уступить в нем даже умудренному в религиозных вопросах мужчине, а здесь его вели женщины, еще недавно погруженные в семейные проблемы и заботы о

42 Повесть о боярыне Морозовой. 1991: 32-33.

43 Повесть о боярыне Морозовой. 1991: 33.

44 Повесть о боярыне Морозовой. 1991.

45 Повесть о боярыне Морозовой. 1991.

своей внешности. Неизвестный повествователь пишет об этом с искренним восхищением.

Но в отличие от него духовный отец неистовых сторонниц старой веры протопоп Аввакум, высоко ценя силу «глаголов» своих сподвижниц Морозовой и Урусовой с Даниловой, которые против своей воли стали вдовами при живых мужьях, и восторгаясь их силой воли и стойкостью, считал догматические дискуссии излишними, непозволительными, да и невозможными для них. Рассказывая в письме к ним о собственных спорах со своим учеником, молодым дьяконом Федором, протопоп подчеркивает:

А у вас, светы мои, какое догматство между собою? Женский быт, одно говори: “Как в старопечатных книгах напечатано, так я держу и верую, с тем и умираю!”. Да молитву Иисову грызи, да и все тут⁴⁶.

Кажется, традиционалист Аввакум опасается, что поднаторевшие в словесной защите старой веры, тоскующие в заточении, время от времени вспоминаящие прежнее житье, свои привилегии и удобства его духовные дочери могут начать «догматствовать» и, чего доброго, «додогматствуются», как и Федор, до признания никонианской хулы старых книг резонной. В своих письмах он постоянно напоминает им о специфике женского бытия, в рамках которого «девам» подобает «мало глаголить» и много молиться, читать по памяти древние «канонцы», блюсти свою чистоту духовную и остерегаться лишних размышлений, и в этом мнении сходится со своим идейным противником, одним из ярких проповедников новой веры Симеоном Полоцким.

Надо отметить, что случай боярыни Морозовой был для своего времени исключительным. Далеко не все вдовы мог-

46 Повесть о боярыне Морозовой. 1991: 120.

ли писать, и лишь единицы получали возможность, выступая публично, говорить от своего имени. Однако высказывание могло быть оформлено в виде художественного произведения, заказчиком которого выступала женщина.

Потеряв своих мужей, знатные и богатые женщины принимали на себя не только их экономические и деловые обязательства, но и духовные заботы о поддержании храмов и монастырей, которые традиционно опекались данной семьей. Так, после смерти ярославских гостей — братьев Вонифатия и Иоанникия Скрипиных, на чьи средства в 1650 г. была построена знаменитая церковь Ильи Пророка, ктиторм храма стала вдова Вонифатия Иулита Скрипина. По ее заказу основная часть церкви была расписана в 1680–1681 гг. артелью костромского мастера Гурия Никитина с участием ярославских иконописцев.

Эти росписи, по сути, являются живописным плачем Иулиты Скрипиной о драматической судьбе одного из богатейших родов ярославских купцов. Несмотря на то, что у родителей храмоздателей Ильинской церкви Иоанна и Феодоры было шестеро детей, семья быстро угасла. Бесплодные браки и ранняя смерть наследников привели к тому, что после кончины Иулиты Скрипиной и ее племянника Иллариона с маленьким сыном Иоанном в 1682–1683 гг. их родовое прозвище больше не встречалось в документах⁴⁷.

Трагическое ощущение заката рода и боль последней надежды звучат в композициях чудес пророка Ильи и его ученика Елисея. Среди них предпочтение отдается чудесам исцелений и воскрешений, «божественным даром» которых были наделены оба пророка: «Чудесное воскрешение сына Сарептской вдовы», «Чудесное воскрешение отрока (сына Сонами-

47 Рутман. 2001: 7-15.

тянки)», «Исцеление от проказы сирийского военачальника Немана» и др. Исцелительно-воскресительная тема раскрывается целым рядом сюжетом не только Ильинского, но и Христологического цикла и цикла Деяний апостолов⁴⁸.

Наиболее подробно иллюстрирован в стенописи сюжет о чуде пророка Елисея с сыном Сонамитянки. В пяти композициях последовательно рассказывается история о том, как Елисей помогает бесплодной женщине родить ребенка, но вымоленное чадо внезапно заболевает и умирает, тогда, вновь поддавшись на мольбы безутешных родителей, Елисей совершает второе чудо — чудо воскрешения. Вероятно, эти эпизоды библейского предания соответствовали каким-то реальным событиям, происходившим в семье Скрипиных — перечисленные выше сцены в росписи Ильинской церкви наделены особой эмоциональностью.

Видимо, какой-то особый смысл заказчица росписи вложила и в последнюю композицию, завершающую цикл росписей с деяниями Елисея. Это больше нигде не встречающееся в иконографии апокрифическое «Чудо Ильи в Нижнем Новгороде»⁴⁹, где Илья спас от смерти некоего купца, и, по замечанию В.Г. Брюсовой, «обращающее библейскую историю к русскому культу»⁵⁰.

Композиции чудес спасения, исцеления и воскрешения в росписи ильинской церкви находятся на западной стене, на уровне глаз стоящего человека, то есть на том месте, где их удобно рассматривать. Иулита Скрипина с помощью художников в конце жизни решила рассказать прихожанам своего семейного храма, как много лет она страдала, молилась,

48 Никитина. 2001: 26-35.

49 Соболевский. 1915: 277-284.

50 Брюсова. 1984: 98.

надеялась и верила в чудо (она показывает, что хорошо знала библейские предания, в которых такие чудеса совершались неоднократно). И теперь она в последний раз обращается к пророку Илье с «аргументированной просьбой» сохранить жизнь слабого здоровьем племянника, так как он, как ей известно, уже сделал нечто подобное для другой купеческой семьи в Нижнем Новгороде. Она как бы осмеливается призвать чрезвычайно почитаемого в купеческой среде святого выполнить его обязанности перед щедрыми благодетелями посвященного ему храма, приводя в пример прецеденты из его же собственного жития и агиобиографии его ученика Елисея. И все прихожане, покидая церковь, и бросая взгляд на росписи западной стены, должны были невольно повторять просьбу этой богатой и именитой, но несчастной женщины, приумножая силу «сказанного» ею. Думается только высокое положение главы семьи гостей Скрипиных позволило Иулите так смело «говорить» со своим небесным покровителем языком художественных образов (сюжетная и иконографическая программа храмовых росписей утверждалась благословением архиерея).

Итак, женское высказывание в русской культуре XVII в. имело три основные формы: письменного суждения, заключенного в тексте письма или челобитной, устного выступления в чрезвычайных условиях допроса, увещевания или суда, когда женщина не имела другого способа отстоять себя и свои убеждения, кроме как говорить своим голосом от своего имени, и живописного образа, в котором содержались определенные смыслы, вложенные в него создательницей либо заказчицей. Только в исключительных ситуациях острого политического, религиозного конфликта или реальной угрозы выживанию семьи женщина получала возможность или осмеливалась держать публичную речь, высыпая свои пря-

мые «глаголы» во внешнюю среду. Но в любом из этих случаев право женщины, будь она «дева», «жена» или «честная вдова», на собственные размышления, а тем более рассуждения по проблемам религиозной догматики, представлялось современникам сомнительным и опасным, выходящим за рамки традиционной морали, отводившей ей роль благодарной слушательницы и тихой молитвенницы.

Список источников и литературы

Источники

Древнерусская притча. 1991 – Древнерусская притча. М., 1991.

Памятники литературы Древней Руси. 1988 – Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988.

Памятники литературы Древней Руси. 1994 – Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга третья. М., 1994.

Повесть о боярыне Морозовой. 1991 – Повесть о боярыне Морозовой. М., 1991.

Пустозерская проза. 1989 – Пустозерская проза. М., 1989.

СВОМ – Синодик Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. Вторая половина XVII в. // ГИМ. Воскресенское собр. № 66.

СКНМ – Синодик Калужского Новодевичьего монастыря. Вторая половина XVII в. // РГАДА. Ф. 381. Собр. Синодальной типографии. № 274.

ЛИТЕРАТУРА

Бошковска. 2014 – Бошковска Н. Мир русской женщины семнадцатого столетия. СПб., 2014.

Брюсова. 1984 – Брюсова В.Г. Русская живопись XVII века. М., 1984.

Высоцкий. 1916 – Высоцкий П.Г. Переписка княгини Е.П. Урусовой с своими детьми // Старина и новизна. ПГр., 1916. Т. XX. С. 14-48.

Забелин. 2000 – Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2000. Т. I. Ч. I.

Зинченко. 1885 – Зинченко И.В. Калужская игуменья Маремьяна Викулишна Пальчикова // Православное обозрение. 1885. Т. 2. № 5/6. С. 45-130.

Каптерев. 1909 – Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. I.

Лавров. 1999 – Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999.

Никитина. 2001 – Никитина Т.Л. Система росписи центрального объема церкви Ильи Пророка // 350 лет церкви Ильи Пророка в Ярославле (1650–2000 гг.): Статьи и материалы. Ярославль, 2001. С. 26-35.

Новоселов. 2009 – Новоселов М.М. Суждение // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 943.

Омельянчук. 2016 – Омельянчук С.В. Социально-экономический и правовой статус вдовы в Древней Руси // Вопросы истории. 2016. № 4. С. 127-133.

Пушкарева. 1989 – Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.

Пушкарева. 1996 – Пушкарева Н.Л. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996.

РБС. 2012 – Русский биографический словарь: В 25 т. / под наблюдением А.А. Половцова. Т. 20. СПб., 1912.

Рутман. 2001 – Рутман Т.А. Храмосдатели церкви Ильи Пророка Вонифатий и Иоанникий Скрипины // 350 лет церкви Ильи Пророка в Ярославле (1650–2000 гг.): Статьи и материалы. Ярославль, 2001. С. 7-15.

Соболевский. 1915 – Соболевский А.И. Материалы и заметки по древнерусской литературе // Известия русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1915. Т. XX. Кн. 1. С. 277-284.

Титова. 1987 – Титова Л.В. «Беседа отца с сыном о женской злобе». Исследование и публикация текстов. Новосибирск, 1987.

Список сокращений

ГИМ – Государственный исторический музей

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

Л.П. Заболотная

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЖЕНСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ В ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКЕ: ПИСЬМА МАРИИ КАНТЕМИР К БРАТУ АНТИОХУ (ПЕРВАЯ ПОЛ. XVIII В.)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Мария Кантемир, новая биографическая история, частная переписка, женские тексты, Антиох Кантемир, история повседневности, ментальность

АННОТАЦИЯ: «женские тексты» являются исключительным, неповторимым источником, позволяющим изучать своеобразие женской субъективности определенной эпохи, показать модель женского поведения и позиционирования в вопросах семейной, частной и духовно-нравственной жизни. Главным действующим лицом в данной статье является княжна Мария Кантемир; вводится в научный оборот копии некоторых ее писем к младшему брату Антиоху (с 1733 по 1740/43 гг.). Предмет исследования — язык письма, стиль текстовых структур, характер и манера изложения. Применение метода новой биографической истории и гендерного подхода позволяет выявить и рассмотреть специфические элементы женской/гендерной рецепции, самовыражения и самореализации в истории жизни и судьбы одной женщины.

«По моему мнению, человек главным образом
должен обладать умом, телесным здоровьем
и бережливостью без всяких богатств»
Мария Кантемир

Частная переписка представляет собой уникальный исторический источник, информационный потенциал которого в должной мере еще не оценен исследователями. В отличие от личных дневников, в большинстве своем не предназначенных для обнародования, личные письма уже при своем создании нацелены на публичность (неважно, что эта публичность может быть ограничена одним или несколькими

Лилия Павловна Заболотная, д.и.н, доцент, ведущий научный сотрудник, Национальный музей истории Молдовы, lilizab61@gmail.com

ми лицами)¹. Письма, наряду с другими видами письменных источников, являются исключительными информативными блоками изучаемой эпохи. В XVIII веке переписка была самостоятельным жанром со своими нормами и канонами. Было принято писать длинные письма, в которых авторы подробно излагали свои мысли и чувства, оценивали происходившие события, рассуждали о своей жизни и деятельности. Таким образом, анализ письма как исторического источника позволяет извлечь не только фактический материал, но и нередко сформировать представление о мировоззрении автора письма, о комплексе его идей, в том числе и как носителя системы ценностей, взглядов и установок современной ему эпохи².

Женские письма, особенно в авторском исполнении, занимают отдельное место в ряду разновидностей эпистолярного наследия. «Женские тексты» являются исключительным, неповторимым источником, позволяющим изучать женскую субъективность той или иной эпохи, показать модель женского поведения и позиционирования в вопросах семейной, частной и духовно-нравственной жизни. Но особую роль они играют в индивидуализации и персонификации изучаемого персонажа.

Главным действующим лицом в данной статье является княжна Мария Кантемир (28.04.1700, Яссы — 09.09.1757, Москва), старшая дочь Дмитрия Кантемира и Кассандры Кантакузино. Образ Марии Кантемир, в истории России и Молдовы — непростой и неоднозначный. Начиная со второй половины XIX века, она стала одним из самых привлекательных женских персонажей для историков и литераторов, которые в большей степени мифологизировали ее жизнь и де-

1 Шумейко. 2007: 172-183.

2 Глеб. 2002: 191.

тельность³. Согласно нашим исследованиям, данная ситуация объяснялась двумя факторами: скудностью источников и слабостью источниковедческого анализа. И если в XIX веке исследователи, для написания своих произведений, обращались к первоисточникам, то современные предпочитают ограничиваться ссылками на эти опубликованные работы, нежели обращаться к новым, архивным документам⁴.

Помимо того, документы частного характера часто игнорировались. Будучи адептами советской историографии, кантемирологи предпочитали делать акцент на государственно-политическую, научную и общественную жизнь Дмитрия и Антиоха Кантемира. Личность Марии Кантемир рассматривалась исключительно в связи с выдающейся деятельностью отца и брата.

В данном контексте, считаем нужным подчеркнуть, что главной целью и задачей нашей работы является введение в научный оборот некоторых писем Марии Кантемир к ее младшему брату Антиоху. Предмет исследования — язык письма, стиль текстовых структур, характер и манера изложения, что позволит выявить и рассмотреть специфические элементы женской/гендерной рецепции, самовыражения и самореализации.

Применение метода *новой биографической истории* и гендерного подхода позволит нацелить исследование на восстановление *истории одной женщины*⁵, ее жизни и судьбы. Известно, что частные письма представляют собой акты лич-

3 Шимко. 1891: 276; Шимко. 1891: 74-138; Майков. 1897: 49-69; 225-253; 401-417; 425-451.

4 В предыдущих публикациях автор дает историографический обзор проблемы, поэтому не считает нужным повторяться. См.: Zabolotnaia. 2016: 40-41; Заболотная. 2016: 19-40; Заболотная. 2016: 311-322.

5 Репина. 2009: 285.

ного общения⁶, поэтому являются уникальным хранилищем, позволяющим пролить свет на многие неизвестные и спорные страницы из личной и семейной жизни Марии Кантемир.

Актуальность и значимость данного подхода заключается в том, что письма Марии Кантемир, во-первых, не были предметом системного исследования. Во-вторых, семейная переписка Кантемиров является наименее изученной разновидностью письменных источников, связанных с этой семьей.

Между тем, в XVIII веке, в дворянской среде эпистолярная культура была частью общей культуры, поэтому письма, в том числе письма друг к другу членов одной семьи, составляют важнейшую часть семейных архивов. Семья — это ближайший круг общения любого человека, поэтому в семейной переписке находят отражение как обстоятельства жизни, так и мысли, чувства, переживания, сама личность пишущего. Семейная переписка может служить источником изучения образа жизни, мировоззрения, психологии корреспондентов, давая, таким образом, материал для развития современных направлений исторической науки, таких как социальная история, история повседневности, историческая антропология.

Считаем необходимым подчеркнуть, что письма Марии и Антиоха Кантемир не впервые является объектом исследования. Первые публикации, в которых мы находим анализ писем Марии Кантемир, появились в конце XIX века. Часть писем были опубликованы Иваном Ивановичем Шимко в отдельной, III главе «Переписки князя Антиоха Дмитриевича Кантемира с сестрой и братьями»⁷, критический анализ которых и метод издания заслуживает самой высокой оценки. Благодаря ис-

6 Прохоров. 1964:18-19; Смирнова. 1964:182-225.

7 Шимко. 1891: 74-138.

следованиям И.И. Шимко, выполненным на профессиональном уровне, сохранились уникальные письма не только Марии и Антиоха, но и других членов семьи Кантемир⁸.

Важным и знаковым произведением, посвященным Марии Кантемир, стал историческо-литературный роман Леонида Николаевича Майкова «Княжна Мария Кантемирова»⁹. Данное произведение так же характеризуется богатой документальной базой. Для написания своего романа, автор на протяжении нескольких лет работал в архивах в поисках документов. Работая с личным архивом Л.Н. Майкова, мы были поражены, какое огромное количество документального материала, было использовано автором. Стилль и жанр романа блестящий, но степень достоверности некоторых фактов из жизни Марии Кантемир, для нас остается загадкой. Нам не понятно, почему Л.Н. Майков, располагая таким богатым арсеналом подлинных источников, позволил себе вольные интерпретации ее биографии, особенно, историю любовного романа Марии и Петра I. Этот миф оказался самым жизнестойким. Возможно, это объясняется тем, что писался роман, а не монографическое исследование и Л.Н. Майков настолько вжил в эпоху и образ своей героини, что невольно создал скорее свой вымышленный образ, нежели действительный.

Большая работа по публикации писем с итальянского языка на русский была проделана итальянской исследова-

8 Описывая фамильный архивкнязей Кантемиров, И. Шимко ссылается на архив Сергея Дмитриевича Кантемира, который был последним хранителем «переписки Кантемиров», следующим образом: «При разборе пачки оказалось, что кроме переписки на французском языке князя Сергея с душеприказчиками и лицами, близко стоявшими к покойному князю Антиоху, она содержит 19 писем последнего к сестре Марии, одно к графу Миниху, 73 письма княжны к брату за границу, а так же 5 писем к Антиоху брата Константина и 2 знакомого семья Кантемиров И.П. Суды к нему же». См.: Шимко. 1891: 15-16.

9 Майков.1897: 49-69; 225-253; 401-417; 425-451.

тельницей Джинной Майелларо, которая издала десятки писем А. Д. Кантемира к сестре Марии. Исследовательница работала над многочисленными письмами в Фонде 1347 в Российском Государственном Архиве Древних Актов (РГАДА). В первом выпуске она издала 16 писем князя Антиоха (1738–1744) и 17 писем сестры Марии (1734–1744) на итальянском языке, во втором — два письма кн. Антиоха и 13 Марии. Издание характеризуется глубоким лингвистическим анализом эпистолярного наследия Антиоха Кантемира, а также обстоятельным критическим подходом к источнику¹⁰.

Изучая материалы И. И. Шимко и Д. Майелларо, мы обнаружили некоторые совпадения с письмами в архиве Л.Н. Майкова, поэтому в сносках, в обязательном порядке, будем соблюдать право первой публикации.

В представленной статье мы будем использовать тексты писем Марии к Антиоху Кантемир с 1733 по 1740/43 гг., обнаруженных нами в Архиве Л.Н. Майкова, который хранится в Пушкинском Доме Института русской литературы Российской Академии Наук в Санкт Петербурге. Нам неизвестно, откуда и каким образом письма в таком количестве попали в руки Л.Н. Майкова¹¹, но, безусловно, автор располагал подлинниками из архивов Москвы и Санкт-Петербурга.

С одной стороны, в используемых нами документах речь идет о копиях писем Марии Кантемир, а с другой, как едини-

10 **Майелларо**. 2002: 25-78; **Майелларо**. 2005: 147-201. С текстом 5 писем Марии Кантемир (1743–1744) и 14 писем А. Кантемира (1740–1744) на итальянском языке и в русском переводе.

11 Большая часть писем семьи Кантемир и, в частности, письма Марии и Антиоха, была сохранена в личном архиве князя Сергея Дмитриевича Кантемира. В его архиве находились также письма Антиоха, которые после его смерти были отправлены в Россию, семье, вместе с его личными вещами и документами. Сергей унаследовал личный архив Марии, которая бережно хранила письма братьев, особенно Антиоха.

цы хранения архива писателя они являются подлинниками. Благодаря личному архиву Л.Н. Майкова письма сохранились до наших дней и мы имеем возможность дотронуться до истории первой половины XVIII века. Каждое письмо, каждая строчка из письма содержит бесценные сведения о жизни в те времена.

Хотелось бы так же отметить, что письма в Архиве Л.Н. Майкова расположены не в хронологической последовательности. Вероятнее всего, это был рабочий вариант над документами и Л.Н. Майков не преследовал цель опубликовать их в полном объеме. Письма служили источником, на основе которого писался историко-литературный роман.

Известно, что в семье Кантемир, где образование было поставлено во главу угла, существовала культура письма. Исследуя содержание комплекса писем и отдельных отрывков (39), смеем предположить, что помимо полноценных писем, вероятно, хранились и некоторые черновики, представляющие собой отдельные, обрывочные фрагменты. Очень часто Мария дописывает какую-либо информацию под грифом *P.S.*

Расположив письма в хронологической последовательности, мы обратили внимание, что Мария Кантемир писала часто и регулярно, практически каждые 7–14 дней, и всегда педантично указывала дату письма (когда посылала и когда получала письма).

В один день получила я два дорогих Ваших письма, одно от 21 Августа, а другое без даты¹²; Хотя и давно получила я два дорогих Ваших письма, одно от 15 Августа и другое от 22 того же месяца, однако прошу извинения, что и на то, и на другое не отвечала тотчас¹³.

12 ПД, ИРЛИРАН, Ф.166, Оп.1, Е.Х. № 55, л. 52об-53.

13 ПД, ИРЛИРАН, Ф.166, Оп.1, Е.Х. № 55, л. 44об; 45 об; 46-46об.

Обращалась она к Антиоху исключительно на «Вы» и с особым почтением, хотя у них была значительная возрастная разница. Все письма, без исключения начинались с обращения: «Милый брат, сердечно приветствую Вас» и заканчивались традиционной подписью — «пребываю преданная Вам во всем сестра. Мария Кантемир».

Общей, характерной чертой большинства писем было то, что они буквально пронизаны трогательной заботой о здоровье, карьере и благополучии Антиоха. В частности, в письме от 11 декабря 1735 года она пишет в самом начале:

Очень обрадовало меня Ваше дорогое письмо от 5 Ноября, так как я узнала из него, что Вы (благодаря Бога) совершенно поправились и поэтому я непрестанно молю Всевышнего, чтобы Он даровал Вам и благополучие¹⁴.

Получила дорогое Ваше письмо от 18 января и обрадовалась, узнав о Вашем хорошем здоровье. Я поблагодарила Всевышнего, получив известие о том, что для меня дороже всего на свете. Я и раньше Вам писала, что жива и здорова, и теперь себя хорошо чувствую¹⁵.

Мария очень редко пишет о своих проблемах со здоровьем, даже избегает обсуждения этой темы. Чаще она, по видимому, отвечает на настойчивый вопрос Антиоха о ее самочувствии:

Я принуждена скорее поступать по Вашей просьбе т.е. чаще писать, как должно тому быть, чем беспокоить Вас чем-нибудь. Это я делаю во-первых для исполнения своих обязанностей, во-вторых, из любви»¹⁶.

История особо близких, родственных отношений между братом и сестрой, на наш взгляд, коренилась в прошлом семье. Нам неизвестно, каковы были отношения в семье и как

14 ПД, ИРЛИРАН, ф.166, Оп.1, Е.Х. № 55, л. 47-47об.

15 ПД, ИРЛИРАН, ф.166, Оп.1, Е.Х. № 55, л.48-48об-49.

16 ПД, ИРЛИРАН, ф.166, Оп.1, Е.Х. № 55, л. 47; 48.

строились взаимоотношения между родителями и детьми. К сожалению, исследователи предпочитали обходить изучение частной, личной жизни членов семьи Кантемир. Поэтому свои предположения о некоторых личностных характеристиках Марии и ее братьев мы основываем исключительно на основе анализа писем. Однозначно, можно сказать, что, скорее всего, в основном детьми занималась мать, Кассандра Кантакузино (1682 — 11 мая 1713, Москва). Именно на ней лежал весь груз семейного быта, ухода и воспитания детей. Она вышла замуж в возрасте около 17 лет и за 14 лет супружеской жизни родила двух дочерей (Мария и Смарагда) и четырех сыновей (Константин, Матвей, Сергей и Антиох). Если исходить из био-функциональных, физиологических и репродуктивных характеристик женщин, то она была постоянно беременной или кормящей матерью. Вполне возможно, что, хотя Кассандра и рожала в пределах благоприятной возрастной границы деторождения, скоропостижная смерть ее была вызвана чрезмерной физической истощенностью и слабостью здоровья. Помимо этого, тяжелый груз ответственности, связанный с бегством из страны и переселением всей семьи, также наложил свой отпечаток.

Антиоху было всего 5 лет, а Марии 13, когда умерла их мать. Роль матери пришлось играть старшей сестре. Мария взяла на себя все заботы по уходу за маленьким и беззащитным младшим братом. Совершенно другими были отношения с братьями Константином, Сергеем и Матвеем, с которыми у нее была небольшая разница в возрасте и, естественно, возникали конфликты и трения. Трогательная привязанность к Антиоху и необыкновенная сестринская любовь, сохранилась на всю жизнь. В ее письмах прослеживается глубоко женская, даже материнская откровенность и забота, трево-

га и беспокойство за жизнь Антиоха, а также радость и гордость за его успехи и достижения в карьерном росте.

В 1736 году Мария Кантемир, будучи в Санкт-Петербурге, была приглашена на аудиенцию к императрице Анне Иоанновне, на которой она лестно отзывалась о службе отечеству Антиохом Кантемиром в Лондоне. Благодаря расположению императрицы и при содействии вице-канцлера Генриха Остермана, Антиох получил от императрицы субсидию, которая помогла ему частично покрыть свои долги. Мария пишет о этой встрече в письме от 18 марта 1736 года. Она выделяет встречу с императрицей как важное, значимое события для карьеры брата. Она боготворит Анну Иоанновну, потому что та проявляет внимание и покровительство брату.

Мария неоднократно подчеркивала в письмах, что Антиох ее любимый брат, и ему она доверяет больше всего. Строки писем проникнуты трогательной любовью, которую она открыто выражает Антиоху:

Дай Бог, чтобы и впредь Вы пользовались счастьем и благополучием. Очень рада, что Всемилостивейшая Государыня дала Вам возможность заплатить свои долги. Молю Всеблагого Бога, чтобы Он продлил ея жизнь и внушил ей даровать Вам большие милости и почести в утешение и отраду мне, **так как я люблю Вас больше всех братьев**¹⁷.

Содержание текстового полотна, позволяет заключить, что Мария была далека от образа робкой, застенчивой и безмолвной женщины. Практически всеми финансовыми и хозяйственными делами ведала она, не говоря о нескончаемых судебных процессах. В каждом письме она давала различные советы и наставления Антиоху, что и как писать, как вести себя и поступать в определенной ситуации. С одной стороны,

17 ПД, ИРЛИРАН.Ф.166, Оп.1, Е.Х. № 55, Л.49об-50-50об.

она старалась направить его действия, обезопасить от ошибок, исходя из личного опыта, но, с другой стороны, она жестко контролировала личную жизнь и профессиональную карьеру Антиоха.

Довольно часто в письмах встречаются обороты — «по моему мнению», «Вам непременно нужно написать об этом и не доверят слишком много», «говорила я Вам, что он не честный человек», «я желала бы», «со всем этим я поступлю по Вашему совету»¹⁸, что свидетельствует о ее независимом и даже властном характере.

Тема имущественно-правовых отношений в семье Кантемир, заслуживает отдельного исследования¹⁹, но мы приведем лишь одну из цитат Марии, которая характеризует ее, как женщину с сильным, волевым характером:

По моему мнению, можно твердо положиться на людей, исполняющих свои обещания и по справедливости пользующихся всеобщим доверием: граф, надеюсь, похлопочет о Вас, по мере важности, так как всем известна его доброта. Что же до нашего общего дела, того в виду того, что Ваши интересы тут никак не затрагиваются, я обращусь с письменной просьбой к лицу, указываему Вами, или же мы подадим челобитную. О возвращении наших вотчин нечего и думать, потому что требующий назад свои вотчины, наказывается, от чего сохрани, Боже всякого²⁰.

18 ПД, ИРЛИРАН, Ф.166, Оп.1, Е.Х. № 55, Л. 31, 31 об;32, 32 об. 33.

19 Отношения в семье после смерти Дмитрия Кантемира были выстроены довольно сложно. Во-первых, Константин, старший брат, узурпировал наследство и на протяжении долгих лет отношения между братьями и сестрой были довольно напряженными и далеко не родственными. Мария, Антиох, Сергей и Матвей, напротив, были очень дружны между собой и поддерживали друг друга. Во-вторых, на протяжении долгих лет длилась тяжба с мачехой из-за наследства. В-третьих, Мария фактически сама занималась всеми вопросами, связанными с имущественно-наследственными делами, присутствовала на судебных процессах.

20 ПД, ИРЛИРАН, Ф.166, Оп.1, Е.Х. № 55, Л. 48-48об-49.

Позиционировала она себя решительно и уверенно не только в решении семейных вопросов. Неоднократно, в своих письмах, Мария пишет и рассуждает о совместных планах на будущее — о том, что у них будет общий дом и они всегда будут вместе:

P.S. Самое пламенное желание состоит в том, чтобы мы увидели друг друга и посмотрели вместе, как строятся дома, которые Вы намерены соорудить в моем дворе. Может быть, с помощью Божией мы сможем построить каменный дом, о чем Вы говорили мне тогда, когда мы вместе пошли разглядеть место. Это последнее теперь пусто, а впоследствии может обстроиться. 1736 Апреля 5²¹.

В 1735 году Мария Кантемир купила участок земли в Москве (на Покровке), рядом с домами братьев Матвея и Сергея. Из содержания цитируемого фрагмента видно, что Мария имела далеко идущие планы — построить каменный дом на своем подворье для себя и Антиоха. Редкие и удивительные отношения между братом и сестрой, полная гармония и взаимопонимание. Они пытались не делить имущество, а, напротив, объединить его. Эти строки также говорят о том, что у них не было тайн друг от друга, а были общие мечты о большом доме, в котором они будут жить одной большой, счастливой семьей.

Мария неоднократно писала Антиоху о том, что, что бы ни произошло в ее жизни, все свое имущество она оставит только ему. Трогательными были рассуждения Марии о том, что она старше, а значит и умрет раньше. В одном из писем от 7 февраля 1734 года находим следующие строки:

Как видите, лишённые лести ожидания мои относительно Вас оправдались и ни один брат не оказался столь любящим меня, как Вы. Поэтому, написанное мною вполне соответствует действительности. А остающимся после меня состоянием Вы можете

произвольно распоряжаться или удержать его при себе или же подарить кому угодно. Я знаю Ваше доброе и великодушное сердце. Впрочем, как мне и Вам известно, Бог заповедовал нам не заботиться о завтрашнем дне, думающий иначе будет караем, потому что заповедь эту дал Сам Христос. Поэтому не нужно нам заботиться о богатствах мира сего, но должно стараться быть добродетельным, чтобы получить блага вечной **жизни**. По закону природы старший должен умереть раньше, так как я старше Вас, то мне желательно увидеть Вас по крайней мере перед смертью, а Вам желаю жизнь потом, сколько Богу будет удобно²².

В свои 34 года строить планы на будущее естественно, но вызывает удивление, что Мария в еще совсем молодые, цветущие годы рассуждает о смерти. Помимо этого, она не могла предположить, что судьба преподнесет ей тяжелую участь похоронить своего младшего брата и в скорби и печали пережить его на 13 лет.

Одной из особенностей писем Марии было обилие библейских цитат и глубоких размышлений о смысле жизни и бытия. В каждом письме Мария не просто излагает события и констатирует факты, имеющие отношение к ее жизни, а обращается к брату с мудрыми высказываниями, рассуждает и обсуждает с ним важные, жизненные проблемы. Помимо богатого, литературного словарного запаса и сложных терминологических оборотов, Мария использует обширные ссылки на Священное Писание, образы библейских персонажей. Главным стержнем в жизни человека, по мнению Марии является вера в Бога, честность, порядочность, не стяжательство.

В частности, в выражении «Все искушения Господни мы должны претерпевать с радостью («Господь не отвергнет сокрушенного сердца, Бог помощник всех»), Мария ссылается на Толкование Священного Писания (50:19): «Близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренные духом спасет!». В

22 ПД, ИРЛИРАН, ф.166, Оп.1, Е.Х. № 55, л. 39об-40-40об-41-41об.

этих словах она обращается к брату с посылом, что Господь ко всем приближается со Своей Благостью, а люди своими грехами сами себя удаляют от Него.

В одном из писем Мария говорит Антиоху, что не богатства определяют человека. Одним из основных достоинств она выделяет честность. Обращает внимание, что на каждую выдержку из Библии, она в скобках наращивает цитаты, тем самым как бы добавляя и более доступнее разъясняя свое мнение:

Для всякого достаточно того, чтобы он был неуязвим относительно своей честности, а богатства можно снова приобрести («не надейтесь на начальников и сынов человеческих: от них нет спасения; уповайте на Господа и Вы будете помилованы; многие восстанут на меня, многие говорят: нельзя моей душе быть помилованной, но Господь помощник всех»)²³.

Мария имела удивительную способность сопереживать Антиоху во всех его проблемах. Она всячески пыталась его поддержать и особенно морально, духовно. Она неоднократно писала Антиоху, что сильным в жизни может быть только тот, кто силен духом. Иллюстрацией может служить один из фрагментов письма, который демонстрирует в полном объеме умение Марии красноречиво выразить свою любовь и поддержку брату.

Прошу Вас не огорчаться, а всегда сохранять свое природное чувство духа. Конечно, терпеливый Иов²⁴. Должен служить примером для терпящих и нуждающихся; Он сказал: «наг вышел из чрева матери своей, наг возвращусь»²⁵. Эти слова выражают твер-

23 ПД, ИРЛИРАН.Ф.166, О.1, Е.Х. № 55, Л. 30об.

24 Иов — библейский персонаж, который перенес все горести, болезни и невзгоды, но не предал веру. Олицетворял образ терпимости. Мария часто обращалась к образу Иова.

25 Мария приводит цитату из Библии (Иов 1:21): «Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!»

дую надежду на Бога подобно нам («не полагайтесь на начальников и сынов человеческих»)²⁶. Иногда лебедь доставляет голосом своим большее удовольствие, чем ласточка, которая беспокоя людей своим щебетанием (возле садовника), в конце концов совершенно разрушает свое гнездышко. Зачем многословить? «Умный поймет с полуслова»²⁷.

Обращает внимание, не только убедительность и красноречивость Марии, но и то, каким образом она излагает свои мысли, намекая, что Антиох прочтет между строк, о чем она пишет. Вообще, в своей переписке они часто использовали «эзопов язык». Многие личности, о которых они пишут, носили аллегорические образы²⁸ (Тигрица — Варвара Алексеевна Черкасская, невеста Антиоха; Черепаха — Алексей Михайлович Черкасский, отец Варвары; Медя — Анастасия Дмитриевна Голицина, жена старшего брата Константина Кантемира и т.д.). В одном из писем Мария так пишет о невесте Антиоха: «в 24 летний возраст Тигрицы она похожа на визиря, которому дочь принесла в подарок гнилую дыню»²⁹.

В 1734 году, когда было написано письмо, Варваре Черкасской было всего 24 года, а Марии Кантемиру же 34, т.е., она была на 10 лет старше. Удивительно, но Мария, на протяжении долгих лет, всегда подчеркивала возраст невесты Антиоха, говоря о том, что та скоро переступит рубеж старой девы. Относительно себя она никогда не упоминала ни о возрасте, ни о своем стародевичестве. Мало того, через некоторое время, 37-летнюю Марию будут в очередной раз сватать, но она опять найдет разные оправдания для того, чтобы не довести дело до заключения брака (например,

26 Выдержка из Псалмов.

27 ПД, ИРЛИРАН, Ф.166, Оп.1, Е.Х. № 55, Л. 30об, 31.

28 Тема отдельного исследования.

29 ПД, ИРЛИРАН, Ф.166, Оп.1, Е.Х. № 55, Л.56об-57-57об.

имущественные, финансовые), но ни разу не обратится к своему возрасту.

В заключении, хотелось бы подчеркнуть, что ограничившись кратким анализом писем, можно с уверенностью сказать, что Мария Кантемир, как исторический персонаж, далека от сложившихся и утвердившихся о ней клише стереотипов. Личная составляющая из строк писем позволяет увидеть образованную, мудрую, сильную, волевою, решительную и глубоко порядочную женщину, с высокими моральными убеждениями. Любопытные, порой интригующие сведения из писем, позволили заглянуть в повседневную, частную жизнь Марии, передать ее эмоциональное состояние в определенных ситуациях, увидеть некоторые детали из ее частной жизни — образа жизни, поведения и мышления. Отдельно показан ее семейный статус и положение в семье. Содержание писем, в некоторой степени, позволили увидеть и семью Кантемир в плоскости межличностных отношений. В частности, во взаимоотношениях Марии с ее младшим братом, Антиохом наблюдается ярко выраженный *синдром старшей сестры*. Взяв родительские обязательства над Антиохом после смерти матери, она нежно и трогательно любила его, заботилась о его здоровье и хлопотала о его карьерном росте, вела все финансовые и хозяйственные дела, покровительствовала его друзьям и выражала гнев недругам. Особое внимание она уделяла его личной жизни, заботясь о том, чтобы выбрать ему достойную спутницу. Вполне возможно, на наш взгляд, чрезмерное покровительство брату, порой авторитарное и категоричное, стало причиной ее одиночества и нежелания устроить свою личную жизнь. Она видела свое будущее только рядом с Антиохом и никогда не стремилась создать собственную семью.

Обобщая, вышеизложенное, считаем нужным отметить, что появление новых научных дисциплин и методологических подходов в последние десятилетия, позволили расширить исследовательское поле в изучении исторических источников. В данном контексте, возникает проблема природы и характера исторического источника, соотношения открытия *новых документов* и *интерпретации исторических фактов*. К сожалению, частная переписка Марии Кантемир до настоящего времени не получила должного освещения в исторической литературе.

Данное исследование еще раз показало, что ведение в научный оборот *женских писем* Марии Кантемир, позволяет открыть многие, неизвестные страницы из истории всей семьи Кантемир.

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

ПД, ИРЛИРАН. Ф.166, Оп. 1, Е.Х. № 55.

ЛИТЕРАТУРА

Глеб. 2002 – Глеб М.В. Эпистолярное наследие как источник для изучения имперской идеи в Великобритании в последней трети XIX в. // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 1 / рэдкал.: С. М. Ходзі. Мінск, БДУ. 2002. С. 187-191.

Заболотная. 2016 – Заболотная Л. Новые документальные открытия в архивах Санкт-Петербурга. Второе духовное завещание Марии Кантемир от 1757 года и ее духовное письмо // Codrul Cosminului. XXII. Iulie 2016. No. 1, P. 19-40. http://atlas.usv.ro/www/codru_net/page22_1r.html.

Заболотная. 2016 – Заболотная Л. Новые документальные свидетельства из биографии Марии Кантемир. Первое духовное завещание от 1725 года // Диалог со временем. 2016. № 57. С. 311-322.

Майков. 1897 – Майков Л.Н. Княжна Мария Кантемирова // Русская старина. М., 1897. Том 89. Январь; С. 49-69; Март. С. 401-417; Том 90. Июнь. С. 425-451; Том 91, август, С. 225-253.

Майелларо. 2002 – Майелларо Д. Переписка князя А. Д. Кантемира с сестрой Марией на итальянском языке. 1734-1744 // Русско-итальянский архив. Составители Даниэла Рици и Андрей Шишкин. Салерно, 2002. С. 25-78.

Майелларо. 2005 – Майелларо Д. Переписка кн. А. Д. Кантемира с сестрой Марией. 1740-1744 гг. // Archiviorusso-italiano IV. Salerno, 2005. P. 147-201.

Прохоров. 1964 – Прохоров Е. И. Издание эпистолярного наследия // Вопросы текстологии. М, 1964. Вып.3. С.18-19.

Репина. 2009 – Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009.

Смирнова. 1964 – Смирнова Л.Н. Типы и виды изданий эпистолярного наследия // Вопросы текстологии. М., 1964. Вып.3. С. 182-225.

Шимко. 1891 – Шимко И. Личность княжны Марии Дмитриевны Кантемир // Журнал Министерства Народного просвещения. Санкт-Петербург, 1891, С. 274-276.

Шимко. 1891 – Шимко И. Новые данные к биографии князя Антиоха Кантемира и его ближайших родственников. Санкт-Петербург, 1891.

Шумейко. 2007 – Шумейко М. Ф. Переписка как исторический источник и особенности ее сохранения и публикации // Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў XX–XXI ст. у Беларусі: зб. навук. артыкулаў, прысвечаных 100-годдзю з дня нараджэння М. М. Улашчыка / рэдкал. С. М. Ходзін–Мінск, БДУ. 2007. С.172-183.

Zabolotnaia. 2016 – Zabolotnaia L. Testamentele Mariei Cantemir: falsificări și interpretări istorice // Sesiunea științifică a Departamentului Istoria Românilor, Universală și Arheologie/ III- ediție, Chișinău, 2016/ P. 40-41.

Список сокращений

ПД, ИРЛИ РАН – Пушкинский Дом Института русской литературы Российской Академии Наук в Санкт–Петербурге.

А.Ю. Серегина

ЖЕНСКИЕ ГОЛОСА В АНГЛИЙСКОМ КАТОЛИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВВ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: проповедь, голос, манера говорить, биография, переписка, Контрреформация, публичная сфера, Англия, ранее Новое время, Луиса де Карвахаль, Мэри Уорд.

АННОТАЦИЯ: в статье анализируются описания проповеднической деятельности женщин-католичек в Англии XVI — первой половины XVII в., представленные источниками разных жанров. Показано, что в репрезентациях голоса и манеры произнесения проповеди и/или религиозных наставлений женщинами всегда присутствовали мужские эпитеты и сравнения. Проповедь относилась к публичной сфере и, соответственно, могла описываться только при помощи мужских образов, вне зависимости от пола говорившего.

Пост-реформационный период истории английских католиков с легкой руки Джона Босси, посвятившего им свой обобщающий труд, порой именуют периодом «католического матриархата», то есть, временем, когда женщины играли особенно важную роль в жизни конфессионального сообщества¹. Исследования по социальной истории религии и гендерной истории в последние десятилетия показывают, что такого рода «матриархаты» были характерны практически для всех христианских сообществ в периоды, когда они подвергались преследованиям². В условиях гонений женщины

1 **Bossy.** 1975: 157.

2 **Eurich.** 2016: 118-148; **Rowlands.** 2009:200-215; **Серегина.** 2012а: 83-115.

брали на себя те роли, которые обычно, в стабильной ситуации, играли мужчины. Одними из основных мужских функций в церкви являются проповедь и религиозные наставления. И если вмешательство женщин в последнюю область еще могло считаться допустимым — например, наставления, обращенные матерью к детям или домочадцам более молодого возраста и / или более низкого образовательного статуса, то проповедь, безусловно, считалась делом мужчин, причем клириков. Соответственно, область, где мог звучать женский голос, существенно ограничивались.

Такое ограничение восходило еще к средневековой традиции, толковавшей значение и работу органов чувств, а также к гендерным аспектам их репрезентаций. Так, способность слушать и слышать считалась пассивной (как и другие чувственные восприятия, они являлись результатом воздействия на органы чувств извне). Голос же и его проявления — включая речь — также относили к своего рода чувственным проявлениям, однако он был активной силой, способной к преобразованию: влиянию на слушающих³. Соответственно, пассивность слушающего субъекта соотносилась с женской природой, а активность говорящего — с мужской. При этом способность высказываться, то есть, говоря, побуждать к чему-либо слушающих — а именно это и подразумевала проповедь — считалась синонимичной обладанию властью, проявленной в публичной сфере, и относилась к числу мужских атрибутов⁴.

Поэтому если голос женщины мог звучать в каком-либо религиозном контексте, то лишь приглушенно: исключительно в молитве и исповеди, причем молитва подразумева-

3 Milner. 2011: 16-30.

4 Bloom. 2007: 12.

лась частная — в уединении своих покоев или в келье монастыря, вне публичного пространства. Публичная молитва не поощрялась, даже в экстраординарных обстоятельствах. Так, в конце XVI в. руководство английской миссии обсуждало вопрос, можно ли служить мессе, если на ней нет мужчин, и хор — исключительно женский, то есть, могут ли женские голоса звучать во время литургии. К согласию миссионеры так и не пришли⁵.

В статье рассматриваются случаи, когда женщины все же выступали в роли наставников и проповедников. Такие ситуации были нередкими, так как фактически в преследуемой общине именно на женщин была возложена роль наставников, занимавшихся религиозным образованием — как детей, так и вполне взрослых родственников, включая мужчин. В теории, роль женщин в наставлении взрослых сводилась к тому, чтобы вовремя предложить им книгу (написанную мужчиной-миссионером), а потом отвести к священнику, которых должен был ответить на все вопросы сомневающегося, исповедать и причастить его. На практике, однако, женщины выполняли всю работу наставника, оставляя священникам только таинства⁶. Именно поэтому адресованные женщинам-католичкам тексты часто разъясняют положения вероучения, с экскурсами в область полемического богословия: подобная информация была необходима тем из них, кто выступал в роли катехизаторов⁷.

В статье анализируются описания ситуаций женской проповеди или наставлений, а точнее, манеры их произнесения женщинами. Кем, как и когда они описывались? В какого

5 McClain. 2004: 136-137.

6 Серегина. 2012а: 91-95.

7 О таких текстах см.: Серегина. 2010: 186-200; Серегина. 2012b: 51-63.

рода (и жанра) текстах? Как, собственно, женщины, говорят о вере? Основное внимание будет сфокусировано на представлении момента выступления, голоса, способа и особенностей произнесения речи и т.п.⁸

Источники, говорящие о женских религиозных наставлениях разноплановы, и именно их принадлежность к разным жанрам, имевшим различные задачи и риторические стратегии, и вызывает наибольший интерес. Необходимо отметить, что в данном контексте не слишком показательны монастырские хроники, хотя это и обширная группа источников: пост-Тридентские монашеские общины, мужские и женские, были обязаны писать хроники своей обители, и многие из этих сочинений дошли до наших дней⁹. Однако, монахини, связанные правилом затвора, редко оказывались в роли проповедниц, а их наставления если и выходили за пределы общины, то распространялись при помощи текстов. «Звучание» женских голосов на страницах наставительных сочинений — отдельная большая тема, которая не может быть рассмотрена в рамках данного исследования.

Из остальных источников самую большую группу составляют биографии благочестивых католичек. Первой, самой влиятельной и единственной опубликованной в XVII в. была биография виконтессы Магдален Монтегю: ее латинское издание вышло в 1609 г., немецкий перевод — в 1610 г., а ан-

8 Исследования воздействия чувственных восприятий на формирование религиозной культуры раннего Нового времени находятся еще в начальной стадии. Имеющиеся работы (см., например, **Milner**. 2011, **Karant-Nunn**. 2010, **Religion**. 2013) в основном, фокусируются на истории чувственного опыта, связанного с литургией и личными благочестивыми практиками, а также восприятию (слушанию) проповеди (**Hunt**. 2010). Работ, посвященных гендерному аспекту проповеднической деятельности (в данном контексте) пока нет. Обзор историографии см. также в: **Boer**. 2013.

9 О монастырских хрониках см. **Серегина**. 2011: 119-147.

глийский — в 1627 г.¹⁰ Затем последовали биографии родственниц леди Магдален: Джейн Дормер, герцогини Ферия (1610-е/1640-е гг.)¹¹, Энн Ховард, графини Эрендел (1630-е гг.)¹², Дороти Лаусон (1650-е гг.)¹³. Особняком стоит жизнеописание / житие Маргарет Клитеро, казненной в 1585 г. и впоследствии канонизированной (1970)¹⁴. Текст был написан в конце XVI в., таким образом, он — самый ранний. Он четко делится на две части — благочестивую биографию и описание суда и казни, то есть, собственно, историю мученичества Маргарет, и скорее всего, был написан двумя авторами¹⁵.

Все перечисленные тексты были написаны мужчинами: секретарем, в случае герцогини Ферия, и капелланами во всех остальных случаях. Кроме того, сохранилась биография виконтессы Фолкленд, написанная ее дочерью-монахиней (1650-е гг.)¹⁶, жизнеописание монахини-миссионерки Мэри Уорд, составленной сестрами ее общины (вторая половина XVII в.)¹⁷, а

-
- 10 Магдален Браун (урожд. Дейкр), виконтесса Монтегу (1538–1608). Издания ее биографии: **Vita**. 1609; **Frawenzimmer Spiegel**. 1611; **Smith**. 1627. См. также **Серегина**. 2008а: 59-62; **Серегина**. 2017b: 264-267.
 - 11 Джейн Дормер (1538–1612), фрейлина Марии I Тюдор, с 1558 г. жена Гомеса Суареса де Фигероа, герцога Ферии. Издание ее биографии: **Clifford**. 1887. См. также **Серегина**. 2016.
 - 12 Энн Ховард (урожд. Дейкр), графиня Эрендел (1557–1630). Издание ее биографии: **Life of Lady Anne**. 1877. См. также **Серегина**. 2008а: 72-74.
 - 13 Дороти Лаусон (урожд. Констебл, 1575–1632). Издание ее биографии: **Life of Mrs Lawson**. 1855. См. также **Серегина**. 2008а: 65-68.
 - 14 Маргарет Клитероу (урожд. Миддлтон, 1556–1586), святая католической церкви (мученица, канонизирована в 1970 г.). Издание ее биографии: **Mush**. 1877. См. также: **Серегина**. 2008b.
 - 15 **Dillon**. 2002: 278-281.
 - 16 Элизабет Кэри (урожд. Тэнфилд), виконтесса Фолкленд (1585–1639). Издание ее биографии: **Lady Foldkand**. 1994. См. также: **Серегина**. 2003: 121-144.
 - 17 Мэри Уорд (1585–1645), основательница Института Блаженной Девы Марии (сейчас — Конгрегация Иисуса), в 2009 г. причислена к лику блаженных католической церкви. Издание ее биографии: **Ward**. 2008. См. также **Серегина**. 2013; **Серегина**. 2017b.

также письма испанской миссионерки Луисы де Карвахаль из Лондона друзьям и патронам в Испанию (1606–1614)¹⁸.

Обо всех этих женщинах известно, что они наставляли друзей и родственников в католической вере, а порой даже выходили в своей деятельности за рамки частного, семейного круга. Порой такие ситуации упоминаются¹⁹. Однако их описания в биографиях, написанных мужчинами, полностью отсутствуют. Здесь героини — пример благочестия, подчинения воле и суждению своих капелланов, которые, собственно, и являлись наставниками, и голоса их звучат только в личной молитве. Теме благочестивого смирения и подчинения воле духовника посвящены целые разделы биографий²⁰. Их присутствие является отражением стремления показать идеальный гендерный порядок в католическом обществе — ответом на обвинения в адрес католиков в том, что те полностью подчинены власти женщин²¹. В биографии герцогини Ферия ее секретарь был больше склонен говорить о покровительстве, оказанном эмигрантам-католикам, и даже о ее политическом влиянии; религиозное наставничество его вообще не очень интересовало²².

На структуру жизнеописаний благочестивых дам сильное воздействие оказала агиографическая литература; соответственно, в них имеется описание внешности героинь, а также их манер и голоса. Биографии леди Монтегю упоминает ее «сладкую речь»:

18 Луиса де Карвахаль-и-Мендоса (1566–1614), испанская аристократка и миссионер в Англии. Издание ее писем: Carvajal. 1999. См. также Серегина. 2013; Серегина. 2014.

19 Серегина. 2012а: 91-95.

20 Серегина. 2008а: 81-91.

21 Серегина. 2008а: 90.

22 Серегина. 2016: 357.

*Ее речь была столь нежна и сладка, что она располагала к себе людей любого положения*²³.

«Сладость» (sweetness, от лат. *suavitas*) голоса отсылает к восприятию звучания голоса — приятного, услаждающего слушателя.

И жизнеописание леди Монтегю, и биография ее племянницы, графини Эрендел подчеркивают стремление обеих дам избегать конфликтов, способность говорить со всеми, не обижая никого, любезно. Так, Р. Смит пишет о леди Магдален Монтегю:

*Ее речь была нежной и спокойной, свободной от всякого спора; она скорее была готова уступить, нежели спорить, даже с нижестоящими*²⁴

А биограф графини Эрендел подчеркивал:

*Еще более похвальной была ее разумная и осмотрительная манера держаться и направлять свои слова и поступки таким образом, чтобы никто не мог оскорбиться, и многие благодаря этому получали просвещение*²⁵.

Такой способ общения распространяется и на интересующие нас ситуации. Например, графиня Эрендел говорит о религии с пастором. Но она ни в коем случае не спорит с ним, ведь в идеальном мире благочестивом биографии диспуты о вере предоставляются духовенству и вообще мужчинам. Гра-

23 **Smith**. 1627: 23 ('So mild and sweet was her conversation that she allured people of all conditions to her company'). См. также **Vita**. 1609: 45.

24 **Smith**. 1627: 15 ('For her speech was mild and peacable, and free from all contention, and more ready to give way to, then to contend even with her inferiours'). См. также **Vita**. 1609: 32.

25 **Life of Lady Anne**. 1877: 277 ('Yet more laudable were her prudence and discretion in so carrying herself and ordering her words and actions that none could receive offence, many reap'd much benefit and edification by them').

финя благодаря хорошей памяти вспоминает рубрику официального молитвослова 1558 г., чем и посрамляет оппонента²⁶.

При этом многие авторы биографии подчеркивают, что дамы были холерического темперамента, склонные к гневу, и предпринимали большие усилия, чтобы его обуздать. Например, Ричард Смит подчеркивает: терпение, которое проявляла леди Монтегю, было достойно восхищения, ведь она отличалась холерическим темпераментом²⁷. Соответственно, дамы старались ни с кем не говорить в состоянии гнева, избегая тем самым ссор и споров и демонстрируя то любезное общение, которое оказывалось отличительной женской чертой²⁸. Этот момент стоит отметить, т.к., согласно распространенным в то время представлениям (теории гуморов), холерический темперамент — сухой и горячий — обычно представляется как мужской²⁹. Точно так же, способность обуздывать свои чувства и контролировать голос относили к мужским чертам³⁰.

В житии Маргарет Клитеро, точнее, в той ее части, где говорится о мученичестве, воспроизводятся диалоги героини с судьями и тюремщиками в формате прямой речи. Это позволило сделать вывод о том, что именно эта часть была составлена по заметкам католика, присутствовавшего на суде. Примечательно, однако, что и здесь Маргарет не говорит о религии, даже когда ее непосредственно призывают к диспуту, ссылаясь на то, что она — женщина и недостаточно образована. А бесконечные препирательства с судьями строятся

26 *Life of Lady Anne*. 1877: 275-275.

27 *Smith*. 1627: 23.

28 *Smith*. 1627: 23; *Life of Lady Anne*. 1877: 274.

29 *Cadden*. 1995: 185.

30 *Bloom*. 2007: 11; *Milner*. 2011: 15.

вокруг вопроса о том, пустят ли к ней католического священника для исповеди, или ей придется беседовать с пастором³¹.

Биографии, написанные женщинами, представляют дружную картину. Во-первых, на страницах таких текстов гораздо чаще появляются как минимум упоминания о ситуациях, когда женщины являются наставницами в делах веры. Элизабет Кэри, виконтесса Фолкленд, наставляла пером: она переводила и сама писала полемические сочинения³². Обе эти функции воспринимались как не совсем женские, но «звучание» женского голоса на бумаге — тема, заслуживающая отдельного рассмотрения. Поэтому я обращаюсь к оставшимся героиням.

Мэри Уорд и Луиса де Карвахаль считали миссионерство важной частью своей деятельности; обе они сформировали монашеские общины, которые по сути воспроизводили иезуитскую модель. Луиса де Карвахаль наставляла в вере англичан-католиков в Лондоне начала XVII в. и проповедовала протестантам (однажды — даже на улице), а Мэри Уорд и ее сестры занимались миссионерской деятельностью в более близкой и знакомой им среде английского дворянства³³.

Обратимся к описанию их проповеди. Поскольку текст, посвященный Мэри Уорд, создавался как житие, в нем также есть раздел, посвященный ее внешности и манерам. В нем воспроизводятся многочисленные клише этого жанра. Монахини-составительницы называли звучание ее голоса «приятным» (*graceful*)³⁴. При этом Мэри Уорд уподобляют идеальному придворному, умеющему себя держать не надменно, но ровно, и при этом с большим достоинством³⁵.

31 **Mush**. 1877: 417-418.

32 **Серегина**. 2003.

33 **Серегина**. 2014; **Серегина**. 2017b.

34 **Ward**. 2008: 90. В оригинале — ‘grateful’.

35 **Ward**. 2008: 75 (‘courtly freedome without the least affectation’).

Биограф Мэри отмечает, что она была достойна говорить с государями³⁶. При этом отмечается также и ее холерический темперамент, и склонность к «страсти», в данном случае, гневу, и указывается, что она старалась не вести беседы, не успокоившись³⁷.

Миссионерская деятельность Мэри описывается следующим образом:

наша дражайшая мать и ее сестры работали, порой переодетые, порой в собственных одеждах, иногда ведя доверительную беседу, а в другой, проявляя власть [using authority] с людьми простыми и бедными; сначала они заставляли их подвергнуть сомнению свои заблуждения, а потом открывали им свет истины. Когда росток принимался, они наставляли их, как правильно исповедаться, и готовили их так, что священнику оставалось только выслушать саму исповедь³⁸.

Здесь стоит обратить внимание на то, что проповедь была ориентирована на разные аудитории, под которые подстраивалась ее манера. В доверительной беседе общались с равными себе — друзьями, родственниками и гостями дома. К нижестоящим был обращена интонация людей, обладающих властью и авторитетом. Схема «от сомнений и полемической критики к позитивному изложению доктрины» была свойственна миссионерам из числа выпускников иезуитских семинарий, так что дамы следовали очевидной миссионерской модели³⁹.

36 Ward. 2008: 75.

37 Ward. 2008: 90.

38 Ward. 2008: 20 ('our dearest Mother employed herself and hers, sometimes disguised, sometimes in her owne cloathes, using some times familiar conversation, other times authority among the common and the poor sort, would first put them in doubt of their owne error, and then lay the light before them: when it tooke, they instructed them how to make good confession and so prepared them as the Priests had but to heare their confessions').

39 Серегина. 2002: 120-122.

Луиса де Карвахаль, испанская аристократка, отправившаяся в Лондон в 1605 г., также стремилась к миссионерской деятельности. Обычно ее наставления были обращены либо к единоверцам, либо к «сочувствующим». Однако в июне 1608 г. она завела разговор о вере в лавке на главной улице Лондона (Чипсайд), собрав вокруг себя небольшую толпу протестантов. Это событие имело своим последствием ее арест (правда, недолгий — в период политического сближения короля Якова с Испанией преследование дамы из семьи Мендоса было невозможным) и допрос у судьи⁴⁰. Случившееся подробно описано в шести письмах Луисы, адресованных разным лицам в Испании. 5 писем датированы одним днем (29 июля 1608 г.)⁴¹, и еще одно написано через месяц (20 августа 1608 г.)⁴². Такое усердие Луисы объясняется тем, что публичная проповедь считалась неженским делом, и она чувствовала необходимость оправдать свое поведение. Основное объяснение заключалось в том, что она случайно ответила на восклицание протестанта («слава Богу, что я не католик»), а затем ей начали задавать вопросы, на которые пришлось отвечать, то есть, она не имела намерения публично говорить о вере⁴³.

Из писем Луисы (в том числе и более ранних), мы знаем, что она уделяла много внимания английскому языку, кото-

40 Подробнее об обстоятельствах ареста Луисы де Карвахаль см. **Серегина**. 2014.

41 **Carvajal**. 1999: Ер.94-98. Письма адресованы иезуиту Джозефу Кресуэлу (94), францисканцу Лоренсо да Понте (96), духовной наставнице Луисы Мариане де Сан-Хосе (97) и ее подруге Инес де ла Асенсьон (98). В одном из писем (95) не указано имя адресата. Согласно исследованиям Глина Редворта, это послание могло быть обращено к подруге Луисы Ане де Хесус (см. **Carvajal**. 2012: 10).

42 **Carvajal**. 1999: Ер. 99. Это письмо адресовано маркизу де Карасене.

43 О риторических стратегиях Луисы де Карвахаль см. **Серегина**. 2013: 84-86.

рый начала учить только в Лондоне. Она жаловалась на то, что девушки ее общины (англичанки) мало с ней говорят, и ей не удастся выучить язык надлежащим образом⁴⁴. Таким образом, Луису очень волновал вопрос о том, насколько хорошо аудитория понимала ее речь. Во всех письмах без исключения отмечено, что она говорила с сильным акцентом, который местные приняли за шотландский, потому что шотландцы тоже плохо говорили по-английски⁴⁵. Но было ли этого достаточно для того, чтобы быть понятой? Всех мужчин-корреспондентов — иезуита Джозефа Кресуэлла⁴⁶, францисканца Лоренсо да Понте⁴⁷ и своего кузена, маркиза де Карасену⁴⁸ — она уверяла в том, что ее знаний языка оказалось достаточно⁴⁹. В письме к да Понте она, правда, добавляла, что в тот день говорила по-английски лучше, чем обычно:

*не настолько, чтобы я могла говорить, о чем захочу, но достаточно для рассуждения об основах вероучения*⁵⁰.

Последний момент важен: Луисе необходимо было показать, что она не говорила о тонких материях, и не влезала на территорию мужчин-миссионеров, а говорила лишь об азах, то есть, делая то, что могло быть дозволено женщине.

44 См., например, письмо Луисы Инес де ла Асенсьон от 26 июля 1606 г. (Carvajal. 1999: Ep.61).

45 Carvajal. 1999: Ep.94, 96, 99.

46 Джозеф Кресуэлл (1557–1623) — английский иезуит, автор полемических сочинений, глава (superior) английских иезуитов в Испании.

47 Лоренсо да Понте — исповедник Луисы в Испании.

48 Луис Каррильо де Толедо, маркиз де Карасена, граф де Пинто.

49 Carvajal. 1999: Ep.94, 96, 99.

50 Carvajal. 1999: Ep.96 ('Y sirvióse Nuestro Señor que pudiese hablar inglés, mejor y más claramente que después que estoy en Inglaterra, aunque no para hacer los discursos que quisiera, sino para lo que era solamente suficiente doctrina').

В письмах, адресованных женщинам, такой оговорки нет. Обращаясь к своей духовной наставнице, монахине Мариане де Сан Хосе, Луиса без ложной гордости говорила, что та испытала бы большое утешение, услышав ее речь⁵¹.

Подруге, Ане де Хесус, она признавалась, что на самом деле совсем не была уверена в своем английском (правда, речь шла уже не о речи на улице, а о допросе у судьи, где опять речь зашла о вероучении):

я отвечала, лишь когда должна это было абсолютно необходимо, и когда я могла говорить так, чтобы он (судья) понял бы меня без длинных объяснений. К этому времени я уже очень устала и мне стоило больших усилий сказать необходимое; к счастью, он не выказал сомнений и не показал, что с трудом меня понимает. Если бы я говорила хуже, он бы и слушать меня не стал. Я глубоко сожалею, что в тот раз не смогла превратить мой испанский в английский⁵².

Луиса обладала поэтически даром и прекрасно писала по-испански. Можно предположить, что и в разговоре на родном языке она была красноречива. Поэтому она явно переживала свою «несвободу», порожденную недостаточным знанием английского языка.

Луиса подробно приводила вопросы, которые ей задавали и свои ответы. И практически во всех письмах она подчеркнула: ее приняли за мужчину–священника, миссионера в

51 **Carvajal**. 1999: Ep.97 ('Si me viera vuestra merced delante el juez y en la cárcel, creo que se consolara muchísimo, Y lo que allí disputé y voceé en el corto inglés por la santa fe, acordándome de aquello del Santo Apóstol: que la palabra de Dios no estaba atada en su prisión').

52 **Carvajal**. 1999: Ep.95 ('Yo callé, porque sólo me pareció responder lo forzoso y en que yo pudiese hablar de modo que él me pudiese entender sin largos discursos, porque me hallaba demasiado de cansada, y harto fue poder hablar todo lo que fue necesario, de suerte que él nunca dudó ni mostró dificultad en entenderme; y hablando menos bien, era cierto que él no se quisiera cansar en escucharme. Mucho sentí en aquella ocasión el no poder trocar el español en inglés').

женском платье. Затем, в письме к Инес де ла Асенсьон, Луиса развила этот мотив: когда ее и ее сестер, участвовавших в беседе, пришли арестовывать, прибывшие искали мужчин в женском платье и были смущены увидев явных женщин (здесь Луиса намекает на явно заметные формы тела)⁵³. Таким образом, упоминание о священнике в женском платье — не намек на внешнюю мужеподобность, а отсылка к манере говорить и проповедовать. Самоуподобление мужчине-миссионеру здесь — способ показать, что она была способна говорить с таким авторитетом и знаниями, какие подошли миссионеру.

Сопоставление сведений разножанровых источников приводят к следующему выводу. Малочисленность описаний проповеднической деятельности женщин объясняется не редкостью подобных ситуаций, но тем, что подобная деятельность, если она выходила за рамки дружеской беседы, письма или даже рукописи, циркулировавшей в узком кругу, вторгалась в пространство публичного. Для женщины такие действия не признавались приемлемыми и, соответственно, игнорировались при описании благочестивых практик в тех случаях, когда эти описания (даже не напечатанные в XVII в.) предполагали определенную степень публичности.

Биография Мэри Уорд в этом смысле исключение, так как хотя она и квази-публична, то есть, предназначалась для членов общины, сама эта община и память о матери-основательнице была в XVII в. под запретом⁵⁴. Так что это своего рода тайное сочинение. А письма Луисы де Карвахаль как жанр относились к частной сфере, и потому могли считаться допустимыми, несмотря даже на их широкую цирку-

53 Carvajal. 1999: Ep.98.

54 Серегина. 2017b: 120-122.

ляцию⁵⁵. Именно в этих «частных» текстах возникает описание того, как говорили обе дамы. И эти описания демонстрируют очевидные мужские черты: самоконтроль (способность сдерживать страсти), ассертивная манера себя держать, авторитетность высказываний, и проводят параллели с мужчинами-миссионерами. Таким образом, репрезентации публичной речи (проповеди) требовали мужской образности, вне зависимости от пола произносившего ее.

55 Серегина. 2013: 83-84.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Carvajal. 1999 – Carvajal L. de. Epistolario. Bibliotheca virtual de Miguel de Cervantes [electronic recourse — http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/epistolario-de-luisa-de-carvajal-y-mendoza--0/html/feecc246-82b1-11df-acc7-002185ce6064_2.html#I_1_; режим доступа: 2.11.2017]

Carvajal. 2012 – The Letters of Luisa de Carvajal y Mendoza. Vol. II / ed. by G. Redworth. L., 2012.

Clifford. 1887 – Clifford H. A Life of Jane Dormer, Duchess of Feria. L., 1887.

Frawenzimmer Spiegel. 1611 – [Smith R.] Frawenzimmer Spiegel, das ist: Das Leben der <...> Frawen Magdalena Marggräfin zu Scharpffenberg <...> ... In Lateinischer Sprach beschriben, und jetzo ... auff unser teutsche Sprach ubersetzt. Augspurg, [1611].

Lady Folkland. 1994 – The Lady Folkland: Her Life by One of Her Daughters / ed. by B. Weller, M.W. Ferguson. Berkeley, 1994.

Life of Lady Anne. 1877 – A Life of Lady Anne Countess of Arundell and Surrey. L., 1877.

Life of Mrs Lawson. 1855 – A Life of Mrs Dorothy Lawson. Newcastle-upon-Tyne, 1855.

Mush. 1877 – Mr John Mush's Life of Margaret Clitherow // The Troubles of Our Catholic Forefathers / Ed. by j. Morris. Vol. III. L., 1877. P.333-444.

Smith. 1627 – Smith R. The Life of the Most Honourable and Virtuous Lady Magdalen, Viscountesse Montague. St Omer, 1627.

Vita. 1609 – [Smith R.] Vita illustrissimæ, ac piissimæ dominæ Magdalenæ Montis-Acuti Vicecomitissæ. Romae, 1609.

Ward. 2008 – Ward M. A Briefe Relation, with Autobiographical Fragments and a Selection of Letters / Ed. by c. Kenworthy-Brown, C.J. Catholic Record Society Publications. Vol. 81. L., 2008.

ЛИТЕРАТУРА

Серегина. 2002 – Серегина А.Ю. Английская благочестивая литература рубежа XVI–XVII вв., религиозная полемика и обращения в «истинную веру» // Книга в культуре Возрождения /под ред. Л.М. Брагиной. М., 2002. С. 118-128.

Серегина. 2003 – Серегина А.Ю. Смиренная мятежница: обращение в католичество Элизабет Кэри // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 5. М., 2003. С. 121-144.

Серегина. 2008а – Серегина А.Ю. Религиозная полемика и модели женского поведения в Англии XVI–XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 15. М., 2008. С.53-99.

Серегина. 2008б – Серегина А.Ю. Сбой системы: применение формулы *reine forte et dure* в английском судопроизводстве XVI в. // Право в средневековом мире / под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М., 2008. С.224-249.

Серегина. 2010 – Серегина А.Ю. Религиозное образование мирян-католиков в Англии конца XVI в.: катехизис виконта Монтегю (1597 г.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 31. М., 2010. С. 186-200.

Серегина. 2011 – Серегина А.Ю. Историописание в женских монастырях: «Хроника» конвента Св. Моники (XVII в.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 19. М., 2011. 119-147.

Серегина. 2012а – Серегина А.Ю. Женщины-католички в Англии XVI–XVII вв.: публичная роль в частной сфере? // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 20. М., 2012. С. 83-115.

Серегина. 2012б – Серегина А.Ю. католического сообщества // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 40. М., 2012. С. 51-63.

Серегина. 2013 – Серегина А.Ю. Репрезентации женской религиозности и эпистолярные практики в XVII в. (Луиса де Карвахаль и Мэри Уорд) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 21. М., 2013. С. 60-91.

Серегина. 2014 – Серегина А.Ю. Защитник веры и уличный проповедник: Луиса де Карвахаль в Лондоне начала XVII в. // Одиссей — 2013. М., 2014. С. 57-89.

Серегина. 2016 – Серегина А.Ю. Английская аристократка на политической сцене: «Биография» леди Джейн Дормер // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М., 2016. Вып. 77 (3–4). С. 354-367.

Серегина. 2017а – Серегина А.Ю. Английское католическое сообщество XVI–XVII вв.: виконты Монтегю. М. – СПб., 2017.

Серегина. 2017б – Серегина А.Ю. Монахиня и Инквизиция. Почитание Мэри Уорд в XVII в. // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2017. М., 2017. С. 115-144.

Bloom. 2007 – Bloom J. Voice in Motion: Staging Gender, Shaping Sound in Early Modern England. Philadelphia, 2007.

Boer. 2013 – Boer W. de. The Counter-Reformation of the Senses // The Ashgate Research Companion to the Counter-Reformation / ed. by A. Bamji, G.H. Janssen, M. Laven. Farnham, 2013. P. 243-258.

Bossy. 1975 – Bossy J. The English Catholic Community, 1570-1850. L., 1975.

Cadden. 1995 – Cadden J. Meanings of Sex Difference in the Middle Ages. Cambridge, 1995.

Dillon. 2002 – Dillon A. The construction of Martyrdom in the English Catholic community, 1559–1603. Aldershot, 2002.

Eurich. 2016 – Eurich A. Women in the Huguenot Community // A Companion to the Huguenots / ed. by R. A. Mentzer, B. Van Ruymbeke. Leiden, 2016. P. 118-148.

Hunt. 2010 – Hunt A. The Art of Hearing: English Preachers and Their Audiences, 1590-1640. Cambridge, 2010.

Karant-Nunn. 2010 – Karant-Nunn S. The Reformation of Feeling: Shaping the Religious Emotions in Early Modern Germany. Oxford, 2010.

McClain. 2004 – McClain L. Lest We Be Damned: Practical Innovation and Lived Experience among Catholics in Protestant England, 1559–1642. Chicago, 2004.

Milner. 2011 – Milner M. The Senses and the English Reformation. Farnham, 2011.

Religion. 2013 – Religion and the Senses in Early Modern Europe / ed. by W. de Boer. C. Goettler. Leiden, 2013.

Rowlands. 2009 – Rowlands M. Harbourers and Housekeepers: Catholic Women in England, 1570–1720 // Catholic Communities in Protestant states: Britain and the Netherlands c. 1570-1720 / ed. by B. Kaplan, B. Moore, H. Van Nierop, J. Pollmann. Manchester, 2009. P. 200-215.

В.С. Трофимова

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС И ЖЕНСКАЯ НЕМОТА В НОВЕЛЛЕ АФРЫ БЕН «НЕМАЯ ДЕВА»

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: женский голос, немота, молчание, Афра Бен, «Немая дева», Шарль Перро, Катрин Бернар

АННОТАЦИЯ: в статье рассматриваются функции женского голоса и женского молчания в новелле первой профессиональной писательницы Англии Афры Бен «Немая дева». Новелла рассматривается в контексте других произведений европейской литературы конца XVII века, прежде всего, сказок Шарля Перро и Катрин Бернар. Отмечается уникальность произведения Бен: в период Реставрации (1660–1689) появилось еще только одно произведение, в котором фигурирует немая (притворяющаяся немой) — пьеса Джона Лейси «Немая леди». Рассматриваются основные произведения XVI–XVII веков, посвященные обучению глухонемых, прежде всего, английских авторов. Женская немота в представлении Бен является несовершенством, в то время как голос связан с естественными человеческими привязанностями, например, с любовью к брату. Тема соблазна в новелле связана со зрением, а не со слухом. Голос позволяет выразить чувства, открыть истину и оправдать преступника.

Новелла Афры Бен «Немая дева, или Сила воображения» (*The Dumb Virgin, or The Force of Imagination*) была опубликована после смерти писательницы в 1700 году. Центральные персонажи новеллы — две сестры, Бельвидера и Мария, а также их потерянный брат Денжефильд. Каждая из сестер имеет собственное увечье: Бельвидера горбата, ее фигура уродлива, а Мария нема от рождения. Афра Бен, противопоставляя двух девушек, показывает очарование женского голоса и могущество внешней красоты. Особый интерес пред-

ставляют характеристики голоса Бельвидеры, которые дает Бен, и молчание Марии.

Новелла «Немая дева» редко привлекает внимание исследователей. Обратим внимание на вторую главу книги Кетрин Крафт-Фейрчайлд «Маскарад и гендер», озаглавленную «Темная сторона маскарада». Автор акцентирует внимание на конфигурации персонажей в новелле, отношениях матери и сына и неполноценности обеих дочерей. Бельвидера и Мария являются «взаимодополняемыми половинками» — соединением «красоты» и «остроумия»¹. Новелла Бен, по мнению исследовательницы, концентрируется на проблемах, связанных с человеческой сексуальностью, и показывает опасности сексуального самовыражения женщины².

На наш взгляд, новелла Афры Бен «Немая дева» примечательна переплетением трех главных тем — инцеста, материнского воображения и собственно немоты — неспособности говорить. Тема любовной связи между братом и сестрой, не знавшими о своем родстве, получила широкое распространение в европейской литературе — от античной трагедии до английского готического романа XVIII века, от Эдипа до героев Горацио Уолпола и Метью Льюиса. Подобные случаи бывали и в реальной жизни, о чем свидетельствуют эпитафии на надгробных плитах в Германии и во Франции³. В средневековой Европе тема инцеста связывалась с именем Иуды Искариота, который, согласно распространенной легенде, убил родного отца и женился на собственной матери. В новелле Бен герой также убивает отца, но вступает перед этим в преступную связь не с матерью, а с сестрой.

1 Craft-Fairchild. 2010: 30.

2 Craft-Fairchild. 2010: 34.

3 Baum. 1916: 605-607.

Если говорить о взаимосвязи состояния матери и будущего ребенка, надо отметить, что этот вопрос поднимался во многих медицинских сочинениях XVII века. Авторы книг по медицине полагали, что женщина формирует дитя с помощью собственного воображения. В рождении уродов винили, прежде всего, матерей. Медики считали, что к такому исходу могли привести сексуальные отношения в «запретные дни» и, конечно, материнское воображение. Любой внезапный испуг мог повредить зародышу. Женщины боялись различных случайностей: например, перебежавший будущей матери дорогу заяц мог стать причиной заячьей губы у ребенка. Такого рода наивные представления и поверья, характерные для эпохи, нашли свое отражение в новелле Афры Бен. Между тем, вторая часть названия новеллы — «Сила воображения» — при более внимательном прочтении соотносится не только с темой губительности материнского воображения. Уникальной эту новеллу делает образ главной героини — девушки, от рождения лишенной речи. Это явление для литературы того времени в высшей степени необычное. Как установили исследователи, в период Реставрации было опубликовано еще только одно произведение, где речь также шла о немой — пьеса Джона Лейси «Немая леди, или Кузнец, ставший врачом» (*The Dumb Lady: or, The Farriar Made Physician*, 1672). Однако в пьесе Лейси героиня только притворяется немой. Обращение Афры Бен к столь необычной теме и ее настойчивый интерес к языку жестов (который дает о себе знать не только в новелле, но и в комедиях писательницы) позволили исследовательнице Джанет Тодд предположить, что ее брат Джордж был глухим⁴. У нас нет достаточных доказательств этой гипотезы. Однако Афра Бен

4 Todd. 2000: 437, note 15.

могла быть прямо или косвенно знакома с трудами предшественников и современников, посвященными вопросу обучения глухонемых. Героиня новеллы не глухонемая, а немая, у нее, возможно, поражены нервные центры. Во времена Афры Бен и глухих, и немых если и обучали, то обучали вместе. Интересным источником сведений об обучении глухонемых в Европе является работа Н. Лаговского 1915 года, а также «История сурдопедагогики» А.Г. Басовой и С.Ф. Егорова 1984 года издания.⁵

В новелле Афры Бен «немая дева» Мария общается с сестрой Бельвидерой с помощью «языка пальцев», то есть дактилологии — языка глухонемых.

Я не осмелюсь утверждать, что она изобрела его [язык пальцев—*В.Т.*] (хотя, возможно, он и был изобретением этих искусных сестер)», — пишет Бен, — но я уверена, никто до нее никогда не доводил его до такого совершенства⁶.

Однако кроме Бельвидеры, никто из героев новеллы не владеет этим искусством и не способен общаться с Марией на языке знаков.

Рисунки ручной азбуки присутствовали еще в латинском издании рукописи Беды Достопочтенного «Краткое описание дактилологической речи», изданном в Регенсбурге в 1532 году. В 1620 году в Мадриде была издана книга Хуана-Пабло Бонета «О природе звуков и искусстве научить глухонемого говорить». Во второй части книги описывается дактилологическая азбука. Прежде чем приступить к изучению звуков, а целью Бонета было обучение глухонемых устной речи, он проходил со своими учениками именно дактилологическую азбуку.

5 История. 1915, Басова. 1984.

6 Behn. 1915: 173.

В Англии в первой половине семнадцатого века Дж. Бульвер издал сочинение под названием «Хирология» (дактилология) и приложение к ней «Хирономия» (жестикулляция или мимика) (1644 г.). Известный сурдопедагог начала XX века Н.М. Лаговский пишет:

В этом сочинении указывается, что некто Баббингтон, из графства Эссекс, хотя и утратил слух от болезни, но возможности общения с другими людьми все-таки не потерял. Его жена разговаривает с ним посредством ручной азбуки и может беседовать с ним даже в темноте, предоставляя мужу угадывать положение и движение пальцев путем осязания⁷.

Четыре года спустя Бульвер издал другое сочинение под названием «Философ или друг глухонемых» (1648 г.). По его мнению, глухонемой обладает замечательной ловкостью объясняться жестами, откуда и произошел особого рода язык, который дает ему возможность общаться и со слышащими людьми. Обучать глухонемых можно также и посредством письма. Бульвер посвятил свою книгу барону Э. Гаствику из Веллингтона и его младшему брату. Оба были глухонемыми. Весьма вероятно, что Бен была знакома с работами Бульвера, и история Баббингтона поразила ее воображение. Математик Джон Валлис считал себя основателем школы обучения глухонемых в Англии. В 1660 г. и 1661 г. Валлис обучал двух совершенно глухих устному языку и чтению с губ. Других он обучил письму. Впоследствии Валлис стал относиться к устной речи скорее отрицательно. Средством объяснения с глухонемыми он считал дактилологическую азбуку. Пять гласных звуков, *a, e, i, o, u*, можно, например, обозначить, указывая на концы пяти пальцев, а другие буквы обозначить какими-нибудь движениями этих пальцев. В

7 История. 1915: 26.

результате средство общения было найдено. Большое значение ученый придавал и письменному языку. Таковы источники, которыми могла пользоваться Афра Бен при написании новеллы «Немая дева».

Тема женского голоса и женского молчания в новелле Бен связана с самого начала с драматическими и трагическими событиями. Двойственность выражения женщинами горя проявляется уже в эпизоде столкновения венецианского корабля с турецкими пиратами: одни дамы «провозглашали свои горести вслух», в то время как другие, по мнению Бен, говорили о своей печали «более выразительно» — скорбным молчанием⁸. Подобное разделение меланхоликов на бурно выражающих свои эмоции и впадающих в ступор соотносится с идеями, высказанными в тридцатой главе «Проблем физических» Аристотеля (Псевдо-Аристотеля) «Об уме, понимании и мудрости». Автор трактата выделял два типа меланхоликов — «горячих» и «холодных». Супруга сенатора Ринальдо после потери сына и рождения дочери-калеки — Бельвидеры — становится «холодным» меланхоликом: она оказывается неспособной выразить горе в словах и погружается в немую скорбь. Молчание и меланхолия матери, по логике автора, приводит к рождению немой дочери Марии.

Внешняя уродливость Бельвидеры компенсируется ее умом, образованностью и, главное, умением вести беседу. Рассказчица признается, что разговаривать с ней было высочайшим наслаждением, ведь помимо острого ума и глубокого понимания, «присущих ей», сама ее речь отличалась легкостью и изяществом, что «очаровывало всех ее слушателей»⁹. Один из поклонников называет голос Бельвидеры

8 Behn. 1916: 172.

9 Behn. 1916: 173.

«сладким», а ее беседу «божественной».¹⁰ Ее манера говорить очаровывает даже «англичанина» Денжефильда, который разрывается между приятностью ее голоса и внешней красотой ее сестры Марии. Примечательно, что сам Денжефильд также привлекает женщин тембром голоса, в котором слышится «сладкий налет скромности»¹¹. Марии остается завидовать сестре, которая, в отличие от нее самой, не лишена способности говорить.

Мотив «умного» уродства присутствует в сказке «Рике с хохолком» младшей современницы Афры Бен, французской писательницы Катрин Бернар. В сказке Бернар умный уродец Рике с хохолком неспособен влюбить в себя Мами. Между тем, сама девушка, «хоть и обладала от рождения всеми чертами, составляющими красоту, выросла до того глупой, что даже и самая красота ее делалась отталкивающей»¹². Именно «разумные речи» делают ее привлекательной для поклонников: «кругом говорили лишь о ней, восхищались лишь ею»¹³.

В одноименной сказке Шарля Перро умные уродцы удваиваются. Здесь мы находим двух сестер: старшая невероятно красива, но также необыкновенно глупа и двух слов связать не может, а младшая необычайно уродлива, но удивительно умна. Те, кто встречает двух принцесс, сначала отдают предпочтение старшей, но, узнав о ее умственной отсталости, переключаются на младшую, обладающую изрядным остроумием и красноречием. Как и в новелле Бен, старшей принцессе остается только завидовать младшей. Она

10 Behn. 1916: 174.

11 Behn. 1916: 174.

12 Бернар. 1990: 140.

13 Бернар. 1990: 142.

готова стать такой же уродливой, лишь бы только научиться красиво говорить.

Перро не развивает намечающийся треугольник — Рике с хохолком и две принцессы, одна из них красивая и глупая, другая умная и безобразная. Младшая принцесса недовольна тем, что старшая начинает проявлять свой ум, и окружающие теряют интерес к ее персоне. После этого о ней более не говорится, и никакой роли в сказке она дальше не играет.

В новелле Бен обе сестры необходимы для развития сюжета. Красноречию Бельвидеры противостоит молчаливая красота Марии. Ее неспособность говорить восполняется выразительностью ее глаз. В то время как Бельвидера — полиглот и приятная собеседница, Мария — талантливая художница. Афра Бен рассказывает о том, как самый знаменитый итальянский художник пытался написать портрет девушки, но не смог передать живость ее взгляда, и тогда Мария сама нарисовала себя, глядя на свое отражение в зеркале. Кстати сказать, о способностях глухонемых к живописи упоминали еще античные авторы. Так, Плиний в своей «Естественной истории» (XXXV, 4) сообщает, что одного глухонемого по имени Педиус обучили живописи, в которой он достиг больших успехов. Адвокат и журналист Марк Валерий Массан Корвинде (род. 70 г. до н. э.) будто бы также обучил одного своего глухонемого родственника искусству живописи. Кроме живописи, Мария в новелле Афры Бен увлечена чтением — Денжефильд застаёт ее с книгой из отцовской библиотеки. Девушка не просто умеет писать, но обладает поэтическим даром. Ее послание Денжефильду — признание в любви в стихах. В отличие от Мами из сказки Катрин Бернар и принцессы из сказки Шарля Перро, Мария неспособна говорить не в силу умственной отсталости, а из-за физического недуга. Ее интеллект не страдает от ее немоты.

Как бы ни волновал Денжефильда голос Бельвидеры, естественная красота немой Марии производит на него еще более сильное впечатление. Мария являет ему «поразительное зрелище красоты» «в высших проявлениях ее чар»; соблазнительная в своей полунаготе, она заставляет его усомниться в реальности ее существования¹⁴. Между тем, Денжефильд высоко ценит женское остроумие, и решает сделать выбор в пользу Марии, если только ее ум не уступает уму Бельвидеры.

Внешняя красота будоражит воображение сильнее, чем звуки голоса. «Сила воображения» проявляется во всей полноте в эпизоде, когда Денжефильд представляет Марию как фантом — плод его фантазии. Обнаружив, что фантом является прекраснейшим созданием из плоти и крови, герой оказывается на вершине блаженства. Однако молчание Марии доставляет ему мучения; он умоляет ее сказать ему хоть слово, а новость о ее немоте воспринимает как свидетельство ее несовершенства. Голос Бельвидеры все еще волнует Денжефильда, он хочет видеть ее и надеется на взаимность. Но красота и невинность Марии «воспламеняет кровь», и он не противится соблазну насладиться любовными утехами, тем более что девушка не сможет рассказать о том, что произошло. Герой пользуется ее беспомощностью и ее увечьем, не представляя, что таким образом совершает инцест.

Новелла заканчивается сценой гибели Ринальдо и Денжефильда и самоубийством Марии. Узнав, что Денжефильд ее родной брат, девушка обретает дар речи, закалывает себя и умирает в его объятиях. Бельвидера, несмотря на случившееся, все еще способна говорить: именно она обращает внимание автора-персонажа на несчастную судьбу ее «со-

14 Behn. 1916: 176.

отечественника». Между тем, открывшаяся рассказчице страшная картина семейной трагедии лишает ее дара речи, она не может ответить Бельвидере. Ей приходится выслушать Денжефильда, который на смертном одре беспокоится о своей посмертной репутации: он умоляет рассказчицу не называть «странные повороты» судьбы «преступлениями», но считать их «несчастьями»¹⁵. Он пытается открыть бывшей соотечественнице свое настоящее имя, но голос изменяет ему, и он умирает, а рассказчица так и не узнала, как его звали на самом деле. Денжефильд — не Эдип, убегающий от своей судьбы, вполне возможно, что он новый Иуда, предатель, бежавший из Англии — страны, которую считал родиной, — в Венецию. В финале новеллы Бельвидера под тяжестью семейной катастрофы уходит в молчание, добровольно став затворницей.

Голос в новелле Афры Бен — не просто инструмент, издающий звуки, или средство обольщения. Голос придает человеку законченность. При всей распространенности во времена Афры Бен идеи о том, что женщина должна быть молчаливой, в новелле писательницы женщина без голоса является несовершенной. Как отмечает Бельвидера, Марии должно быть стыдно показываться на людях из-за ее немоты. Внешняя красота человека могущественнее чар его голоса, но она несет в себе искушение, ведущее к гибели. Тема соблазна в новелле «Немая дева» связана со зрением, а не слухом. Денжефильд лицезреет прекрасную Марию, и в нем пробуждается желание овладеть ею. Зрительный образ дает богатую пищу воображению. Голос в новелле связан с нормальными человеческими привязанностями: Бельвидера в финале воспринимает любовь к Денжефильду как есте-

15 Behn. 1916: 180.

ственную и восклицает «О, мой несчастный брат»¹⁶. Героиня — обладательница прекрасного голоса — оказывается вне паутины страстей, в которой оказались ее брат и сестра. И хотя молчание как выражение скорби может быть красноречивее слов, голос необходим для того, чтобы открыть истину, для того, чтобы сохранить память о событиях, чтобы оправдать преступника и выразить свои чувства.

¹⁶ Behn. 1916: 180.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Бернар. 1990 – Бернар, Катрин. Рике с хохолком // Французская литературная сказка XVII–XVIII вв. М., 1990. С.140-148.

Behn. 1915 – Behn A. The Works of Aphra Behn. Ed. M. Summers. London, 1915.

ЛИТЕРАТУРА

Басова. 1984 – Басова А.Г. и Егоров С.Ф. История сурдопедагогики. Москва, 1984.

История. 1915 – История обучения глухонемых в Европе. Сост. Н. Лаговский. Петроград, 1915 (Вестник попечительства государыни императрицы Марии Федоровны о глухонемых. 1915 г. № 1-5).

Baum. 1916 – Baum P. F. The Medieval Legend of Judas Iscariot // PMLA. 1916. Vol.31. P. 481-632.

Craft–Fairchild. 2010 – Craft–Fairchild C. Masquerade and Gender: Disguise and Female Identity in Eighteenth–Century Fictions by Women. University Park, 2010.

Todd. 2000 – Todd J. The Secret Life of Aphra Behn. London and New York, 2000.

А.В. Стогова

ПОРТРЕТ ЖЕНСКОГО ГОЛОСА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ САЛОННОЙ КУЛЬТУРЕ XVII ВЕКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: голос, салонная культура, литературный портрет, женская власть, галантная культура

АННОТАЦИЯ: в статье исследуется проблематика восприятия женского голоса во французской культуре второй половины XVII века в связи с формированием салонной культуры. Ее особенностями, значимыми для данной работы, является особая роль женщин и статус беседы как основы светского общения, что позволяет изучать ее как новое пространство женского голоса. В статье анализируются характеристики женских голосов, появляющиеся в литературных портретах, которые, в свою очередь, являются порождением салонной культуры. В центре внимания автора находится проблема несовпадения значения и звучания произносимых слов как основы механизма женской манипуляции мужчинами, которую поднимает Шарль Перро в необычном для жанра литературных портретов «Портрете голоса Ирис».

Тема звучащего голоса во французской культуре XVII века на самом деле разработана довольно хорошо, есть несколько работ и сборников, посвященных этой теме¹. И исследователи выделяют три основных традиции, связанных с устным словом — народную, религиозную и ученую, и два основных дискурса, в которых в XVII веке проявляется тема голоса. Это формирующийся научный медицинский дискурс, в котором голос рассматривается как естественное природное явление, связанное со строением организма, зависящее от пропорций

1 См. список литературы к статье.

тела и жидкостей в организме, и от воздействия на речевые органы животных духов, т.е. он оказывается непосредственно связан с проблемой страстей, их выражения с одной стороны, и воздействия на них — с другой. В XVII веке возникают объяснения различия голосов людей разного строения и темпераментов, и голосовых проявлений эмоциональных состояний. Знаменитый философ Марен Мерсенн в 1630-е годы предлагает идею о том, что голос можно использовать для распознавания страстей и создать аналог физиогномики, который он называет фонископией, нужно только зафиксировать какой голос соответствует определенной страсти².

Второй дискурс связан с представлением голоса как явления культурного: как то, чем можно управлять, для достижения своих целей, что возможно совершенствовать или подчинять определенным требованиям. В многочисленных сочинениях по риторике и пению голос предстает как инструмент «устной интерпретации речи с опорой на соответствующие жесты, мимику, взгляды»³, в котором это соответствие играет решающую роль. И голос, и мимика и жесты не должны противоречить значению вербального сообщения, но дополнять и усиливать воздействие произносимых слов.

Эти два дискурса, конечно, пересекались. По словам Патрика Дандрея, голос служил подтверждением одновременно плотской и божественной сути человека:

Располагаясь где-то на полпути между животным, чьи крики лишены смысла, и ангелом, мысли которого передаются без помощи звуков, человеческое существо проявляет посредством голоса одновременно и тело, и душу⁴.

2 См. об этом: **Dandrey**. 1990.

3 **Fumaroli**. 1990: 8.

4 **Dandrey**. 1990: 15.

Филипп–Жозеф Салазар в ключевом исследовании феномена голоса во французской культуре XVII века отмечает постоянное колебание между вокальной, т.е. более телесной, интерпретацией голоса и «словесной» или риторической⁵. Причем, как отмечает исследователь, эти два значения не покрываются полностью пением и риторикой, но показывают даже колебания внутри этих дискурсов⁶. Они становятся особенно очевидны к концу столетия, когда трактаты по риторике, как например известный трактат Бернара Лами «Искусство говорить», включали в себя разделы о строении речевых органов. Но даже уже у Мерсенна изучение и фиксация голосовых проявлений страстей возникает в связи с теорией музыки, для того, чтобы певец интонационно достоверно воспроизводил те или иные эмоциональные состояния, а его голос можно было считать как текст.

Трактаты, связанные с наукой, медициной и искусством красноречия считаются основными типами сочинений, в которых в культуре XVII века появляется обсуждение голоса. По крайней мере до последней трети XVII века, поскольку в 1670-е г. были поставлены первые французские оперы, что породило волну рассуждений о вокальном искусстве. Однако с середины столетия отдельные рассуждения о голосе появляются в контексте салонной, галантной культуре, ставящей в центр внимания искусство диалога, беседы как основного светского развлечения (это не только само общение, но и романы, построенные как бесконечные беседы и рассказывание историй, и, в конце концов, рассуждения о том, как должна строиться светская беседа). Исследователи нередко рассматривают салонную культуру (в которой женщины иг-

5 Salazar. 1995: 180.

6 Salazar. 1995: 155-196.

рали особую роль) как новое пространство женского голоса, и это предоставляет возможности изучать этот голос не только в дискурсивном значении. Как отмечает Мириам Мэтр, исследование этого аспекта салонной культуры

предполагает, что следует принять во внимание все составляющие ситуации: вербальное и невербальное общение, интонацию, жестикуляцию, коды пространственного поведения, туалеты, пространство и его характеристики и т.п.⁷

В первую очередь в литературе, которая ассоциируется с салонной культурой, заметен интерес к голосу как к характеристике человека и его эмоционального состояния. В пасторальном романе «Астрея» Оноре д'Юрфе (впервые издававшемся частями в 1607–1633 г.), тема голоса нередко возникает в связи с тем, какое воздействие он оказывает на слушателя, обыгрывается идея индивидуальности и узнаваемости голоса, искусства управления голосом в связи с музыкой⁸. В другом ключевом романе — «Клелия» мадемуазель де Скюдери — голос нередко упоминается для характеристики персонажей и том числе в характеристиках, которые разрастаются в особый жанр внутри романа — литературного портрета⁹. Этот жанр получил популярность после выхода первой части «Клелии» начинают появляться сборники портретов, а сообществом, развивавшим эту моду, стало окружение мадемуазель де Монпан-

7 Maitre. 1999: 459.

8 См., например: D'Urfé. 1612: 124, 165, 176, 260, 300, 397.

9 Это был роман à clé, в котором под вымышленными именами пастухов и пастушек были описаны известные светские люди, и читатели — безусловно представители довольно узкого придворного и салонного сообщества — угадывали их по описанию. См. голосовые характеристики в портретах персонажей: Scudéry. 2001-2005: I, 317 (princesse Tullie); III, 67 (Herminius); III, 297 (Mérianndre); III, 301 (Lindamire); IV, 68 (Elismonde); IV, 475 (Mélinthe); V, 199 (Mélisante).

сье¹⁰. И в 1659 г. выходит сразу несколько сборников этих портретов, так или иначе связанных с салоном Великой Мадмуазель.

Во многих из них одной из характеристик человека оказывается голос, но, как и в романах, это характеристики очень краткие, настолько, что они не привлекли внимания исследователей. В наиболее подробной работе о литературных портретах XVII века Жаклин Плантье выделяются некоторые типажи, по которым выстраиваются образы конкретных людей и черты, из которых они складываются (эти портреты содержали описание как внешнего облика так и личностных качеств). Но Плантье вообще не упоминает о голосе как сколько-нибудь значимой характеристике. Между тем она встречается довольно часто. Причем, в «Клелии» 5 из 7 портретов, в которых упоминается голос, оказываются женскими¹¹, а в одном из первых сборников портретов, который взят за основу в данном исследовании¹², только 2 из 26 портретов с голосовой характеристикой оказались мужскими. Иными словами, голос оказывается частью именно женского образа и в большинстве случаев речь идет о голосе, звучание которого приятно для слуха окружающих:

10 Анна-Мария-Луиза Орлеанская герцогиня де Монпансье (1627–1693) — племянница Людовика XIV, носившая титул Великая Мадемуазель (la Grande Mademoiselle), богатейшая наследница Франции. Была отправлена в ссылку из-за активного участия в событиях Фронды, но получила возможность вернуться в 1657 г. и стала хозяйкой одного из самых известных салонов второй половины XVII века.

11 См. сноску №9.

12 Было сделано несколько подобных изданий и переизданий, большая часть портретов кочевала из одного в другое.

[она обладает] милым (joly) голосом¹³; она хорошо поет и хотя обладает не самым сильным и не самым красивым (belle) голосом, слух безусловно обманет вас, если не сочтет его одним из самых сладких (douce) и чарующих (charmante)¹⁴; «у меня довольно приятный (agreable) голос¹⁵.

Это любопытно само по себе, поскольку шевалье де Мере, один из теоретиков салонной культуры и «достойного» поведения, обращает немало внимания на аудиальную составляющую как важную часть приятной беседы, значимую для всех ее участников. В первую очередь его интересует речь — выбор слов и выражений (не помпезная и напыщенная речь педантов–«риторов», но и не простота и грубость), акцент, произношение и т.д., но он обращает внимание и на само звучание голоса. Мере прописывает ряд общих норм, которые позволяют говорить о том, что салонной культуре было свойственно особое вербальное, но также вокальное поведение, которое, как и отмечала М. Мэтр, включено в общее понятие «приятности общения», подразумевавшее и суть беседы, и сообщество, и манеры общения:

Следует употреблять как можно больше простых и легких выражений, но мы оценим их лишь в сочетании с приятным видом и чистотой языка, и в особенности, если манера речи способствует легкому пониманию.¹⁶

Мере ставит в центр внимания «приятность общения», достигнуть которой возможно, только если это является целью всех участников, и они готовы прилагать усилия для ее достижения. Соответственно, каждый должен подстраивать

13 **Recueil**. 1659: 221 (Portrait de la mademoiselle la Vriliere fait par le Monsieur l'abbé de Tonerre).

14 **Recueil**. 1659: 244 (Portrait d'Olympe a M. D. CH.).

15 **Recueil**. 1659: 851 (Portrait d'une dame de condition de la ville de Caen, fait par elle-mesme).

16 **Méré**. 2008: II. 106 (De la conversation).

свои манеры и речи, и их звучание таким образом, чтобы они были приятны окружающим:

Следует, чтобы в беседе движения души были сдержаны и, в той же мере, в какой следует стремиться, насколько это возможно, избегать всего мрачного и печального, чрезмерная веселость также кажется мне неуместной. И в большинстве разговоров не следует ни повышать, ни понижать голоса относительно среднего уровня, определяемого темой и обстоятельствами.¹⁷

Однако, в этих усилиях, любая показная чрезмерность достойна не меньшего осуждения, чем небрежение. Как отмечал один из исследователей, «умеренность и скромность — необходимые качества светской беседы, и соответствуют предпочтению «среднего» стиля»¹⁸. В этой связи у Мере возникает рассуждение о «сладкой» или «нежной» (*douce*) манере общения, в особенности с дамами, которая представляется ему «дурным вкусом»,¹⁹ ибо слишком напоминает лесть:

Я знавал людей довольно суровой наружности, которые рычали подобно львам, и в разговоре издавали звуки, вызывающие ужас, наподобие трубы Астольфа²⁰. Однако, это никого не шокировало и не вызывало тревоги, я видел, что они легко нравились и были хороши с дамами, хотя последним обычно нравятся сладкие речи. Но еще больше они ценили то, что под гордой наружностью скрывалось благородное сердце и мягкие манеры. Напротив, искусственная мягкость злобной женщины и мнимого достойного человека вызывают ненависть.²¹

Как отмечает Стефани Бунг, «согласно логике де Мере, голос в меньшей степени является инструментом убеждения

17 **Méré.** 2008: II. 103-104 (De la conversation).

18 **Albert.** 1990: 150.

19 **Méré.** 2008: II. 125 (De la conversation).

20 Астольф — персонаж эпоса о Роланде. Обладал различными волшебными предметами, в том числе и трубой, издававшей столь громкие звуки, что все враги дрожали от ужаса.

21 **Méré.** 2008: II. 125-126 (De la conversation).

сообразно риторической традиции (такой, какую он знал), нежели инструментом выражения»²² того, что происходит в уме и сердце собеседника. Однако, продолжает исследовательница, поскольку для того, чтобы быть понятым, необходимо сначала быть услышанным, можно сделать вывод, что в таком понимании голос вновь становится инструментом убеждения, но более мягким и незаметным, нежели это предполагает риторика. И коль скоро основным предметом обсуждения в салонах были различные формы привязанности, возникает параллель между говорением и соблазнением. С. Бунг, анализируя тексты шеваляе де Мере приходит к выводу, что его «высокая оценка беседы не означает неизбежной валоризации женского голоса» и возможно сравнение воздействия голоса с соблазнением, но речь идет не более, чем о сравнении, которое не делает «голос метафорой гармоничных отношений между мужчинами и женщинами в салонах»²³.

Однако сравнение с литературными портретами позволяет говорить о том, что сопоставление звучания голоса с соблазнением в действительности скорее выявляет некоторую напряженность в отношении женского голоса и возможностей его использования.

Женский голос не просто «приятен» и «нежен», его вокальные свойства напрямую связаны со страстностью женской природы:

Как я уже сказал, ее голос звучит нежно и страстно, и невозможно отрицать, что его основой является сердце (ибо, как вы знаете, сударь сердцем говорят в той же мере, что и ртом).²⁴

22 Bung. 2012: 340.

23 Bung. 2012: 342.

24 Recueil. 1659: 249 (Portrait d'Olympe à M. D. CH.).

Но при этом женский голос еще и обладает властью над слушателем. В портретах нередко встречаются такие характеристики, как «трогательный» (*touchante*)²⁵ — способный оказывать воздействие вне зависимости от произносимых этим голосом слов:

Арии, ... которые она божественно исполняет сама голосом, чья чарующая (*touchante*) красота увлекает и восхищает нас.²⁶

Соединив эти две особенности, мы получим женский голос, который в первую очередь как раз и является инструментом, возбуждающим страсти:

Но кто нам сможет объяснить,
Как бог, что заставляет всех любить,
Прекрасным пользуется голосом ее?
Известно всем, что этот победитель
Опасен наиболее тогда,
Когда сей голос трогает сердца.²⁷

Эти аспекты восприятия женского голоса отмечаются в исследовании Сары Нанси в связи с проблемой женского голоса и эстетического удовольствия в ранней французской опере²⁸. Она отмечает, что в целом восприятие музыки и пения отсылало к позиции Аристотеля о том, что звук противоположен логосу и воздействует на «страсти», т.е. эмоции. И женское пение связывалось с чувственностью и сексуально-

25 **Recueil.** 1659: 475 (Quoy qu'elle nait pas la voix d'une grande étendue, elle l'a pourtant fort touchante, et chante fort agreablement. Portrait d'Iris fait par Belize. Pour Madame ***).

26 **Recueil.** 1659: 569 (Portrait de la comtesse d'***** sous le nom de Diane, fait par le Monsieur Perin).

27 **Recueil.** 1659: 414 (Portrait de madame de Visse sovs le nom de la belle Iris, fait par Mad. Bignon la jeune).

28 Первая французская опера была поставлена в 1673 г. (музыка Ж-Б. Люлли, либретто упоминаемого далее Филиппа Кено). Особенностью французских постановок долгое время было отсутствие женщин на сцене, все партии исполнялись мужчинами.

стью. При этом, дебаты о французской опере конца XVII — начала XVIII века демонстрируют основной страх, который был связан с женским голосом:

Очевидно, что даже в текстах, выразивших наибольшую настороженность, осуждалось не удовольствие (даже напротив, следовало оправдывать все ожидания на его счет), но нестерпимая угроза поражения логоса. [...] Несложно заметить, что ключевую роль в текстах о музыкальной трагедии играла отсылка к женскому началу. Можно сказать, что в этих работах она была обратно пропорциональна музыкальному присутствию женского голоса. Не в силу того, что в этой отсылке заключается ключевая проблема певческого голоса, а потому, что она делает очевидной связь между поэтикой и этикой в особом моменте удовольствия от прослушивания.²⁹

Наиболее ярким текстом, подтверждающим рассуждения исследовательницы, является знаменитая десятая сатира Николя Буало против женщин, в которой он отмечает, что приятность звучания, которая у женщин связана с искушением, с воспламенением страстей входит в противоречие с речью, с содержанием послания, заложенного в тексте стихов³⁰. Но и многие тексты, даже весьма далекие от проблем оперы, демонстрируют напряженность в соотношении звука и слова, звучания и значения, когда именно звучание женского голоса отдельно от смысла произносимых ею слов ассоциируется с соблазнением, тогда как в мужском пении (даже если оно является формой галантного ухаживания) главным оружием выступало слово, а голос, как и полагается, усиливает его воздействие³¹.

Шевалье де Мере лишь вскользь затрагивает эту проблематику и не связывает ее с женщинами, которые в его

29 Nancy. 2012: 176-177.

30 Boileau-Despreaux. 1966: 66.

31 См., например, как это проявляется в жанре «модной гравюры»: Стогова. 2015: 145.

рассуждениях вообще, как правило, представлены в качестве пассивной стороны, объекта воздействия речей и манер мужчин. В выстраиваемой им картине «приятной беседы» звучание голоса должно коррелировать с одной стороны с содержанием и обстоятельствами беседы, с другой — с качествами, присущими человеку. Он отмечает, что даже прекрасного голоса недостаточно, чтобы получать удовольствие от пения человека, необходимо, чтобы тот еще был «человеком весьма достойным». Только тогда его голос можно счесть приятным и только «благодаря этому качеству, возникает все то, что мы более всего любим в пении, даже если человек мало сведущ в музыке».³² Иными словами, приятность связана с гармонией, непротиворечивостью между самим человеком, сутью его высказывания и звучанием его голоса.

Однако в другом своем рассуждении «О беседе и красноречии» Мере противопоставляет людей, которые обладают наигранными манерами и, подобно ораторам, «хотят привлечь внимания», иным, которые действуют мягко и незаметно». И хотя речь идет о том, что манеры вторых лучше позволяют привлечь слушателей и более способствуют пониманию их речей, Мере оказывается очень близок к идее манипулирования голосом:

Это стремление и желание проявить себя вызывает неудовольствие даже у самых терпимых. И по моим наблюдениям, если те, кто имеют счастливую возможность говорить, не повышают чрезмерно голоса и не сообщают секреты очень тихо, словно тайну, их слушают так, как они того и хотели. Приятные новости, сообщаемые небрежно, привлекают внимание людей, которые возможно и не подошли бы, если бы вы искали их внимания. Это еще раз напомнило мне, что не следует никого просить о любви, ни о других вещах, которые можно получить, не выражая свое крайнюю потребность, но заставляя желать, посредством прият-

32 **Méré.** 2008: II. 111 (De la conversation).

ных и трогательных манер. Это весьма неплохое средство завоевать расположение, в особенности в любви.³³

Эта напряженность между благородством и приятностью с одной стороны и голосовым поведением как средством манипуляции с другой не случайно оказывается связана с «галантной» и женской проблематикой. Литературные портреты вскрывают страх перед женским голосом как средством манипуляции мужчинами, инструментом их власти. Наиболее показательным в этом отношении является портрет, который существенно выбивается из общей массы и это понятно даже по названию — «Портрет голоса Ирис». Он написан Шарлем Перро, на тот момент еще почти никому не известным молодым человеком. Этот текст является продолжением «Портрета Ирис», авторство которого поначалу приписали другу Перро Филиппу Кено, который совсем скоро станет известен как драматург, а затем и либреттист Жана-Батиста Люлли³⁴. Этот первый текст был довольно популярен, и о нем есть несколько свидетельств. В том числе автор другого портрета, говорит о том, что подражает «картине, нарисованной галантным Перро (хотя вы утверждали, что это господин Кено)»³⁵.

В письме, которое предваряет стихотворный текст портрета голоса Ирис, автор как бы отвечает на высказан-

33 **Méré.** 2008: III. 119 (De l'éloquence et de l'entretien).

34 Перро рассказывает эту историю в своих мемуарах, говоря, что отдал рукопись своему хорошему знакомому. Тот показал его своей возлюбленной, которая решила, что портрет посвящен ей, а вскорости Перро обнаружил, что его текст приписывают Кено. В конечном счете авторство выяснилось, а Перро написал следующий текст, который выглядел продолжением первого. **Perrault.** 2001 : 24-25.

35 **Recueil.** 1659: 556 (Portrait d'Amarante, fait par M. de Lignieres).

ный ему упрек, что в первом портрете о голосе ничего не сказано³⁶.

В портрете голоса Ирис мы видим сложную структуру, основанную на смешении жанров — письмо и поэтический портрет³⁷. Но более интересно другое его усложнение. Общим местом литературных портретов (и для литературы XVII века в целом) была отсылка к живописи, сходству языка литературы и живописи³⁸. Наверное, только Лессинг во второй половине следующего столетия будет пытаться уйти от этой идеи и провести различие поэтического и живописного языка³⁹. Перро пытается обыграть то, что кажется очевидным и стало общим местом, но, коль скоро речь идет о портрете голоса, добавляет еще и музыку: речь идет теперь о том, чтобы языком слова, подражающим языку красок и линий, изобразить красоту звука. Перро то и дело обыгрывает это взаимодействие. Сам портрет начинается с того, что автор высказывает желание «воспеть красоту (châte les beautez) несравненного голоса»,⁴⁰ звучание которого настолько хорошо, что ревнивые музы покидают поэта, не желая создавать стих — воспевать пение. На что поэт отвечает, что это его не остановит, он вложит в портрет столько красоты, нежности и прелести, что он будет походить на оригинал.

36 **Recueil.** 1659: 743 (Billet a Mle*****, en luy enuoyant le Portrait de la Voix).

37 Через год в 1660 г. Перро напишет еще один текст, построенный по такому же принципу — это «Диалог Амура и Дружбы». Он состоял из самого диалога и предваряющего его письма, в которые в свою очередь были включены портреты, в том числе в стихах, и генеалогии. О нем см.: **Стогова.** 2008.

38 См. об этом: **Plantié.** 1994: 115-144.

39 **Лессинг.** 1957.

40 **Recueil.** 1659: 745 (Portrait de la Voix d'Iris).

Он подчеркивает, что речь идет не о самой Ирис, через это сложное превращение художественных языков в портрете описывается красота голоса. Но на самом деле это основная уловка Перро, основанная на том, что слово голос во французском языке женского рода, и как только появляется местоимение *Она*, в тексте тут же возникает сомнение (на котором играет автор) — идет ли речь о голосе или о женщине. По сути дела портрет голоса превращается в портрет самой Ирис.

Подобная двусмысленность — еще одна черта, отличающая этот портрет. Более или менее ироничные, подмечающие не только достоинства, но и недостатки, портреты в сборнике 1659 г. в целом подчинены единой моде, идущей от «Клелии» мадемуазель де Сюдери и не предполагающей явной насмешки. Жаклин Плантье отмечает, что даже те три автора портретов, чьи последующие тексты в скором времени вызовут скандалы, как порочащие репутацию тех или иных лиц, — это Ф. де Ларошфуко, Ш. де Сент-Эвремон и Р. Бюсси-Рабютен, создали вполне «конвенциональные» описания, которые не ставят под сомнение само высказывание.⁴¹

Перипетии с «Портретом Ирис» привели к тому, что, обретя нового автора, он, а соответственно и «Портрет голоса Ирис», потерял свою реальную модель. Не известно, с кого писались оба портрета, и писались ли с кого-либо вообще. Возможно, именно эта ситуация позволила Перро быть несколько более вольным в своих высказываниях. Об этом свидетельствует в первую очередь само название «Портрета голоса Ирис», которое отсылает к жанру «блазонов», точнее блазонов на женское тело — поэтическому жанру, популярному на рубеже XVI–XVII веков, в которых несколько иро-

41 Plantié. 1994: 249-290.

нично и довольно фривольно воспевались отдельные части тела. Считается, что моду на этот жанр ввел Клеман Маро блазоном на прекрасный сосок.

Уже это вносит галантную проблематику, которая придает двусмысленность любым восхвалениям (и в силу этого в значительной мере дезавуирует первый хвалебный «Портрет Ирис»). Двусмысленность подчеркивается и еще одним образом, появляющимся в тексте. В последнем куплете речь идет о том, что речная нимфа, восхищенная голосом Ирис, отправилась в море, чтобы сообщить, что сирены, о чьих голосах ходит молва, ничего не смыслят в искусстве очарования или зачаровывания⁴². Для XVII века сирена — это монстр с женским торсом, соблазняющий мужчин прекрасным пением и ведущий их к гибели. Вопреки типу галантной дамы, «предающейся неге любви и света»,⁴³ который выделяет в портретах Жаклин Плантье, у Перро возникает образ женщины, которая сознательно манипулирует мужчинами, используя в качестве основных инструментов красоту и голос⁴⁴.

Весь текст посвящен описанию не характеристик голоса (красивый, нежный, приятный и т.п.), но впечатления, которое он производит. Этот голос воспламеняет душу, трогает, улаждает, радует, чарует и так далее⁴⁵. Речь не идет о голо-

42 **Recueil.** 1659: 751 (Portrait de la Voix d'Iris).

43 **Plantié.** 1994: 393.

44 У Р. Бюсси-Рабютена в «Любовной истории Галлов» — самом известном описании галантных дам, так же постоянно возникает тема женского манипулирования мужчинами, но связанная с красотой, остроумием и коварством. С образом Ирис можно соотнести основную характеристику госпожи де Шенвиль (госпожи де Севинье) из ее портрета: «Главная забота госпожи де Шенвиль — казаться тем, чем она не является». **Бюсси-Рабютен.** 2010: 86.

45 В этом отношении «Портрет голоса» прекрасно перекликается с более поздними рассуждениями Лессинга о том, что поэзия не может изобразить красоту непосредственно, но способна рассказать о воздействии

се, как отражении индивидуальности человека или эмоционального состояния, но об инструменте, способном оказывать воздействие и возбуждать страсти не содержанием речей, а самими производимыми звуками.

У Перро, как и в большинстве других портретов, голос возникает на первый взгляд только в связи с искусством пения. Однако само слово «пение» (*chant*) постоянно обыгрывается в тексте через уподобление пения воспеванию (оба значения передаются одним словом *chanter*), сравнение голоса и текста или речи и т.д. Возникает и образ зачарованного (*enchanté*) дворца, в котором в финале оказывается героиня. Само это слово во французском языке, подразумевает, что наложенные чары связаны с их озвучиванием и звучанием⁴⁶. И соответственно состояние зачарованности есть результат воздействия голоса. Но также оно отсылает к соблазну, в который ввели обманом, при помощи искусных уловок.⁴⁷

Перро говорит, что голос «сочетает природу и искусство»⁴⁸. С одной стороны — наивная сладость, сравнимая с журчанием воды и лебединой песнью, с другой — искусность, «разумная» составляющая голоса, который знает, как себя вести в той или иной ситуации — где стать повыше, где затихнуть или дать руладу, вздохнуть или даже замолкнуть, стать серьезным и т.п.⁴⁹ Поскольку это портрет голоса, он

красоты и тем самым создать в воображении читателя образ прекрасного. *Лессинг*. 1957: 233.

46 *Cayrou*. 2000: 308-309.

47 *Larousse*. 1992: 185.

48 *Recueil*. 1659: 747 (Portrait de la Voix d'Iris).

49 *Recueil*. 1659: 747-748 (Portrait de la Voix d'Iris). Elle joint l'Art à la Nature, / Et dedans tous ses mouuemens / Qu'elle regle selon les temps, / On luy viut obseruer une exacte mesure. Elle sçait quant il faut s'éleuer, s'adocir / Se taire un peu, faire un soûpir, / Quand il est à propos qu'elle soit serieuse, / Ou quand de cant frédons elle peur se joüer.

представлен как активно действующая сила, читателю нередко сложно различить, идет ли речь о голосе, который действует сам по себе, или об Ирис, которая прекрасно с ним управляется. Тем более, что сразу после этого описания, «голосового поведения», автор замечает:

Наконец, даже если она⁵⁰ влюблена без сомнения
Не перестает свет хвалить
Рассудительность ее поведения⁵¹.

Здесь возникает, но уже более эксплицитно проговоренным, то противоречие между вербальной и вокальной составляющей высказывания, которое намечается в рассуждениях шевалье де Мере. Перро демонстрирует нам, что голос, действующий «сам по себе», может быть не инструментом понимания, как это виделось де Мере при описании идеальной светской беседы, а вовсе наоборот — инструментом обмана, притворства и манипуляции.

Центральная и ключевая история, рассказываемая в «Портрете голоса Ирис», повествует о том, что дама на словах и в поведении слишком строга со своими возлюбленными, тогда как голос выказывает им всяческое сострадание:

Да кто б его необычайной сладости
И нежной, страстной томности
Любовной не любил,
С какими он сочувствует судьбе влюбленных,
Кто сей суровой Ирис так не мил⁵²?

50 В русском языке невозможно сохранить неопределенность, свойственную французскому тексту, не нарушив грамматические нормы. В данном случае сохранено местоимение женского рода, хотя оно отсылает к голосу в той же мере, что и к Ирис. Во фрагменте, процитированном ниже, использовано местоимение мужского рода.

51 **Recueil**. 1659: 748 (Portrait de la Voix d'Iris).

«Портрет» оказывается не восхвалением красоты, обычным в этом жанре, и даже демонстрацией «соблазнительности» женского голоса, за ним появляется рассуждение о галантных отношениях дамы, об искусстве обольщения и женском голосе как о намеренно используемом инструменте манипуляции чувствами мужчин. Не убеждения или понимания, а обмана и подчинения, инструменте, построенном на расхождении между звучанием и значением речи, а не на их единении. Похожие рассуждения появляются в еще одном портрете, хотя в отношении противоположной ситуации — голос оказывается более строг, чем его обладательница⁵³, что не меняет основного значения — манипуляции. Причем, если рассуждения Перро по большей части связаны с частным пением, то в других портретах женские голос и возникает и в связи с беседой и светских взаимоотношений в целом:

В остальном, хотя она не говорит ничего такого, что произносят обычно дамы, претендующие на остроумие, и в ее голосе нет ничего необычного, и она не использует словечки, призванные привлечь всеобщее внимание, она, тем не менее обладает основательным умом⁵⁴.

Это позволяет говорить о том, что авторы отмечают не просто противоречие между словом и звуком, а между речевым и голосовым поведением. С одной стороны соотношение текстов портретов с рассуждениями шевалье де Мере свиде-

52 **Recueil.** 1659: 748 (Portrait de la Voix d'Iris). Aussi qui n'aimeroit son extrême douceur, / Et cette amoureuse langueur / Tendre & passionnée / Dont elle plaint la destinée / Des Amâs qu'Iris traite avec trop de rigueur?

53 **Recueil.** 1659: 259-260 (Portrait de six suevrs). Il est vray que sa voix à soy-mesme infidele / Détruit par ses fiertez sa douceur naturelle ; / Le deuoir & l'honneur reglent ses mouuemens : / Et la seuerité des tous ses sentimens / Montre assez clairement ; que si sa voix nous touche / Elle sçait corriger les douceurs de sa bouche, / Et que si ses beautez font naistre des desirs, / Elle arrete en chemin les plus hardis soupirs.

54 **Recueil.** 1659: 794 (Portrait de Mademoiselle de St Beuve).

тельствует о том, что салонная культура выработала и особый стиль речи и манер, и своеобразную культуру голоса, которая должна была способствовать общей приятности беседы. С другой — о том, что внутри этой же культуры возникают опасения, касательно такого (сознательного) использования голосовых возможностей, которое можно рассматривать как заведомое манипулирование. И учитывая разнообразные коннотации «голоса» в культуре XVII века, эти рассуждения оказываются тесно связаны с обсуждением природы женщин и женской власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Бюсси-Рабютен. 2010 – Бюсси-Рабютен Р. де. Любовная история галлов. М.: Ладомир, 2010

Лессинг. 1957 – Лессинг Г. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. М.: Художественная литература, 1957

Boileau-Despreaux. 1966 – Boileau-Despreaux N. Oeuvres complètes. P. : Gallimard, 1966

d'Urfé. 1612 – d'Urfé H. Première partie de l'Astrée de messire Honoré d'Urfé. P. : Chez T. Du Bray, 1612, 1612.

Méré. 2008 – Méré, chevalier de. Oeuvres complètes. P. : Klincksieck, 2008

Perrault. 2001 – Perrault Ch. Mémoires d'un petit pousset. Clermont-Ferrand, 2001

Recueil. 1659 – Recueil des portraits et éloges en vers et en prose, dédié à Son Altesse royale Mademoiselle. P. : C. de Sercy et C. Barbin, 1659

Scudéry. 2001-2005 – Scudéry M. de. Clélie. Histoire romaine. Vol. I-V. P. : Honoré Champion, 2001-2005.

ЛИТЕРАТУРА

Стогова. 2008 – Стогова А.В. Любовь и дружба в галантной литературе // Французское общество в эпоху культурного перелома. От Франциска I до Людовика XIV. Приложение к ежегоднику «Средние века». Вып. 3. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 216-232

Стогова. 2016 – Стогова А.В. Дама и ее костюм в модной гравюре времен Людовика XIV // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 24. М, ИВИ РАН, 2016. С. 127-189

Albert. 1990 – Le geste et la parole dans la conversation mondaine au XVIIe siècle // Littératures classiques. 1990. №12. P. 149-152.

Bung. 2012 – Bung S. Topiques de la voix. Conversation vs éloquence dans les salons de l'Ancien Régime // Femmes, rhétorique et éloquence sous l'Ancien Régime / sous dir. de Claude La Charité & Roxanne Roy. Saint-Étienne: Publications de l'Université de Saint-Étienne, 2012. P. 333-343

Cayrou. 2000 – Cayrou G. Dictionnaire du français classique. La langue du XVIIe siècle. P. : Klincksieck, 2000

Dandrey. 1990 – Dandrey P. « La phonoscopie, c'est-à-dire la science de la voix » // Littératures classiques. 1990. №12. P. 13-76

Fumaroli. 1990 – Fumaroli M. La parole vive au XVIIe siècle : la voix // Littératures classiques. 1990. №12. P. 7-11

Larousse. 1992 – Larousse. Dictionnaire du français classique. XVIIe siècle. P. : Larousse, 1992

Maitre. 1999 – Maitre M. Les précieuses. Naissance des femmes de lettres en France au XVIIe siècle. P. : Honoré Champion, 1999

Nancy. 2012 – Nancy S. La voix féminine et le plaisir de l'écoute en France aux XVIIe et XVIIIe siècles. P. : Garnier, 2012.

Plantié. 1994 – Plantié J. La mode du portrait littéraire en France (1641–1681). P. : Honoré Champion, 1994.

Salazar. 1995 – Salazar Ph.-J. Le culte de la voix au XVIIe siècle. Formes esthétiques de la parole à l'âge de l'imprimé. P. : Honoré Champion, 1995

ЭМАНСИПАЦИЯ ЧЕРЕЗ ТВОРЧЕСТВО: ЛИТЕРАТУРНАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ ФЕМИНИННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фемининная идентичность, женское литературное творчество, дискурсивное сообщество

АННОТАЦИЯ: объективация фемининной идентичности происходит в литературном творчестве, которое мы рассматриваем как сознательный акт, отражающий желание женщин-писателей найти и реализовать свою авторскую идентичность, сформировать собственное дискурсивное сообщество и посредством литературных произведений, созданных ими, повлиять на развитие языка и литературы. Таким образом, сочинительство является одной из форм социальной практики, способом самореализации и фемининной самоидентификации. Полагая литературное творчество фемининным субъектным актом, когда писательница осознает и (вос)создает себя через свое произведение, мы видим в женском сочинительстве один из путей к интеллектуальной эмансипации женщин.

Голос женщин слышится в словах, которые они доверили бумаге
Д. Ренье-Болер¹

Фемининная идентичность является социальным конструктом, в котором аккумулированы конвенциональные и идеологические представления о фемининности в определенной культуре. Будучи динамической структурой, фемининная идентичность не является константой, зафиксированной вне времени в системе представлений о гендерных взаимоотношениях и воспроизводящейся автоматически.

1 «L'écoute des femmes passe par les mots qu'elles ont confiés à l'écrit»
Régnier-Bohler. 2006: IX.

Важно учитывать модулируемость гендера, его дуалистичный характер, поскольку он является компонентом как индивидуального, так и коллективного сознания.

Конструкционизм и социальная природа идентичности призывает рассматривать культуру и язык как факторы идентификации личности. Соотнесенность с культурными ресурсами и с дискурсивными концептами, существующими в культуре, позволяет запустить непрерывный и динамический процесс поиска личной и коллективной идентичности. Объективация идентичности, или ее реализация на каждом этапе ее формирования, является по сути «овеществлением» некой абстракции, которая становится доступной пониманию, анализу и сравнению с иными своими воплощениями. Объективация возможна лишь благодаря нарративной практике, при которой именно речь играет ведущую роль в процессе идентификации.

Современная полидисциплинарная наука *гендерология* одним из своих приоритетных направлений видит изучение с позиций дискурсивной лингвистики **гендерной идентичности говорящего человека**, которая рассматривается как динамический феномен, акцентируемый или смягчаемый в процессе речепроизводства в зависимости от коммуникативных целей. Гендерная идентичность носит конвенциональный, социально и культурно конструируемый характер. Освоение гендерной роли, зачастую неосознанное, ее инкорпорирование, или габитуализация², приводят к тому, что

2 Словари трактуют габитус, или хабитус, (лат. habitus — внешность, наружность), как внешний облик человека, его телосложение, конституцию, осанку; как наружный вид, облик животного или растительного организма, кристалла, минерала (СИС. 1988: 106). П. Бурдьё ввел понятие габитуса в терминологический обиход социологии, характеризуя тем самым взаимоотношения между социальным и личностным (Bourdieu. 1980). Вслед за

производимый отдельной личностью дискурс не просто отражает, но и создает ее гендерную идентичность.

Габитуализация гендерной идентичности свидетельствует о подверженности гендера социокультурному манипулированию и моделированию, что позволяет предположить диахроническую вариативность гендерной идентичности. Также она подтверждает теорию социальных конструкций реальности, которая «подразумевает прижизненное усвоение индивидом культурных моделей (паттернов) в процессе социализации»³.

Помимо этого, габитуализация гендера вписывается в гипотезу лингвистической относительности Сепира–Уорфа, согласно которой «люди членят мир, организуют его в понятия и распределяют значения так, а не иначе, поскольку являются участниками некоторого соглашения»⁴. Негласное и неосознаваемое соглашение конституирует определенное лингвистическое и социокультурное сообщество и кодифицируется в языковых структурах.

В рамках французской дискурсивной школы при определении *идентичности* говорящего оперируют понятиями *субъекта речи* (*Я-говорящего, sujet parlant*) и *Другого* (*Наблюдателя, Autre*). При речепроизводстве Я-говорящий сопоставляется с Другим и, таким образом, описываются отличительные черты субъекта речи. Идентичность говорящего дуалистична по своей природе, так как она конструируется в процессе высказывания в двух направлениях, независимых друг от друга, но при этом взаимодополняющих: формиру-

ним, мы понимаем габитус как систему устойчивых и передаваемых из поколения в поколение диспозиций к практическим действиям.

3 Фомин. 2003: 10.

4 Языкознание. 2000: 443.

вание *персональной идентичности* (*identité personnelle*) и *идентичности позиционирования* (*identité de positionnement*).

Для понимания объективации фемининной идентичности примем во внимание мнение французского дискурсолога П. Шародо, который предлагает разделить *персональную идентичность* на **внешнюю**, носящую психо-социальный характер: речь идет о совокупности черт, которые характеризуют индивида согласно его возрасту, гендерной принадлежности, социальному статусу, уровню аффектации и т.д.; и **внутреннюю**, или дискурсивную, описываемую с точки зрения прагматической интерпретации высказывания при помощи локутивных категорий (*modes de prise de parole, rôles énonciatifs, modes d'intervention*)⁵.

Дискурсивная стратегия говорящего является, таким образом, результатом различных комбинаций составляющих внешнюю и внутреннюю персональную идентичность индивида. Предполагаем, что в рамках женского литературного творчества персональная идентичность женщины-писателя состоит из внешней идентичности автора как личности, представителя социума определенной эпохи, а внутренняя идентичность проявляется благодаря дискурсивным характеристикам создаваемых произведений, речевому поведению героев, текстовым преобразованиям, привнесением в традиционные жанры.

При исследовании гендерной идентичности женщин-писателей следует обращать внимание на рассмотрение *идентичности позиционирования* как с формальной точки зрения (в выборе лексикона, языкового регистра, дискурсивного жанра и т.д.), так и с содержательной (в частности, в отстаивании некоторых идеологических установок, в при-

5 Charaudeau. 2002: 299-300.

верженности определенной доктрине, в сознательной или бессознательной защите некоей системы ценностей). Этот тип идентичности связан с понятием интердискурса, или «дискурсивной формации» (*formation discursive*), согласно терминологии французской дискурсивной школы. Анализируя феномен идентичности позиционирования, французские дискуртологи считают необходимым ввести понятие *дискурсивного поля* как динамического образования, состоящего из нескольких дискурсивных формаций, которые — открыто или неявно — выступают друг против друга, чтобы добиться максимальной, на настоящий момент, легитимации высказывания⁶. Идентичность позиционирования характеризует позицию говорящего в дискурсивном поле и его отношения с принятой системой ценностей в каждый момент его речепроизводства в зависимости от конструируемого им дискурса⁷.

70-е годы XX века ознаменованы кардинальными изменениями в осмыслении женского литературного творчества. До этого периода женщины-писатели воспринимались скорее как исключение из правил, «куриозитет, домашняя достопримечательность»⁸, что было обусловлено андроцентристской и андрократической политикой общества, которая отмечается на разных этапах истории цивилизации, как западного, так и (в еще большей степени!) восточного мира⁹.

Феминистски ангажированная критика и гендерно ориентированные исследования второй половины XX века заложили базы нового научного осмысления «литературной

6 DAD. 2002: 97.

7 DAD. 2002: 453.

8 Тиманова. 2014: 239.

9 Descarries-Bélanger. 1980; Pascal. 2003; Charpentier. 2010.

аномалии», как традиционно представлялось женское творчество. Как отмечала Ю. Кристева,

вероятно, возможно выявить в книгах, написанных женщинами, стилистические и тематические особенности, на основании которых следовало бы попытаться выявить специфическое отношение женщин к литературному творчеству¹⁰.

В своей работе, посвященной женскому творчеству, «L'écriture-femme» Б. Дидье представила общие черты женщин-писателей:

- авторы находятся вне института семьи (*en marge du système familial*);

- авторы используют мужской псевдоним (*recours à un pseudonyme masculin*);

- авторы слишком рано или наоборот слишком поздно дебютируют в литературе (*création précoce ou tardive*);

- их творчество носит «тайный» характер творчества, проникнуто комплексом вины (*écriture cachée, complexe de culpabilité*);

- авторы отдают предпочтение «Я-жанрам» (*genres du JE*)¹¹.

Вслед за зарубежными и отечественными исследователями¹², определим константы женского литературного творчества:

- имитация устной речи (*oralisation de la langue, privilège de la voix*), повышенную диалогичность;

- повышенное внимание к телесному (*privilège du corps jusqu' à la somatisation*);

10 «Il est éventuellement possible de distinguer dans des livres écrits par des femmes, des particularités stylistiques et thématiques à partir desquelles on pourrait ensuite d'essayer de dégager un rapport spécifique des femmes à l'écriture.» Кристева. 1977: 496.

11 Didier. 1991.

12 Cixous, Clément. 1975; Jensen. 2000, Фатеева. 2000.

- деперсонализация, открытость Другому (*dépersonnalisation, subjectivité ouverte*), обращенность к адресату, изложение собственного жизненного опыта автора и апелляция к опыту читателя, основанная на осознании общности экзистенциальных фреймов;

- осознание <себя> (*prise de conscience*).

Согласно психолингвистическому исследованию Е.С. Ощепковой, гендерно определяющими характеристиками идентификации автора являются, в частности,

- длина текста (количество слов и предложений) — у авторов-женщин она больше;

- коэффициент качества (отношение суммы прилагательных и наречий к сумме глаголов и существительных) — в женских текстах он выше¹³.

Однако было бы неверным считать, что литературное творчество женщин-писателей единообразно и существует только в рамках выше изложенных констант и характеристик. На наш взгляд, такое представление о женском авторстве является, по сути своей, дискриминационным и лишает писательниц права на много- и своеобразие.

Изучая женскую прозу и обобщая выводы различных культурологических и критических школ, польский ученый Г. Борковская предложила новую трактовку проблемы существования так называемой *женской литературы* (*women's writing, écriture féminine*). Автор первого в польской филологии исследования, посвященного женщинам-писателям, подчеркивает относительный характер разнообразных попыток описания так называемого «*женского стиля*», так как, по ее мнению, пол не детерминирует форму произведения. В ее рассуждениях представляется важной зависимость гендерной атрибуции

13 Ощепкова. 2003: 87, 112.

произведения от намеренной **само-идентификации** автора «хотя бы с помощью выбора определенной грамматической формы или <...> на другом — например, тематическом — уровне»¹⁴. Поскольку ряд языков не всегда позволяют определить пол субъекта речи по используемым грамматическим формам (например, английский и французский языки), тематический аспект самоидентификации автора художественного произведения представляется нам основополагающим. Жанровая и композиционная специфика, наряду с тематикой текстов, по мнению Е.С. Гриценко¹⁵, являются гендерно-релевантными факторами и входят в традиционный инструментарий конструирования гендерной идентичности в дискурсе. Тематическое начало, выступая в качестве дискурсогенного фактора, способно «становиться доминантой дискурса и тем самым дифференцировать его»¹⁶. Согласимся в этой связи с мнением Г. Борковской о том, что фемининность объективируется непосредственно в процессе литературного творчества.

Исследовательница выделяет несколько концепций понимания искусства, не только творческого процесса, но и его результата в виде художественного произведения:

- искусство как субъектный акт;
- искусство как игра;
- искусство как область контакта;
- искусство как переосмысление существующей действительности.

1. Искусство как субъектный акт

Анализируемый феномен женской литературы может быть соотнесен с каждой из предложенных концепций, но, в

14 Борковская. 2007: 158, подчеркнуто нами. — С.М.

15 Гриценко. 2005: 358.

16 Силантьев. 2006: 29.

первую очередь, целесообразно остановиться на понимании искусства и художественного произведения как фемининного субъектного акта. Данная концепция базируется на теории Р. Барта, получившей название «гифология» (от греч. *hyphos* — ткань, паутина), согласно которой текст «создается, вырабатывается путем нескончаемого плетения множества нитей; заблудившись в этой ткани (в этой текстуре), субъект исчезает подобно пауку»¹⁷. Женщина пишущая остается внутри конструируемого ею дискурса, неспособная дистанцироваться, скрыться или ускользнуть: что бы ни создавала женщина, она создает саму себя.

2. Искусство как игра

Женская литература может рассматриваться как игра. Принуждение к творчеству смягчается или компенсируется чувством удовольствия от творческого процесса. Как полагают приверженцы этой концепции феминистской критики, всякая литературная игра, проявляющаяся в языковых приемах (тропы, метафоры, выбор лексики), основана на гендерных различиях. Импульсом женской литературы традиционно считаются «истории любви».

3. Искусство как область контакта

Данная концепция предполагает, что творчество порождено потребностью самовыражения и контакта с адресатом (для женской литературы — преимущественно с женским), зачастую оно носит автобиографический характер и при этом открыто чужой субъектности.

Во фразе Симоны де Бовуар «женщиной не рождаются, ей становятся» (*on ne naît pas femme, on le devient*) отражается факт конструирования коллективной гендерной идентичности, в котором доминирующую роль играют воспитание и

17 Барт. 1994: 515.

социальное окружение (*l'influence de l'éducation et de l'entourage est ici immense*)¹⁸.

По мнению Н.А. Фатеевой, «тексты женской прозы ориентированы на определенный круг читателей (читательниц), связаны с определенной социокультурной нормой ожидания»¹⁹. Соблюдение нормы «текстового ожидания» объективирует, таким образом, типичные схемы фемининного речевого поведения и восприятия. Как полагают приверженцы этой концепции, произведения женщин-авторов должны быть фемининными не только по содержанию, но и по форме: писательница не только стремится к максимальному сближению с адресатом, но и сама облегчает контакт путем раскрытия собственной интимности (императив женской солидарности). Вполне допустимы использование эмоциональной лексики, резкие переходы от объектного плана к субъектному, смешение ситуационных факторов с фундаментальными.

Термин «чувство принадлежности» (*sentiment d'appartenance*) во многих трудах, посвященных проблеме идентичности, выступает синонимом коллективной идентичности и определяется как

индивидуальное осознание принадлежности к одной или нескольким референциальным группам и принятия их основных идентифицирующих черт (ценностей, моделей поведения и понимания, символов, коллективного воображаемого, общих умений)²⁰.

18 Beauvoir. 1949: 285-286.

19 Фатеева. 2000: 585.

20 «Conscience individuelle <...> d'appartenir à un (ou plusieurs) groupe(s) de référence dont l'individu a intégré un certain nombre de traits identitaires < — > valeurs, modèles comportementaux et interprétatifs, emblèmes, imaginaire collectif, savoirs partagés, etc. » *Dictionnaire de l'altérité*. 2010: 19.

Такая трактовка проблемы интересна тем, что подводит к необходимости рассмотрения феномена женской идентичности в рамках определенной социальной группы, объединенной общностью идей, ценностных доминант, стратегий поведения²¹.

В теории коммуникации группа соотнесения определяется как *малая группа (small group)*:

относительно устойчивая, небольшая по численности социальная группа, члены которой находятся в непосредственном взаимодействии друг с другом (личные контакты и т.п.), что приводит к возникновению специфических межличностных ценностей и норм²².

Таким образом, следует, что для понимания фемининной идентичности необходимо учитывать межличностное взаимодействие в группе (*interpersonal interaction*), т.е. «взаимные действия <членов группы>, направленные на соотнесение целей каждой из сторон и организацию их достижения в процессе общения»²³ в его аксиологическом аспекте.

По мнению И.В. Силантьева²⁴, социокультурный феномен *общности* людей выступает основным дискурсогенным фактором. В данном случае, вневременное творческое сообщество женщин-писателей должно толковаться шире, чем простое объединение авторов, работающих в одном жанре или принадлежащих к одному литературному течению. Писательницы посредством своих текстов как культурных знаков создают свое интеллектуальное поле, стремясь расширить круг своих читателей.

21 Михайлова. 2012: 31.

22 Викулова, Шарунов. 2008: 233, подчеркнуто нами. — С.М.

23 Викулова, Шарунов. 2008: 255.

24 Силантьев. 2006: 191.

Творческое сообщество женщин–писателей представляет собой **дискурсивное сообщество**, то есть группу лиц, объединенную общими целями, использующую устную или письменную коммуникацию для их достижения и представляющую следующие обязательные признаки:

- общие цели (*common public goals*);
- правила, регламентирующие поведение и деятельность в группе (*mechanisms of intercommunication*);
- обмен информацией (*participatory mechanisms to provide information and feedback*);
- собственная система жанров (*one or more genres in the communicative furtherance*);
- узко специальная терминология (*some specific lexis*);
- высокий уровень профессионализма (*threshold level of expertise*)²⁵.

Авторы–женщины создают собственное дискурсивное пространство, некую логическую среду, организованную в виде сложной системы, в которой сосуществуют дискурсы и дискурсивные личности, их производящие²⁶.

Необходимо провести следующее терминологическое разграничение:

- *языковая личность* — это человек, владеющий тем или иным языком, как женщины–авторы, так и женщины–читатели;

- *коммуникативная личность* – это языковая личность, участвующая в процессе коммуникации, в реальном или виртуальном взаимодействии с другими языковыми личностями. При этом коммуникация может происходить в непосредственном контакте или опосредованно, когда коммуниканты

25 Swales. 1990: 21-27.

26 Плотникова. 2011: 123-124.

отдалены во времени или пространстве. Помимо естественного языка коммуникативная личность может прибегать и к другим семиотическим системам — жестам, рисункам, музыке и т.д. Коммуникативная личность писательниц рассматривается в связи с литературной коммуникацией в рамках создаваемых ими художественных произведений.

- *дискурсивная личность* — это языковая личность, порождающая определенный дискурс «в виде непрерывно возобновляемого или законченного, фрагментарного или цельного, устного или письменного сообщения»²⁷. Дискурсивная личность уже в процессе порождения сообщения имеет четкий образ своего конкретного или социального адресата и может оставаться коммуникативной даже после своей смерти, при условии, что созданный ею дискурс остается социально значимым. В данном ракурсе рассмотрения, литература, благодаря которой осуществляется коммуникация между авторами и читателями, мыслится нами шире, чем коммуникативное пространство. Художественное произведение представляется как временное неевклидово (сетевое, или невидимое, в терминологии С.Н. Плотниковой) пространство порождения и восприятия фемининного дискурса.

4. Искусство как переосмысление существующей действительности

Согласно этой концепции, культура не носит универсальный характер, а охраняет интересы мужчины. Подобное положение дел оказывается для создателей и реципиентов культуры своего рода вызовом: необходимо демаскировать устоявшиеся механизмы культуры, изменить функционирующие каноны и дополнить традиционные модели поведения альтернативными.

27 Плотникова. 2005: 7.

Например, описываемая ситуация наблюдается в японской литературе: период истории Японии, именуемый период Хэйан (平安時代, 794–1185 гг.), означен переосмыслением отношения к китайскому языку как государственному, вытеснением его формирующимся литературным японским, получающим статус национального языка, что нашло подтверждение в небывалом расцвете прозы и поэзии на японском языке. Развитие японской литературы, как отмечает писатель, переводчик и издатель А. Мангуэль, во многом обусловлено произведениями придворных дам. Существовая в замкнутом мире японского двора, подчиняясь жестким словным и социальным ограничениям и правилам, фрейлины полагали искусство единственным способом проявить себя²⁸. Благодаря гендерно разрешенному жанру дневниковых записей, наиболее известными из которых являются дневники дам Митицуна-но Хаха, Мурасаки Сикибу, Сэй-Сёнагон, возник новый в японской литературе прозаический жанр *дзуйхицу* (隨筆, *вслед за кистью*).

Аналогичная ситуация сложилась во Франции XVII века: не претендуя занять нишу престижных жанров — трагедии, эпопеи, — женщины-писатели создали пространство для литературной самореализации. По замечанию британского исследователя Л. Сейферта, в конце XVII века большей популярностью пользовались сочинения авторов-женщин, написавших три четверти сказок французского барокко²⁹: Мари-Катрин д'Онуа (Marie-Catherine d'Aulnoy), Луизы д'Онёй (Louise d'Aulneuil), Катрин Бернар (Catherine Bernard), Катрин Бедасье-Дюран (Catherine Bédacier-Durand), Шарлот-Роз де ла Форс (Charlotte-Rose de La Force), Мари-Жан Леритье де Ви-

28 Manguel. 1998: 270-272.

29 Seifert. 1998: 192.

ландон (Marie-Jeanne Lhéritier de Villandon), Анриет-Жюли де Мюра (Henriette-Julie de Murat). Авторы-мужчины были не столь многочисленны: кроме Шарля Перро, известны сказки Шевалье де Майи (chevalier Louis de Mailly), Франсуа Нодо (François Nodot) и Жана де Прешака (Jean de Préchac). На сегодняшнем этапе литературная сказка в духе барокко стала расцениваться учеными как «преимущественно женский жанр» (*une production majoritairement féminin*)³⁰, выступив площадкой для литературного эксперимента.

М.М. Бахтин³¹ полагал, что, всякое обычное, традиционное поведение, не нарушающее стандартных общественных норм, неизбежно обречено на кризис, так как любое реальное индивидуально-сознательное действие в определенной ситуации предполагает вольное или невольное отклонение от стереотипа. В частности, кризис ритуального поведения может выразиться в форме единичного отклонения, что расценивается как нарушение норм и осуждается, но может приобрести и более существенный характер в виде «регулярного отклонения от ритуала значительной части членов социума, свидетельствующем о необходимости изменения самого ритуала»³². В последнем случае кризис достигает наивысшей степени развития и влечет за собой необходимость планировать совместную деятельность в будущем.

Речепорождение в такой ситуации носит *общественно вынужденный характер* (по И.В. Пешкову), оно максимально осознается «человеком действующим словом» (*homo verbo*

30 Raynard. 2002: 58.

31 Бахтин. 1986.

32 Пешков. 1998: 58-60.

agens)³³ и становится в полной мере ответственным речевым поступком. По мнению А. Мангуэля:

Быть одновременно создателем и любителем литературы — образовывать закрытый круг, который производит и потребляет то, что производит, все это в жестких рамках общества, желающего подчинить себе этот замкнутый круг, — должно рассматриваться как акт небывалой смелости³⁴.

Кристаллизации женского коллективного сознания способствовали создаваемые женщинами литературные произведения. Сам факт женского сочинительства во все эпохи, а особенно в эпоху великосветских салонов, классифицируется исследователями как интеллектуальный феминизм (*féminisme intellectuel*), один из путей к равноправию полов и освобождению женщин, — движение, позволяющее женщинам приобщиться к культуре³⁵. Как отмечает писатель-историк Л. Адлер, чтение в женском кругу сочинений, написанных женщинами и адресованных женщинам, позволило создать узы солидарности между женщинами и способствовало развитию женского сознания: «В кружках и салонах, под предлогом чтения переделывали мир»³⁶. Женская литературная деятельность —

свидетельство пробуждающегося социального женского самосознания, стремление <...> легитимировать свое творчество в пространстве культуры. <...> Предлагая для печати свои сочинения

33 Пешков. 1998: 12.

34 «Etre à la fois le créateur et l'amateur de la littérature – former un cercle fermé qui produit et consomme ce qu'il produit, le tout dans le cadre strict d'une société qui veut que ce cercle soit soumis – doit être considéré comme un acte de courage extraordinaire.» Manguel. 1998: 271.

35 Patard. 1998.

36 «Dans les cercles et les salons, sous prétexte de lire, on refait le monde.» Adler. 2006: 15.

<...писательница> выстраивала модель возможной для женщины новой инициативы — внесемейной, публичной³⁷.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что *фемининная идентичность* представляет собой ядерную структуру, объединяющую в себе постоянство и изменчивость, **Ядро** структуры сформировано достаточно жестко закрепленной когнитивной схемой о традиционных женских нормах и ценностях, о том, как *должно* женщине вести себя, вербально и невербально. **Реализация** же ядра изменчива во времени и пространстве, что дает большую вариативность в коллективном и индивидуальном проявлении фемининности. Таким образом, следует говорить не о *women's writing* вообще, а о конкретных примерах объективации фемининной идентичности в произведениях женщин-писателей. Литературное творчество приравнивается к осознанному акту поиска себя, своей инсайт-группы. Создавая художественное произведение, писательница самоидентифицируется, самореализуется, «материализует» свою гендерную идентичность и, одновременно, оказывает влияние на развитие языка и литературы. Возвышение женской индивидуальности и личная заинтересованность в своем творчестве приводят к эмансипации личности, увеличению внимания к внутреннему миру женщины, к мотивам ее поведения, к ее чувствам и устремлениям. Голос женщины звучит и крепнет...

37 Тиманова. 2014: 240.

Список источников и литературы

Барт. 1994 – Барт Р. Удовольствие от чтения // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 462-518.

Бахтин. 1986 – Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. М., 1986. С. 80–160.

Борковская. 2007 – Борковская Г. Чужеземки. М., 2007.

Викулова, Шарунов. 2008 – Викулова Л.Г., Шарунов А.И. Основы теории коммуникации: практикум. М., 2008.

Гриценко. 2005 – Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. Н. Новгород, 2005.

Михайлова. 2012 – Михайлова С.В. Фемининная идентичность и способы ее объективации в художественном дискурсе XVII века : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Москва, 2012.

Ощепкова. 2003 – Ощепкова Е.С. Идентификация пола автора по письменному тексту (лексико-грамматический аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2003.

Пешков. 1998 – Пешков И.В. Введение в риторику поступка: уч. пособие. М., 1998.

Плотникова. 2005 – Плотникова С.Н. Языковая, коммуникативная и дискурсивная личность: к проблеме разграничения понятий // Лингвистика дискурса: Вестник ИГЛУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. Иркутск, 2005. С. 516.

Плотникова. 2011 – Плотникова С.Н. Пространственная модель дискурса // Функциональная лингвистика: сб. науч. работ. № 2, Т. 2. Симферополь, 2011. С. 123-125.

Силантьев. 2006 – Силантьев И.В. Газета и роман: риторика дискурсных смешений. М., 2006.

СИС. 1988 – Словарь иностранных слов // Гл. ред. Ф.Н. Петрова, 15-е изд., испр. М., 1988.

Тиманова. 2014 – Тиманова О.И. Наследие российского women's writing и книга сказок: личная и творческая биография А. Зонтаг в контексте книжной культуры России первой половины XIX века // Общество знания и гуманизм XXI века, 1 ноября 2013: XI национальная научная конференция с международным участием. София, 2014.

Фатеева. 2007 – Фатеева Н.А. Языковые особенности современной женской прозы. Подступы к теме // Русский язык сегодня: сб-к статей РАН; Инс-т русск. яз. им. В.В. Виноградова; Вып. 1. М., 2000. С. 573-586.

Фомин. 2003 – Фомин А.Г. Психолингвистическая концепция моделирования гендерной языковой личности. Кемерово, 2003.

Языкознание. 2000 – Языкознание. Большой энциклопедический словарь // Гл. ред. В.Н. Ярцева, 2-е изд. М., 2000.

Adler. 2006 – Adler L. Femmes et livres, histoire d'une affinité secrète." Les femmes qui lisent sont dangereuses. P., 2006. P. 13-22.

Beauvoir. 1949 – Beauvoir S. de. Le deuxième sexe 1. P., 1949.

Bourdieu. 1980 – Bourdieu P. Le sens pratique. P., 1980.

Cahraudeau. 2002 – Charaudeau P. Identité // Dictionnaire d'Analyse du Discours. P., 2002. P. 299-300.

Charpentier. 2010 – Charpentier I. Virginité des filles et rapports de genre dans quelques récits d'écrivaines marocaines contemporaines: écrire pour «braver tous les tabous» // L'identité genrée au cœur des transformations: du corps sexué au corps genré. P. 2010. P. 143-161.

Cixous, Clément. 1974 – Cixous H., Clément C. La Jeune Née. P., 1975.

DAD. 2002 – Dictionnaire d'analyse du discours // Sous la direction de P. Charaudeau, D. Maingueneau. P., 2002.

Descarries-Bélanger. 1980 – Descarries-Bélanger F. L'école rose ... et les cols roses. La reproduction de la division sociale des sexes. Québec, 1980.

Dictionnaire de l'altérité. 2010 – Dictionnaire de l'altérité et des relations culturelles // Sous la dir. de G. Ferréol, G. Jucquois. P., 2010.

Didier. 1999 – Didier B. L'Écriture-femme. P., 1999.

Jensen. 2000 – Jensen M.S. La notion de nature dans les théories de l'«écriture féminine» // Clio. Femmes, Genre, Histoire, n°11, 2000, <<http://clio.revues.org/218>>.

Kristeva. 1977 – Kristeva J. Féminité et écriture. En réponse à deux questions sur Polylogue // Revue des sciences humaines, n°168, 4/1977. P. 495-501.

Manguel. 1998 – Manguel A. Une histoire de la lecture. P., 1998.

Pascal. 2003 – Pascal C. Les Recueils de femmes illustres au XVIIe siècle // Connaître les femmes de l'Ancien Régime : la question des recueils et dictionnaires, June 2003. P. <<http://www.siefar.org/DicoDicoPascal.html>>.

Patard. 1998 – Patard G. De la quenouille au fil de la plume: histoire d'un féminisme à travers les contes du XVIIe siècle en France // Tricentenaire Charles Perrault. Les Grands contes du XVIIe siècle et leur fortune littéraire / Sous la direction de J. Perrot. P., 1998. P. 235-245.

Raynard. 2002 – Raynard S. La seconde préciosité. Floraison des conteuses de 1690 à 1756. Tübingen, 2002.

Régnier-Bohler. 2006 – Régnier-Bohler D. Introduction générale // Voix de femmes au Moyen Âge. P., 2006. P. VII-XXXI.

Seifert. 1998 – Seifert L.C. Création et réception des conteuses: du XVIIe au XVIIIe siècle // Tricentenaire Charles Perrault. Les Grands contes du XVIIe siècle et leur fortune littéraire / Sous la direction de J. Perrot. P., 1998. P. 191-203.

Swales. 1990 – Swales J. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge, 1990.

Е.А. Потехина

СПЕЦИФИКА ГЕНДЕРНЫХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ ДАФНЫ ДЮ МОРЬЕ «РЕБЕККА» И ЕГО ЭКРАНИЗАЦИЯХ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: патриархат, феминное, маскулинное, гендерная модель, гегемонная маскулинность

АННОТАЦИЯ: в статье рассматривается специфика гендерных образов в романе Дафны дю Морье «Ребекка» и их воплощение в экранизациях 1940, 1997 и 2008 годов. Анализируются особенности гендерного взаимодействия в рамках патриархатной системы.

Роман английской писательницы Дафны дю Морье (1907–1989) «Ребекка», опубликованный в 1938 году, сразу же принес автору известность и по сей день считается одной из лучших ее работ. «Ребекка» была многократно экранизирована, получив свое первое и наиболее известное киновоплощение уже спустя два года после выхода романа в фильме Альфреда Хичкока «Ребекка» (1940), завоевавшем две награды «Оскар», в том числе и в номинации «лучший фильм». За ним последовали экранизации и телеадаптации 1947, 1962, 1969 годов, сериал Симона Лэнгтона на канале BBC 1979 года. К сожалению, найти вышеперечисленные киноверсии романа на данный момент представляется задачей, практическое решение которой маловероятно. В настоящее время, помимо «классической» экранизации Хичкока, зрителю доступны более современные телевизионные версии: британский фильм режиссера Джима О’Брайена «Ребекка»

Екатерина Александровна Потехина, аспирантка Кафедры философии Факультета философии, культурологии и искусства ЛГУ им. А.С. Пушкина, pea.89@inbox.ru

(1997) и итальянский — режиссера Рикардо Милани «Ребекка, его первая жена» (2008).

История романа — влюбленность молодой, наивной девушки в мужчину вдвое старше себя, скрывающего мрачный секрет, касающийся его первой жены — отсылает читателя и зрителя к событиям более раннего произведения Шарлотты Бронте «Джейн Эйр». Традиционное прочтение «Ребекки» предполагает трактовку произведения как захватывающей любовной истории, в которой добродетельная женщина (вторая миссис де Уинтер) одерживает верх над злой (Ребеккой, первой миссис де Уинтер), преодолев недоверие и неуверенность, страх, отчаяние силой любви и в итоге воссоединившись с любимым мужчиной (Максимиллианом де Уинтером). Именно в таком ключе опубликованный роман рекламировался и подавался читателям и был представлен в фильме Хичкока. В своем исследовании Никола Уотсон пишет: «Хичкок однозначно создает романтическую историю»¹. Достижению данного эффекта также способствовали ключевые сюжетные изменения, которые режиссеру пришлось внести в содержание фильма, чтобы картина могла пройти цензуру согласно кодексу Хейса² и быть выпущенной на экран: убийство первой миссис де Уинтер было превращено в несчастный случай, а главный герой (Максимиллиан де Уинтер) становится, таким образом, не убийцей, а страдающей жертвой обстоя-

1 “Hitchcock makes the novel unambiguously romantic” (Watson. 2005: 43)

2 Кодекс Хейса — этический кодекс производства фильмов в Голливуде, принятый в 1930 году Ассоциацией производителей и прокатчиков фильмов и ставший в 1934 году неофициальным действующим стандартом киноиндустрии в США. Действовал до 1967 года, отменен в силу того, что был признан устаревшим. Кодекс назван по имени политика-республиканца Уильяма Харрисона Хейса, в 1922-1945 годах возглавлявшего ассоциацию. Полный текст кодекса на русском языке: http://seance.ru/n/37-38/flashback-depress/hays_code/

тельств, что должно было вызывать сочувствие зрителей. В этой же связи героиня не несет впоследствии никакого наказания; в финальной сцене картины воссоединившиеся муж и жена, преодолевшие вместе все беды и зло, причиненное первой миссис де Уинтер, обнимаются, глядя на догорающее поместье Мэндерли, которое, исчезая, стирает с лица земли всё, что было еще связано с Ребеккой. В дыму гибнет обожавшая Ребекку миссис Дэнверс, а в последнем кадре символично демонстрируется чехол от подушки, на котором вышиты инициалы Ребекки, съезживающиеся от огня, охватившего постель. Этот пожар кажется очищающим и кладет конец кошмару, в котором долгое время жили Максим и вторая миссис де Уинтер. В фильме 1940 года, в отличие от экранизации 1997 г., нет указаний на то, что героев ожидает наказание в виде вечного добровольного изгнания и бездетности, поскольку, в рамках данной кинотрактовки, они не совершили никакого злодеяния и оба в своем поведении вполне соответствовали требованиям общественной морали. Всё зло в фильме исходило только от Ребекки — типичной *femme fatale* и ее, как это было имплицитно выражено, любовницы миссис Дэнверс, которые вполне закономерно заслужили гибель, поскольку представляли своим существованием угрозу существующей морали и патриархатной модели жизни общества.

В рамках феминистского прочтения «Ребекки» происходит переосмысление сути произведения как истории любви и трактовки самой Ребекки как отрицательного героя. Согласно данному подходу, Хичкоковское прочтение есть не что иное, как мужская трактовка (*a masculine re-reading*)³ истории о мужском доминировании и страданиях женщины, вынужденной находиться под властью мужчины. Максим де

3 Watson. 2005: 44.

Уинтер рассматривается как источник зла, поскольку он не только убивает свою первую жену, единственным «преступлением» которой было стремление к сохранению собственной идентичности и сексуальной свободы (что главный герой, всеми силами поддерживающий существующий жесткий патриархатный уклад, не мог принять), но и продолжает совершать психологическое насилие над своей второй женой, всячески подавляя и одновременно отталкивая ее. Данная трактовка в некоторой степени прослеживается в экранизации 1997 года — единственной, где Максим де Уинтер действительно представлен убийцей, совершившим злодеяние умышленно и не раскаивающимся в этом.

Полагаю, в романе Дафны дю Морье главным воплощением зла является патриархатная система как таковая, понимаемая как иерархическая система, основанная на отношениях власти и насилия, благоприятствующая доминирующей гендерной и/или социальной группе и одновременно навязывающая как мужчинам, так и женщинам жесткие каноны гендерных ролей, которым герои оказываются не в состоянии соответствовать, вследствие чего доходят до отчаяния, истерии и преступления. Свое физическое, визуальное воплощение в кинотекстах патриархатная система получила в виде подавляющего своими размерами мрачного родового замка де Уинтеров Мэндерли. В рамках данной статьи хотелось бы продемонстрировать реализацию этой идеи, анализируя специфику гендерных образов в романе и его экранизациях.

Максим де Уинтер, главный герой произведения, представляется, на первый взгляд, воплощением патриархатной системы и ее же продуктом. Считаясь идеально воспитанным аристократом, он в фильме Хичкока позволяет себе проявлять не только авторитарность, но и грубость, граничащую с агрессией, в отношении главной героини, когда они еще были едва

знакомы: «Перестаньте грызть ногти!», «Открывайте дверь и уберите из машины»; в ситуации, когда героиня не хотела никому показывать свои рисунки, герой Лоренса Оливье со словами «Дайте посмотреть!» забирает их силой; точно так же он поступает, застав свою будущую жену с ракеткой в руке и услышав, что она собирается поиграть в теннис: вырывает у нее ракетку со словами: «Пойдемте! Мы едем на прогулку». Доведя девушку до слез в машине, оскорбив ее, практически высадив посреди дороги, Максим сует ей носовой платок, команда: «Вот, высморкайтесь»⁴. Примечательно, что главная героиня ни в одной из этих ситуаций ничего не имеет против и не выражает ни малейшего недовольства. Воспитанной в патриархатной традиции, молодой и робкой девушке, которая, к тому же, по происхождению гораздо ниже де Уинтера, не приходится в голову перечить мужчине. Во всем ему подчиняясь, героиня послушно отдает ему рисунки, отказывается от собственных планов, а после отвратительной сцены в машине с готовностью принимает носовой платок, вытирает слезы со словами: «Спасибо, Максим» и едет дальше, радостно улыбаясь. Начиная испытывать чувства к главному герою, она уже заранее принимает правила их дальнейшего взаимодействия, внутренне соглашаясь с ними. Необходимо отметить, что в экранизации 1997 г. подобных сцен проявления грубости уже на порядок меньше, а в 2008 г они отсутствуют вовсе — вероятнее всего, режиссеры отдавали дань времени: в силу изменений гендерного порядка в конце XX — начале XXI в. откровенная мизогиния могла встретить отторжение со стороны зрителей.

Неудивительно, что в фильме 1940 года, получив сомнительное по своей форме предложение: «Я прошу твоей руки, глупышка», героиня с восторгом соглашается, не обра-

4 Хичкок. 1940: 13-17 мин.

тив внимания на то, что она в уже успела признаться Максиму в любви и получила в ответ: «Ладно, давай-ка, налей мне кофе. Два куска сахара и с молоком. Чай я тоже так пью. Не забудь!»⁵, подразумевающее, что отныне жена (даже будущая) автоматически превращается в послушное орудие для удовлетворения желаний и потребностей мужа. В версии 1997 года сохраняется слово «дурочка» в тексте предложения, но отсутствует дальнейшая сцена с кофе, то есть, в отношении главного героя к своей невесте можно проследить лишь снисходительно-покровительственный оттенок; в экранизации 2008 года отсутствует и то, и другое, а сцена предложения традиционно оканчивается поцелуем.

Тем не менее, холодность и поспешность предложения ставит под серьезное сомнение мотивы Максима, и первой подобную мысль высказывает миссис Ван Хоппер — богатая американка, у которой главная героиня работает в качестве компаньонки:

Ты ведь знаешь, почему он на тебе женится, не так ли? Ты ведь не льстила себе, полагая, что он в тебя влюблен? Дело в том, что пустой дом сводит его с ума... Он просто не может больше жить там один...⁶

И это подозрение подтверждают слова Максима:

... вместо того, чтобы быть компаньонкой миссис Ван Хоппер, Вы станете моей компаньонкой, и обязанности у Вас останутся практически те же⁷.

5 **Хичкок.** 1940: 20 – 23 мин.

6 You know why he is marrying you, don't you? You haven't flattered yourself he's in love with you? The fact is that empty house got on his nerves to such an extent he nearly went off his head... He just can't go on living there alone... (**du Maurier.** 1971: 60). Перевод мой — Е.П.

7 «Instead of being companion to Mrs Van Hopper you become mine, and your duties will be almost exactly the same» (**du Maurier.** 1971: 53). Перевод мой — Е.П.

Очевидно, что главный герой стремится спастись от одиночества и дурных мыслей при помощи общества женщины, как потом становится очевидно, максимально непохожей на его первую жену, умышленно выбирая ту, для которой единственной альтернативой замужества является нелюбимая работа на малоприятного человека и единственно возможный вариант самореализации — семейная сфера, где героиня может реализовать себя в качестве хозяйки, жены и матери при условии благосклонности мужчины к ней. Не случайно вторая жена Максима остается безымянной на протяжении всего повествования, что лишает ее какой-либо индивидуальности, превращая в типаж/модель; единственный способ ее (само)идентификации — миссис де Уинтер, что подразумевает: эта женщина не является никем, кроме как женой Максима, ее идентичность определяется исключительно фактом ее замужества.

В этой связи необходимо упомянуть экранизацию Милани, в которой присутствует значительное количество сюжетных отступлений от первоисточника, в частности, у второй жены Максима де Уинтера неожиданно появляется имя — Дженнифер, в результате чего девушка сразу же превращается из безымянного типажа в отдельную личность. Более того, сценаристами было придумано увлечение будущей миссис де Уинтер написанием рассказов для детей; она мечтает об их публикации и о карьере писательницы, говоря, что не хочет всю жизнь работать компаньонкой, что Максим на удивление спокойно принимает и поддерживает, впоследствии даже помогая жене с публикацией ее произведений. Это, опять-таки, поддерживает представления о том, что без помощи влиятельного супруга женщина останется никем, но, с другой стороны, противоречит строго патриархатной модели, в рамках которой жена не может обладать

интересами, отличными от интересов супруга и семьи, что четко прослеживалось в экранизациях 1940 и 1997 г.

Единственными безоблачными сценами в романе (ретроспективно) и в фильмах 1997 и 2008 гг. являются сцены медового месяца Максима и второй миссис де Уинтер, проведенного в Италии и на круизном лайнере по пути домой. В фильме 1940 г. медовый месяц не демонстрируется, поскольку в противном случае было бы сложно избежать изображения хотя бы одной постельной сцены, что, согласно тому же кодексу Хейса, было крайне нежелательно. В фильме 1997 г. подобная сцена присутствует, что, однако, впоследствии не дает героине уверенности в любви мужа к ней. Как ее убеждает миссис Дэнверс, мистер де Уинтер — просто мужчина, который хотел получать удовольствие в свой медовый месяц. Кроме того, Мэндерли нужен наследник, поэтому сексуальные отношения между героями, конечно, подразумеваются, хоть и не демонстрируются. Героиня фильма 2008 г., больше всего боясь быть отвергнутой на каком-либо уровне, огорчается, обнаружив по прибытии в Мэндерли, что у них с мужем отдельные спальни, однако, супруг шутливо успокаивает ее: «так просто ты от меня не отделаешься»⁸.

Оказавшись в родовом гнезде де Уинтеров, главная героиня сталкивается с глобальной проблемой несоответствия своей скромной персоны общественным ожиданиям, касающимся того, какой должна быть настоящая хозяйка Мэндерли. Отовсюду поступают указания, каким образом должна вести себя молодая жена, чтобы угодить не только Максиму, но и всем ближайшим соседям, то есть, обществу, оценивающе смотрящему на нее: «Вы должны что-то сделать со сво-

8 Милани. 2008: 39-40.

ими волосами и одеваться по-другому. Макс обращает на это внимание». (Беатрис, сестра Максима). «Здесь все ездят верхом, Вы должны научиться». (Джайлз, муж Беатрис)⁹.

Поместьем управляет чопорная и высокомерная экономка миссис Дэнверс, почти открыто издевающаяся над неопытной, неловкой, застенчивой девочкой, осмелившейся занять место леди. А именно леди Ребекки де Уинтер, первой жены Максима — красивой, притягательной, остроумной, утонченной, прекрасной хозяйки, как ее описывали все. Напоминания о Ребекке встречаются в поместье на каждом шагу: ее инициалы, вышитые на подушках и салфетках, ее записные книжки в кабинете, ее комната, ревностно охраняемая миссис Дэнверс, сохраненная в том виде, как она была при жизни первой жены Максима. Каждая вещь в доме, каждое правило распорядка, установленного в нем, напоминают о прежней хозяйке; все сравнивают новую миссис де Уинтер с предшественницей, очевидно, не в пользу первой, ведь Ребекка была всеобщей любимицей, объектом общественно-го восхищения и поклонения.

Подавленная собственной незавидной участью — стать в глазах окружающих бледной тенью Ребекки — и страшась того, что Максим всё еще любит свою первую жену (ведь он так не разу и не признался жене в любви вплоть до их решающего разговора о гибели Ребекки), новая миссис де Уинтер мечется между попытками сохранить весь уклад в Мэндерли, как это было при прежней хозяйке, чтобы не вызывать неодобрения окружающих и агрессии миссис Дэнверс в свой адрес и желанием изменить что-то по своему вкусу, но для этого ей не хватает уверенности и опыта. Постепенно главная героиня становится одержимой личностью Ребекки, она одновре-

9 Хичкок. 1940:45-47 мин.

менно ненавидит ее и восхищается ею, поскольку эта женщина в ее глазах воплощает идеал красоты, ума и опыта, к которым вторая жена Максима безуспешно стремится. Подсознательно она пытается подражать Ребекке, представлять, как бы та поступила в том или ином случае, тем самым всё больше отрицая свою собственную идентичность.

Максима, однако, подобное положение вещей никак не заботит, он его просто не замечает или делает вид, что не замечает. Эмоциональная пропасть между ним и его женой становится особенно очевидной, поскольку миссис де Уинтер не приходит в голову поделиться с мужем своими страданиями, а ему, в свою очередь — обратить внимание на состояние супруги, призвать к порядку или уволить терроризирующую ее миссис Дэнверс, приказать убрать из дома личные вещи бывшей жены. Максим не допускает главную героиню ни до каких серьезных дел, касающихся управления поместьем, не интересуется ее планами и желаниями, просто ставит перед фактом: «Управлять имением — сложное дело. У меня много дел. Надеюсь, ты сможешь занять себя. Сегодня обедаем с моей сестрой и ее мужем, ты не против?»¹⁰ и уходит, не дождавшись ответа жены (1997).

Максим жестко пресекает стремление супруги повзрослеть, получить определенные знания и жизненный опыт, обозначаемый им как «неподобающий», имплицитно подразумеваемая опыт, которым обладала его первая жена Ребекка и который, безусловно, связан с представлениями о женской сексуальности. Постоянно повторяя, как ему жаль, что жена когда-нибудь повзрослеет («Жаль, что тебе придется вырасти»)¹¹, Максим препятствует превращению второй миссис де

10 О'Брайен. 1997: 46-47 мин.

11 «It's a pity you have to grow up» (du Maurier. 1971: 53)

Уинтер из почти ребенка во взрослую женщину, продолжая обращаться с ней как с маленькой девочкой:

- Послушай, детка. Когда ты была маленькой, случилось так, что тебе запрещали читать некоторые книги и твой отец запирает их от тебя под ключ?
- Да, — сказала я.
- Ну так вот. Муж не слишком отличается от отца в конечном счете. Есть некоторые вещи, которые тебе лучше не знать. Лучше, чтобы они были заперты на ключ. Так-то. А теперь доедай персики и не задавай больше вопросов, не то я поставлю тебя в угол.
- Почему ты обращаешься со мной так, точно мне шесть лет?
- А как ты хочешь, чтобы я с тобой обращался?
- Как другие мужья обращаются со своими женами.
- Колотил тебя, ты хочешь сказать?¹²

Отеческое и одновременно подавляющее отношение Максима к молодой жене заставляет ее подчиниться авторитету и власти своего мужа, переступая через собственные желания, и отказаться от стремления развиваться, поскольку, с позиций патриархата, обретение женщиной определенных знаний ведет к отклоняющемуся, греховному поведению, что несет в мир лишь зло¹³. Высвобождение женской сексуальности всегда рассматривалось как угроза традиционному патриархатному укладу, и Максим, столкнувшись с подобной проблемой в лице своей первой жены, теперь стремится жестко контролировать опыт второй, настаивая на ее не-взрослении и предлагая ей альтернативу в виде фи-

12 «— Listen my sweet. When you were a little girl, were you ever forbidden to read certain books, and did your father put these books under the key? / — “Yes”, I said. / — Well, then. A husband is not very different from a father after all. There is a certain type of knowledge I prefer you not to have. It’s better kept under lock and key. So that’s that. And now eat up your peaches, and don’t ask me anymore questions, or I shall put you in the corner. / — “I wish you would not treat me as if I was six”, I said. / — How do you want to be treated? / — Like other men treat their wives. / — Knock you about, you mean?» (du Maurier. 1971: 202). Перевод Г. Островской.

13 Tatar. 2004: 3.

зического насилия в случае непослушания и отказа оставаться в своем поведении подобной маленькой девочке, держась подальше от «опасных» знаний. Таким образом, вторая миссис де Уинтер остается чуждой не только аристократическому обществу, в которое не может органично вписаться, но и представлениям о взрослой женственности и сексуальности.

До поворотного пункта сюжета, где Максим признается жене в своем преступлении, главная героиня в фильме 1940 года безропотно переносит все уничижительные выходы мужа и вспышки его агрессии; в версии 1997 года героиня несколько раз проявила характер, запретив Максиму прикасаться к ней, предполагая, что он думает о Ребекке, и потребовав от миссис Дэнверс, чтобы та перестала разговаривать с ней в оскорбительном тоне. Героиня фильма 2008 года по сравнению с предыдущими версиями практически заняла активную субъектную позицию (что особенно бросается в глаза на фоне слабого и истеричного мистера де Уинтера в исполнении Алессио Бони), кинув в огонь вещи Ребекки, пообещав уволить миссис Дэнверс, покинув Мэндерли и мужа, когда тот ее оскорбил, и предприняв в итоге собственное расследование обстоятельств гибели Ребекки (что, разумеется, является грубым отступлением от первоисточника и сделано ради смещения гендерного равновесия в фильме на более современный манер путем маскулинизации женщины и феминизации мужчины). Для героинь вариантов 1940 и 1997 года поворотным стал момент исповеди Максима в отношении скрываемого им страшного секрета гибели Ребекки. Вторая миссис де Уинтер не спасается от своего мужа-преступника, прибегнув к помощи какого-либо другого мужчины, как можно было предположить, а становится его добровольным и как бы «равноправным» союзником, помогая

ему скрывать преступление и избежать ответа перед законом. Подробнее о мотивах такого поведения речь пойдет в статье ниже.

Анализируя причины убийства Ребекки, необходимо вновь вспомнить феминистскую трактовку произведения, в рамках которой Максим представляется безусловным источником зла, человеком, который предпочел разводу с неугодной женой ее убийство, решив таким образом проблемы, связанные с «неукротимостью» ее натуры, и обеспечив сохранение собственной репутации и патриархатного порядка в поместье. Сама Ребекка в таком прочтении предстает героиней-феминисткой, отстаивающей собственное право на свободу и индивидуальность и бросающей вызов мужу-тирану и всей деспотической патриархатной системе в целом. Мне же более близка позиция Аврил Хорнер и Сью Злосник, трактующих Ребекку как классическую роковую женщину или женщину-вампа, образы которых, как известно, берут свое начало из литературных образов вампиров и других сверхъестественных существ, принимавших обличие прекрасных женщин:

Образ Ребекки на протяжении всего романа ассоциируется с некоторыми чертами, характерными для внешности вампира: бледное лицо, пышные волосы, неумный сексуальный аппетит... Хотя у Ребекки и нет клыков, и она, лишь образно выражаясь, «высасывает» мужчин, она может быть отнесена ко второй категории вампиров, а именно — к роковой женщине, появление образа которой ясно свидетельствует о возникновении напряжения в культуре, связанного со взрослой женской сексуальностью¹⁴.

14 «Rebecca is associated throughout the novel with several characteristics which denote the vampiric body: facial pallor, plentiful hair and voracious sexual appetite... Although Rebecca lacks the requisite fangs and only metaphorically sucks men dry, she can... be placed within the second category of vampires, that of the Fatal Woman who... is clearly symptomatic of a cultural anxiety concerning adult female sexuality» (Horner, Zlosnik. 2000: 213).

Именно наличие неукротимой женской сексуальности, воспринимаемой как угроза мужскому доминированию и патриархатным ценностям, и становится ключевым мотивом убийства Ребекки.

С обнаружением скелета первой миссис де Уинтер в затопленной яхте, незримое присутствие Ребекки, до сих пор жившей в виде воспоминаний, неожиданно становится реальностью. Найденное тело несет вполне реальную опасность разоблачения преступления Максима, угрожая его репутации, существованию второго брака и даже жизни в случае вынесения приговора по обвинению в убийстве. Понимая, что тайна вот-вот будет раскрыта, Максим решается признаться своей второй жене в совершенном им преступлении.

Данная сцена изображается во всех трех рассматриваемых фильмах совершенно по-разному. Как уже отмечалось ранее, в киноверсии Хичкока Макс де Уинтер вовсе не является убийцей. Во время выяснения отношений Ребекка сама оступилась, упала и разбила голову о якорь. Запаниковав, что его могут обвинить в убийстве, Максим теряет способность трезво мыслить и решает избавиться от тела, относит его на яхту и затапливает ее в заливе, загоняя себя таким образом в еще худшую ловушку, ведь теперь, в случае обнаружения тела, избежать подозрений в причастности де Уинтера к гибели Ребекки будет гораздо сложнее. Тем не менее, состава преступления в его действиях нет, поэтому в рамках данного фильма остается непонятным пафос фразы Максима, произнесенной после его признания жене: «Посмотри мне в глаза и скажи, что всё еще любишь меня. Нет, ты не можешь сказать!»¹⁵. Неясно также, что именно так упорно персонаж Л. Оливье скрывал от своей супруги: если не убий-

15 Хичкок. 1940: 1ч.28 мин.-1ч. 29 мин.

ство, которое в хичкоковской версии отсутствует, то, вероятно, позор и унижение от семейной жизни с Ребеккой, просто не решаясь сказать жене правду об их отношениях с первой миссис де Уинтер. Через какой ад была вынуждена пройти в своем неведении вторая миссис де Уинтер, вероятно, не особенно волновало этого романтического героя, сосредоточенного исключительно на собственных переживаниях и пытающегося всеми силами сохранить видимость добропорядочности. Максим Хичкока груб, авторитарен, но одновременно с этим также довольно труслив и склонен к перепадам настроения, что в совокупности рождает достаточно неприятный образ мужчины, стремящегося быть воплощением доминантной маскулинности, но не всегда справляющегося с этой задачей.

В картине 1997 года события развивались максимально близко к первоисточнику: доведенный до иступления непрекращающимися изменами Ребекки и ее намеками на беременность от своего любовника, Максим, сыгранный Чарльзом Дэнсом, совершенно осознанно убивает жену, с той лишь разницей, что в фильме он ее душит собственными руками, а в романе — застреливает из пистолета. В данном случае абсолютно понятно, отчего Максим так долго молчал и что так тяжело переживал, ходя, по словам миссис Дэнверс, днем и ночью взад и вперед по засыпанной пеплом библиотеке. Героя вначале привело в ужас зло, обнаружившееся в нем самом, но он в конце концов принял эту темную сторону своей натуры, не раскаявшись в содеянном и продолжая верить, что он справедливо убил злое, извращенное, порочное существо. Дэнс воплотил на экране отрицательный, но сильный и цельный образ Макса де Уинтера: страдающего, измененного воспоминаниями, но при этом выдержанного, вер-

ного своим принципам и обладающего аристократическим достоинством.

Что касается фильма 2008 года, то в нем образ Максима буквальным образом перевернут с ног на голову. В сцене гибели Ребекки первая жена де Уинтера появляется в кадре фрагментарно — спина, волосы, руки (заимствование из киноверсии 1997 года) с сигаретой и пистолетом (типичные атрибуты кинообраза роковой женщины, намекающие на наличие у нее мужского начала) и буквально провоцирует Максима, повторяя: «Если бы ты не был готов больше терпеть, ты убил бы меня прямо сейчас, но ты же будешь терпеть...»¹⁶. Максим злится, но не пытается убить Ребекку. Она погибает, по большому счету, также в результате несчастного случая: во время небольшой потасовки, возникшей между героями, кто-то из них — предположительно, сама Ребекка, ведь пистолет был у нее в руке — случайно нажимает на спусковой крючок. Звучит выстрел, и Ребекка падает. Де Уинтер избавляется от тела. После обнаружения скелета Максим не идет на откровенный разговор, а просто отсылает жену, фактически выставляя ее из поместья на улицу. Когда кузен и любовник Ребекки Джек Фейвел, догадываясь о правде, пытается шантажировать Максима, герой ленты 2008 года трясется и колеблется с ответом целые сутки (тогда как герои 1940 и 1997 годов ударили шантажиста по лицу за грязные намеки и выставили его вон), а потом, отказавшись платить за молчание, бежит стреляться, поскольку он — убийца и должен быть наказан, что является уже абсолютным нонсенсом, поскольку полностью разрушает замысел всего произведения.

16 Милани. 2008: 1 ч.18 мин.-1 ч. 21 мин., Часть 2.

Активным началом в данной экранизации является вторая миссис де Уинтер, вовремя появившаяся и спасающая супруга, предоставив ему найденный в результате собственного расследования «мотив» возможного самоубийства Ребекки: неоперабельный рак. Поняв, что дело можно будет действительно выставить перед властями как самоубийство, Максим передумывает сводить счеты с жизнью, вероятно, забыв о своем же недавнем желании наказать себя за совершенное преступление. Герой Бони, в отличие от своих предшественников, практически не обладает авторитарностью, доминантностью и другими чертами гегемонной маскулинности, совсем напротив: на фоне деятельной, быстро взрослеющей жены он выглядит еще более слабым и склонным к истерическим проявлениям, какова, например, его реакция на появление супруги на костюмированном балу в костюме, который Ребекка надевала годом ранее: де Уинтер на глазах у полного зала гостей в смятении выбежал из зала с возгласом «Ребекка!»¹⁷, опозорившись перед всеми собравшимися и сорвав праздник (в отличие от своих предшественников 1940 и 1997 годов, которые, велев жене переодеться и быстро оправившись от потрясения, смогли «не выносить сор из избы»), а потом еще сутки отсиживался в кабинете со слезами на глазах и бокалом вина, запершись от супруги и игнорируя ее попытки поговорить. Налицо феминизация изначально задуманного радикально маскулинным образа и размывание гендерных границ.

Объясняя жене причины совершенного им преступления, Максим утверждает, их брак с Ребеккой был фарсом от начала и до конца, а она сама — развратной, порочной, жестокой, испорченной до мозга костей женщиной, а кроме то-

17 Милани. 2008: 16-17 мин., Часть 2.

го — очень умной и одаренной. Ни одним из этих качеств не следовало обладать идеальной жене добропорядочного мужчины в патриархатной семье. «Доброта, искренность и скромность» — вот добродетели, присущие, по словам управляющего помещьем Фрэнка Кроли, второй миссис де Уинтер, благодаря которым она сможет сделать Максима счастливым. Максим откровенно рассказывает жене об изменах Ребекки, об оргиях, устраиваемых ею в лондонской квартире. Существует, однако, еще что-то, в чем Ребекка соznалась ему, что-то настолько ужасное для патриархатного мужчины, что де Уинтер отказывается повторять вслух: «Она рассказывала мне о себе такие вещи, которые я никогда не осмелюсь повторить ни одной живой душе»¹⁸.

Учитывая отношение миссис Дэнверс к Ребекке, а это обожание и страсть, переходящие в одержимость, можно предположить, что в данном случае имплицитно подразумевается гомосексуальность первой миссис де Уинтер — то, что в рассматриваемый период не считалось возможным упоминать в открытую, описывать в литературе или демонстрировать на экране. Из текста произведения четко явствует, что Ребекка имела многочисленные романы с мужчинами, однако присутствуют и указания на то, что Ребекка и миссис Дэнверс были любовницами. Ребекка сочетала в себе черты феминности и маскулинности. Миссис Дэнверс описывала ее так: «По-мужски смелая и волевая, вот такой была моя миссис де Уинтер. Ей следовало бы родиться мальчиком, как я часто ей говорила»¹⁹. В фильме 1997 года миссис Дэн-

18 «She told me about herself, told me things I shall never repeat to a living soul» (du Maurier. 1971: 272).

19 «She had all the courage and spirit of a boy, had my Mrs de Winter. She ought to have been a boy, I often told her that» (du Maurier. 1971:243). Перевод мой — Е.П.

верс откровенно признается: «Она не любила ни Вас [Джека Фейвела], ни мистера де Уинтера, ни любого другого. Она презирала мужчин. Она была выше этого. Она любила по-настоящему только меня»²⁰.

Подобная «отклоняющаяся» сексуальность Ребекки уже фактом своего проявления бросала вызов традиционным ценностям патриархата, а сама Ребекка являла угрозу, состоящую в опасном размывании четкой границы между феминным и маскулинным, что грозило смещением устоявшегося гендерного порядка и особенно болезненно воспринималось в период между двумя мировыми войнами, когда впервые можно было констатировать кризис маскулинности в обществе. Кроме того, эффект, оказываемый Ребеккой на женщин, в какой-то степени угрожает и благополучию традиционной семейной пары де Уинтеров: для главной героини оказалось невозможным установление гармоничных отношений с мужем до тех пор, пока не прошла ее одержимость — страх, ревность, восхищение — по отношению к первой миссис де Уинтер.

В конечном счете, переступив через все общепринятые представления о гендерных ролях и сексуальности, Ребекка поставила под угрозу также систему майората, объявив Максиму о своей беременности от любовника и о своем намерении выдать ребенка за законного наследника. Подобное «преступление» против всей патриархатной системы принципов жизни в Мэндерли Максим уже не мог простить, поэтому он убивает Ребекку и представляет дело несчастным случаем на воде.

Следует отметить то, каким именно образом Максим де Уинтер преподносит второй жене признание в своем преступлении. Он намеренно настаивает на своей позиции

20 О'Брайен. 1997: 1 ч. 12 мин.-1 ч. 14 мин., Часть 2.

жертвы: «Ребекка победила», «Я никогда не был счастлив»²¹, подробно описывает собственные мучения, сопровождая всё вышеперечисленное признаниями в любви по отношению ко второй миссис де Уинтер, произнесенными впервые за всё время их брака, и убеждениями, что он никогда не любил Ребекку, т.е., вполне стереотипно манипулирует чувствами жены к нему.

И эта стратегия срабатывает безотказно. Вторую миссис де Уинтер, кажется, совершенно не смущает и не пугает то, что ее муж — убийца; вместо того, чтобы воспринять услышанное как зловещее предупреждение для себя самой, она чувствует облегчение и впервые действительно обретает веру в возможность счастливой семейной жизни с Максимом, ведь главное для нее — то, что ее муж никогда не любил Ребекку (что она не устает мысленно повторять), и теперь она, заслужив любовь мужчины и одержав верх над соперницей, может, наконец, получить признание как женщина в своих же собственных глазах. Максим получает в лице жены верного союзника, готового до последнего укрывать его перед лицом закона. Главная героиня полностью солидаризируется с мужем, не допуская даже мысли о том, что Макс мог быть с ней не вполне откровенен, описывая Ребекку исключительно в мрачных тонах и говоря о причинах своего преступления: вполне вероятно, речь могла идти просто об убийстве на почве ревности. Как говорил в фильме 1997 года любовник Ребекки Джек Фейвел, «трудно быть мужем красивой женщины»²². Но жена вслепую встает на позицию Максима, объединяясь с ним против типичного пугающего Дру-

21 Хичкок. 1940: 1 ч. 32 мин.

22 О'Брайен. 1997: 1 ч. 03 мин., Часть 2.

гого — Ребекки, которая превращается из ее соперницы в их с мужем общего врага.

Ключевым для понимания специфики образа Максима является, на мой взгляд, то, по какой причине хозяин Мэндерли ни при каких обстоятельствах не был готов развестись с Ребеккой, предпочтя разводу убийство. Ответ кроется в словах самого Максима: «Я был готов пойти на всё ради Мэндерли»²³. Ребекка понимала, что он пожертвует собственной гордостью, честью, любыми своими чувствами, только бы позорная история его женитьбы не стала достоянием общественности и у людей не появился повод сплетничать о причинах его развода и указывать пальцами на Мэндерли, что, бесспорно, бросило бы тень на доброе имя семейства де Уинтеров и их родовое гнездо. Мэндерли в данном случае — не просто замок, в котором Максим живет; он как будто бы является визуальным воплощением патриархатной системы, незыблемость которой Максим готов защищать любой ценой и чьей главной жертвой он сам и становится, вступая на путь преступления и лжи. Очевидно, что Максима беспокоила не сексуальная распущенность и измены его первой жены как таковые; по его собственному признанию, всё, что делала Ребекка в Лондоне, мало его трогало, поскольку это никак не вредило Мэндерли и могло довольно-таки просто скрываться от общественности. В ярость он пришел тогда, когда Ребекка начала устраивать свидания неподалёку от резиденции де Уинтеров, угрожая репутации патриархатного поместья. Сохранение внешней добропорядочности в глазах окружающих оказывается для Максима куда важнее его внутренних моральных принципов.

23 О'Брайен. 1997: 38-39 мин., Часть 2.

До обнаружения лодки с телом Ребекки было очевидно, что личность хозяина Мэндерли — модель патриархатной маскулинности — представляется (или должна представляться) идеалом для всех людей, живущих неподалеку от поместья или работающих в нем. Например, когда де Уинтер бросается на помощь морякам потерпевшего крушение судна, управляющий поместья Фрэнк Кроли и представитель береговой охраны наперебой расхваливают второй миссис де Уинтер щедрость и самоотверженность ее мужа, готового в трудную минуту помочь любому из своих людей, и выражают сожаление, что таких, как Максим, осталось в Англии немного. Предполагается, что Максим должен являться защитником не только людей, окружающих его, но и ценностей и идеалов традиционного семейного и гендерного уклада, которые в начале двадцатого века переживали кризис. Из сожалений по поводу небольшого количества аристократов, похожих на Максима, следует, что люди действительно хотят видеть в хозяине Мэндерли воплощение так быстро исчезающей модели гегемонной маскулинности²⁴.

«Возвращение» Ребекки, однако, ставит под угрозу сохранение этого идеала, и основой сюжета становится с этого момента борьба между теми, кто стремится помочь оставить преступление Максима нераскрытым и сохранить его образ «идеального мужчины», и теми, кто пытается вывести де Уинтера на чистую воду. Здесь уже не только читателям и зрителям, но и самим героям романа становится очевидным несовпадение между тем, каким социальным ожиданиям стремится отвечать Максим, и тем, кем он в действительности является. Но даже при том, что хозяин Мэндерли является преступником, те из героев, которые точно знают или до-

24 Кон. 2008: 5.

гадываются о его причастности к убийству (вторая миссис де Уинтер, Фрэнк Кроли, полковник Джулиан) продолжают прикладывать все усилия к тому, чтобы оставить Максима «нераскрытым» и доказать, что Ребекка ушла из жизни в результате самоубийства. Защищая де Уинтера, все эти люди защищают, в первую очередь, не конкретного человека, а патриархатный идеал, или идею, как основу существования в их мире.

Говоря о кризисе маскулинности, необходимо вновь упомянуть о том, что Максим сам ощущает себя жертвой Ребекки — женщины, которая оказалась сильнее него. Единственное волевое решение, принятое им в отношении первой жены, — убить ее — оказывается в результате всё равно исполнением ее же желания. Максим, как и кто-либо другой, не смог подчинить эту женщину своей воле и был вынужден долгое время скрывать от общественности унижительные и позорные для него условия существования их брака, а после — продолжать жить в страхе от возможного разоблачения его преступления, грозящего разрушением идеального образа «главы патриархатной семьи». На фоне общего кризиса маскулинности как признака эпохи, Максим переживает свой собственный, внутренний кризис, осознавая собственную неспособность справляться с гендерной ролью, жестко предписанной ему системой. Отсюда, вероятно, и вспышки его гнева, немотивированные перепады настроения и истерические проявления, что всегда стереотипно относилось к атрибутам феминного, а не маскулинного начала.

Что касается второй миссис де Уинтер, то и ее можно, без сомнения, назвать как жертвой, так и идеальным продуктом патриархатной системы, ведь и она, несмотря на все страдания, причиненные ей мужем, всеми силами старается защитить его от заслуженного наказания. И я бы подвергла

сомнению тот факт, что любовь является в этом случае ведущим ее мотивом; в сохранении действующего уклада незыблемым есть, безусловно, и ее собственная выгода. Миссис де Уинтер необходимо сохранить настоящее положение вещей, поскольку именно в рамках патриархатной системы она, наконец, обретает хоть какую-то идентичность, становится из безымянной девушки кем-то, а именно — уважаемой леди, женой Максима де Уинтера. Недаром главная героиня, получив предложение выйти замуж, без конца повторяет: «Я стану миссис де Уинтер. Я буду жить в Мэндерли»²⁵.

Аналогичным образом, когда Максим признается в совершенном преступлении, основная вещь, которая заботит ее — то, что она одержала верх над Ребеккой и теперь может почувствовать и идентифицировать себя настоящей хозяйкой Мэндерли. Наслаждаясь ощущением обретенной власти, вторая миссис де Уинтер тут же начинает демонстрировать ее тем, кого она считает ниже себя по положению, полностью забыв о своей природной робости: отчитывает прислугу, не успевшую с утра убрать комнату, вступает в конфронтацию с миссис Дэнверс, демонстративно приказывая выполнять домашние дела не так, как это было принято при Ребекке. Примечательно, что вышеупомянутые сцены в фильмах 1940 и 1997 годов последовали, как и в романе, уже после признания Максима, а в 2008 — еще до, видимо, как очередная демонстрация проявления сильного и решительного характера главной героини (что, впрочем, полностью идет вразрез с оригиналом).

Однако, чтобы сохранить вновь обретенную власть и собственную идентичность, миссис де Уинтер необходимо

25 «I am going to be Mrs de Winter. I am going to live in Manderly» (du Maurier. 1971: 53-54).

продолжать быть верной спутницей своего мужа, мистера де Уинтера, без которого она — пустое место, и продолжать «играть по тем же правилам», оставаясь частью всё той же порочной патриархатной системы. Вот почему жена готова защищать Максима до последнего: извлечь выгоду из возможностей, предлагаемых ей патриархатом, возможно только при условии сохранения последнего. Так же, как и Максим де Уинтер, его супруга превращается под воздействием системы в довольно-таки конформного, лицемерного персонажа, к концу произведения уже весьма далекого от того невинного образа, в котором она предстает в начале, и обладающего всеми типичными пороками человека, подверженно-го влиянию патриархатного уклада.

В этой связи необходимо коснуться проблемы «бунта» Ребекки, центрального женского персонажа произведения, против системы и ее стремления отстоять «собственную свободу и право на идентичность». На мой взгляд, подобная трактовка в отношении Ребекки несколько преждевременна, поскольку ее поведение вряд ли можно всерьез назвать попыткой борьбы с системой. Ребекка желает наслаждаться сексуальной свободной, однако, вовсе не стремится делать это в открытую, выражая собственную позицию: как раз наоборот, в рамках сделки с Максимом она остается его женой, идеальной хозяйкой Мэндерли, считается уважаемой и благородной леди, живет в роскоши, пользуясь всеми благами хозяйки богатого поместья, тогда как Максим никому не выдает ее грязные тайны. По сути дела, она никогда не бунтовала в открытую против деспотичной патриархатной системы, а, напротив, была рада оставаться ее частью и использовать ее особенности с выгодой для себя, ухитряясь скрывать свою беспорядочную жизнь под маской добропорядочности. Восхищаясь Ребеккой, миссис Дэнверс, которая

тоже, казалось бы, является противницей патриархата, помимо прочего отмечает ее способность образцово управлять домом и вести хозяйство, что, безусловно, является чертами традиционной жены. Даже возмутительное с точки зрения традиционного мужчины сообщение о беременности Ребекки от другого оказывается ложью и является всего лишь средством ее последней манипуляции мужем.

Таким образом, каждый из героев, в большей или меньшей степени пострадав от воздействия патриархатной системы, тем не менее продолжает цепляться за нее как за источник защиты: второй миссис де Уинтер патриархат необходим для сохранения собственной идентичности как хозяйки поместья и благородной леди, Ребекке — как возможность скрыть свое социально неодобряемое сексуальное поведение под маской идеальной жены, Максиму — просто как основа бытия.

Пожар в Мэндерли, устроенный миссис Дэнверс с целью отомстить Максиму и его второй жене за Ребекку и полностью разрушивший родовое гнездо де Уинтеров, не является, таким образом, символом освобождения героев и начала новой жизни. Разрушенное поместье и всё, что оно олицетворяло, становится самым мучительным воспоминанием, преследующим героев в их добровольном изгнании, которое становится их наказанием. Тоска по Мэндерли раскрывает природу патриархатной системы, функционирующей по принципу порочного круга: даже угнетаемые и доведенные ею до отчаяния героини не могут полностью из нее вырваться, поскольку навсегда остаются ее заложниками, не в силах найти другого удовлетворяющего их способа самоидентификации вне патриархатных рамок (после гибели Мэндерли мистер и миссис Уинтер затворниками доживали свою жизнь где-то в чужой стране, Ребекка погибла, миссис Дэн-

верс в романе бесследно исчезла, а в киноверсиях предпочла сгореть вместе с поместьем, не желая продолжать жить). По этим причинам как основной источник зла в произведении я рассматриваю порочную систему патриархата как таковую и ригидность традиционно патриархатных установок относительно сущности гендерного взаимодействия, что, как следствие, возвращает в той или иной мере каждого из героев произведения вне зависимости от пола, заставляя их лгать, лицемерить, психологически подавлять друг друга, злоупотреблять собственной властью, идти на преступление и, в конечном итоге, разрушая их жизни.

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

- du Maurier.** 1971 – du Maurier D. Rebecca. New York, 1971.
Хичкок. 1940 – Хичкок А. Ребекка (“Rebecca”). 1940.
О’Брайен. 1997 - О’Брайен Д. Ребекка (“Rebecca”). 1997.
Милани. 2008 – Милани Р. Ребекка, его первая жена (“Rebecca, la prima moglie”). 2008.

ЛИТЕРАТУРА

- Кон.** 2008 – Кон И. Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья // Социология: теория, методы, маркетинг / М., 2008. С. 5-16.
- Horner, Zlosnik.** 2000 – Horner A., Zlosnik S. Daphne du Maurier and Gothik Signatures: Rebecca as a Vamp(ire) // Body Matters: Feminism, Textuality, Corporeality / Manchester and New York, 2000. P. 209-222.
- Tatar.** 2004 – Tatar M. Secrets Beyond the Door: The Story of Bluebeard and His Wives. New Jersey, 2004.
- Watson.** 2005 – Watson N.J. Chapter 1: Daphne du Maurier, Rebecca // The Popular and the Canonical: Debating Twentieth-century Literature 1940 – 2000 / London, 2005. P. 13-56.

MINIMA OMNIUM MINIMARUM: БАУДОНИВИЯ — МОНАХИНЯ И АГИОГРАФЭПОХИ МЕРОВИНГОВ

Ключевые слова: Баудонивия, Венанций Фортунат, св. Радегунда, меовингская Франция, агиография

Аннотация: в статье рассматривается житие св. Радегунды (VII в.), созданное ее младшей современницей, монахиней основанного ею в Пуатье монастыря Баудонивией. Публикуется перевод жития на русский язык. Сочинение Баудонивии анализируется наряду с другим житием св. Радегунды, написанным Венанцием Фортунатом; выявляются риторические стратегии автора, цели и причины создания текста.

Имя Баудонивии — монахини женского монастыря св. Креста в Пуатье¹ — вряд ли было широко известно за пределами ее обители. Она не была популярной святой, как, например, Радегунда² — основательница монастыря св. Креста. Имя Баудонивии дошло до нас только потому, что она является автором второго жития св. Радегунды.

Два жития св. Радегунды были написаны с разницей приблизительно в 10–15 лет. Первое, принадлежащее перу Венанция Фортуната³ — епископа, поэта из числа «послед-

- 1 Монастырь св. Креста существует с 552 г. Это один из самых старых женских монастырей, существующий уже более 14 веков.
- 2 Св. Радегунда (518–521 — 587 гг.) — одна из известнейших персон эпохи Меровингов, супруга франкского короля Хлотаря I, основательница одного из первых женских монастырей.
- 3 **Venantius Fortunatus**. 1888: 364–377. См. перевод на рус. яз.: **Венанций-Фортунат**. 2012.

них римлян» и близкого друга святой, было создано около 594 г. Второе житие написано Баудонивией в начале VII в.⁴. Оба автора при создании образа святой используют ставший к тому времени стандартным набор основных монашеских добродетелей (аскетизм, скромность в быту и отказ от удобств и роскоши, презрение к мирскому, проповедь бедности, любви к ближнему, милосердия и заботы), однако риторика и образность их текстов, а также причины, побудившие их составить житие св. Радегунды, во многом различны.

В отличие от Радегунды и Венанция Фортуната, о Баудонивии нам почти ничего не известно. Мы не знаем о том, как она попала в женский монастырь Пуатье. Даже происхождение ее имени представляет загадку для исследователей. Оно не латинское, но и среди германских личных имен мы такого не встречаем. Изредка встречаются другие варианты его написания — Бодонивия или Бодовиния. Возможно, Баудонивия — это латинизированная женская форма этих имен, происходящая от мужского имени Болдуин (Бодовин)⁵. Вероятно, Баудонивия была германского происхождения, но не франкского⁶, а какого-то другого⁷.

4 **Baudonivia.** 1888:377-395.

5 Первый элемент этого имени *Vodo* происходит от древневерхненемецкого и означает — приказывать, требовать. Второй элемент — *wini* — друг (см.: **Словарь.** 2000: 44). Если же в основе другой вариант — Бодонивия, то в этом случае второй элемент не *wini*, а *niv* — новый. Возможно, в раннее средневековье написание букв «п» и «u/v» (которые не всегда различались) может быть похожим. В таком случае, кто-то прочитает имя как Бодовиния, а другой — как Бодонивия, при этом основываясь на одной и той же оригинальной рукописи.

6 Во второй главе жития св. Радегунды, когда Баудонивия описывает языческое святилище, она называет тех, кто поклонялся ему, термином *Franci* — франки. Если бы она сама была франкского происхождения, вряд ли она бы использовала эпитет *Franci* в данном контексте.

7 Например, св. Радегунда по происхождению была из германского племени тюрингов.

Можно попытаться высказать предположения о социальном статусе и уровне образованности этой монахини. Поскольку монастырь Радегунды был привилегированным местом, в котором проживали родственницы меровингских правителей и представительницы богатых и благородных семейств, вполне возможно, что и Баудонивия была знатного происхождения. Она написала духовную биографию Радегунды между 605 и 610 гг., еще в период правления королевы Брунгильды (ум. В 614 г.). То есть, со времени смерти Радегунды в 587 г., прошло около 20 лет. В прологе своего сочинения Баудонивия сообщает нам, что она еще ребенком попала в монастырь Радегунды:

Я, самая незначительная из всех (*minima omnium minimarum*), была воспитана ею с ранних лет... в качестве служанки»⁸.

Баудонивия писала второй вариант жития св. Радегунды по поручению Дедимии (*Dedimia*)⁹, настоятельницы монастыря св. Креста в Пуатье. После смерти своей влиятельной и уважаемой основательницы Радегунды, конвент переживал далеко не лучшие времена. Вскоре после смерти Радегунды в ее монастыре вспыхнул мятеж (589–590 гг.)¹⁰, который пло-

8 Несмотря на умаление своего статуса и уподобление себя служанке, Баудонивия, скорее всего, была более высокого происхождения. Вряд ли бы королева Радегунда лично воспитывала бедную незнатную девочку, а написание жития было бы поручено обычной служанке.

9 Абатиса Дедимия также была знатного происхождения. Об этом можно судить, исходя из текста «Истории франков» Григория Турского (**Григорий Турский**. 1987: X.16). Когда после смерти Радегунды, а затем ее ставленницы аббатисы Агнессы, монастырь св. Креста в Пуатье возглавила Левбовера, женщина невысокого происхождения, то часть монахинь, среди которых были члены королевских семейств, отказалась подчиняться аббатисе, по знатности уступавшей им. В результате монахини подняли мятеж против Левбоверы. Поэтому, чтобы избежать в дальнейшем подобных инцидентов, следующей аббатисой стала представительница знатного рода.

10 См. об этом: **Бикеева**. 2009; **Bikeeva**. 2014.

хо повлиял не только по репутацию конвента, но и бросил тень на его основательницу. Кроме того, в это время светская власть в лице королевы Брунгильды не была слишком заинтересована в продвижении ее культа. По мнению Б. Дюмезиля, в начале VII в. Брунгильда уделяла основное внимание строительству нового монастырского комплекса в Отёне, средоточием которого стал женский монастырь, посвященный Деве Марии¹¹.

Этим объясняется необходимость создания новой духовной биографии святой. К этому времени Венанций Фортунат уже умер, и задача написания второго жития была поручена монахиня монастыря св. Креста — Баудонивии. Автор всячески подчеркивает практическую пользу святости своей героини и реликвий, добытых ею.

В самом начале своего сочинения монахиня указывает, что новое житие Радегунды ей поручила написать аббатиса Дедимия. Вероятно, последняя считала Баудонивию вполне способной справиться с данной задачей. Логично будет предположить, что монахиня была достаточно образованной и начитанной. Отметим здесь, что в монастыре св. Креста с момента его основания большое внимание отводилось чтению и изучению христианских текстов. Об этом неоднократно сообщает Баудонивия в своем сочинении. В своем монастыре эта монахиня, конечно, была не единственной женщиной, умевшей читать и писать; хотя в ту «темную мерovingскую эпоху» подобными навыками мог похвастаться далеко не каждый мужчина. Но поскольку именно Баудонивии было поручено столь ответственное дело, способное повысить престиж конвента и привлечь богатых дарителей, покровителей и новых послушниц, то мы вправе предполо-

11 Дюмезиль. 2012: 344-345.

жить, что аббатиса высоко оценивала способности Баудонивии на фоне остальных монахинь. Однако сама Баудонивия в прологе указывает на свой «деревенский» (*rusticus*) язык и недостаток образованности. Но, вероятнее всего, это просто дань риторическим приемам того времени.

Баудонивия, несомненно, была знакома с текстом первого жития св. Радегунды. В прологе монахиня пишет, что не будет повторять то, что уже известно из сочинения Фортуната. Наоборот, она желает рассказать своим читателям о том, что не было включено в предыдущую духовную биографию святой.

Житие Баудонивии повествует о жизни Радегунды в обители св. Креста, ее взаимоотношениях с монахинями и содержит информацию, которой нет у Фортуната. Например, автор второго жития уделяет большое внимание поиску и обретению Радегундой реликвий, которые могли прославить монастырь и способствовать его превращению в дальнейшем в место паломничества. Во втором житии также впервые описан визионерский опыт Радегунды. Всего Баудонивия рассказывает о трех ее видениях. Их детальное описание автором жития можно рассматривать как способ сплотить конвент, в котором выявились серьезные нарушения дисциплины и послушания.

В тексте второго жития монастырь, частью которого ощущает себя Баудонивия, воспитанная там с детских лет, предстает как особый мир, центром которого является ее героиня. Хотя Радегунда у Баудонивии не подвергает себя таким телесным испытаниям, как в тексте Фортуната, ее святость также не вызывает сомнения. Во втором житии Радегунда представлена как сила, способная защитить монастырь от любой внешней угрозы.

Сочинение Баудонивии состоит из пролога и 28 глав. В первых четырех главах автор повествует о жизни Радегунды до того времени, как она основала женский монастырь в Пуатье, правда менее детально, чем в житии, составленном Венанцием Фортунатом. Баудонивия подчеркивает знатное происхождение своей героини, сообщая нам в первой главе, что Радегунда «унаследовала благородство». Для автора знатность является важной составляющей в способности человека править. В этом мы видим отличие от текста Венанция Фортуната, для которого высокий статус Радегунды был скорее препятствием для достижения ею святости. Для Баудонивии не существует противоречия между христианской верой и осуществлением властных полномочий в брэнном мире. Благодетель Радегунды вполне соответствует ее социальному статусу королевы.

Являясь королевой-христианкой, она всячески способствует искоренению язычества и распространению христианства в королевстве (топос заботы о церкви и клире). В качестве примера, Баудонивия во второй главе своего сочинения описывает эпизод уничтожения Радегундой языческого святилища.

В своем неприятии языческих культов и борьбы с ними Радегунда ставится в один ряд со св. Мартином. Венанций Фортунат, а до него Сульпиций Север также описывали антагонизм св. Мартина по отношению к языческим ритуалам и капищам. И Радегунду, и Мартина от разъяренных язычников спасает сотворенный ими знак креста. Но описание самой ситуации отличается. Когда Мартин решил срубить дерево («ибо оно посвящено демону»), один из язычников сказал:

Если ты имеешь что-либо от Бога своего, которого, как говоришь, почитаешь, я выставляю залог: мы сами срубим это дерево, и ты мо-

жешь взять его себе. И если будет с тобой твой, как ты говоришь, Бог, то уйдешь [отсюда невредимым].

Чтобы убедить язычников в своей правоте, Мартин ложится под дерево, а когда оно падает, осеняет его знаком креста и остается невредимым¹². В отличие от него, Радегунда, приказав своим спутникам сжечь языческое капище, остается верхом на коне подобно воину Христову. Она также осеняет себя крестным знаменем, и поэтому язычники не могут причинить ей вред. Разница в описании определяется изменением интеллектуального, социального и духовного контекста, в котором создавалось каждое из этих житий.

БAUDONIVIA расходится с Венанцием Фортунатом в объяснении причин, по которым Радегунда покинула своего супруга, короля франков Хлотаря I. Для Фортуната, как и для Григория Турского, решающим моментом в принятии Радегундой данного решения была смерть ее младшего брата¹³ по приказу короля. БAUDONIVIA не связывает уход Радегунды от Хлотаря с убийством ее брата. Она сообщает, что Радегунда переехала на королевскую виллу в Со (*Sueda*), которую предоставил ей супруг, «движимая божественным провидением» («*operante divina potentia*») [Baudonivia, 3]. Там Радегунда прожила около 10 лет, а затем основала свой монастырь в Пуатье.

Главы с 5 по 20 повествуют о жизни и деяниях Радегунды в основанном ею конvente. Поскольку БAUDONIVIA с детских лет жила в этом монастыре, она хорошо знала реалии повседневной жизни монахинь. Тем не менее, в ее повествовании можно встретить немало общих мест, заимствований, характерных и для других агиографических сочинений данной эпохи. Особенно часто БAUDONIVIA использует фрагмен-

12 Сульпиций Север. 1999: XIII.8.

13 Григорий Турский. 1987: III.7; Venantius Fortunatus. 1888: 12.

ты из жития Цезария Арелатского и составленное им «Правило для Дев». Баудонивия описывает частые и продолжительные молитвы и посты Радегунды; раздачу пищи со своего собственного стола паломникам и нуждающимся; омовение ног больных; стремление обойтись в повседневной жизни без служанки, хорошей пищи, мягкой пуховой кровати, и шелковой роскошной одежды [Baudonivia, 8-10]. По замечанию Баудонивии, Радегунда хотела предстать «нищей перед Богом». Здесь акцентирован и наделен социальным содержанием топос благочестивой бедности.

Баудонивия, также как Фортунат, сообщает о том, что святая предоставляла пищу и одежду нуждающимся, омывала бедных и заботилась о больных. Но хотя у Баудонивии Радегунда покорно исполняет различные хозяйственные работы, она все же не уподобляется той истовой домохозяйке, «новой Марфе» из первого жития, которая приносила связки дров, готовила еду, мыла посуду, убирала каждый угол монастыря и собирала экскременты. В тексте Баудонивии Радегунда постится, но настолько, насколько ей позволяет здоровье. Она носит власяницу, но это не расценивается автором как чрезмерный аскетизм. Посты и продолжительные молитвы Радегунды описываются Баудонивией лишь в тех случаях, когда святая особенно нуждается в божественном вмешательстве, например, когда Хлотарь пытался вернуть ее ко двору [Baudonivia, 4] или когда она хочет получить святые реликвии [Baudonivia 14, 16].

В отличие от жития, созданного Венанцием Фортунатом, во второй духовной биографии Радегунды достаточно подробно описаны ее взаимоотношения с монахинями. С ними, как следует из текста Баудонивии, Радегунда установила отношения любви и взаимной поддержки. Община монахинь заменила ей семью, ее знатных родственников, которых она

оставила, уйдя в монастырь. Баудонивия цитирует слова, сказанные Радегундой: «Дочери, я выбрала Вас» [Baudonivia, 8]. С монахинями она охотно поделила все, что имела сама. Хотя ей принадлежали собственные большие запасы вина¹⁴, она пользовалась ими только с разрешением своей аббатисы и только для потребностей других людей. Им она предлагала «чистое вино», под которым Баудонивия в соответствии с библейской традицией подразумевает мудрость, радость, и милость Божию.

В списке достоинств Радегунды наряду с терпением, милосердием, благоразумием, и усердием в молитвах и постах, Баудонивия особенно выделяет склонность Радегунды к изучению Священного писания [Baudonivia, 8, 9]. Когда же усталость вынуждала ее отдыхать, она требовала, чтобы другие монахини непрерывно читали ей Псалмы. Хотя склонность к изучению христианских текстов была общим местом в агиографии, Баудонивия особенно акцентирует этот аспект. В качестве примера, она рассказывает о том, как святая, желая приветствовать привратницу своего монастыря, произносит «Аллилуйя!» вместо имени монахини [Baudonivia, 8].

Радегунда заботится об образовании и воспитании своих монахинь. Как указывает Баудонивия, святая заставляла сестер искать смысл Священного Писания в глубине их душ [Baudonivia, 9]. Баудонивия хвалит Радегунду за ее пастырскую деятельность и стремление обучать монахинь чтению и письму. Автор жития обращает внимание на то, что Радегунда приказывала послушницам читать религиозные тексты во время приема пищи, настаивала на продолжительной еже-

14 Помимо этого, она имела также возможность пользоваться услугами служанки, пуховой кроватью и одеждой, соответствующей к ее статусу, но отказалась от этого.

дневной проповеди наряду с молитвами и раздачей милостыни. Хотя автор жития прямо не указывает, кто именно должен был проповедовать, в нескольких местах отмечено, что сама Радегунда проповедовала, даже во время сна: «Я сплю, но моя душа бодрствует» [Baudonivia, 9]. Также проповеди читались самими монахинями, по крайней мере, теми, кто обладал авторитетом и соответствующими способностями.

На страницах сочинения Баудонивии, Радегунда предстает перед нами не только как пастырь, но и как сила, способная защитить монастырь от любой внешней угрозы. Агиограф приводит примеры того, как Радегунда не раз спасала обитель от демонов, осеняя ее крестным знаменем [Baudonivia, 18, 19].

При этом, поселившись в монастыре, Радегунда никогда не порывала связи с внешним миром. После того, как король Хлотарь помог ей учредить конвент в Пуатье, она умело поддерживала хорошие отношения с монархом, продолжая получать от него немалые средства для своего монастыря.

Баудонивия сообщает о том, что Радегунда, удалившись в монастырь, продолжала вмешиваться в общественные дела. Так, каждый раз, когда короли начинали войны один против другого, она молилась за жизни всех и за прекращение войн. После смерти Хлотаря в 561 г., она, пользуясь уважением четырех своих пасынков (Хариберта, Гунтрамна, Сигеберта и Хильперика), вела переписку с этими меровингскими королями, призывая их к примирениям [Baudonivia, 10] Монахини из обители св. Креста также должны были усердно молиться об установлении мира в королевстве.

Другой важной сферой деятельности Радегунды, связывавшей ее с внешним миром, было стремление святой добы-

вать для своего монастыря реликвии¹⁵. Подобно св. Елене, она отправляла своих посланников в поисках святых реликвий. Больше всего она мечтала обеспечить свой монастырь частицей св. Креста, на котором был распят Иисус. Для Радегунды не существовало никаких преград на пути достижения этой цели. Чтобы получить частицу св. дерева, она добивается поддержки короля Сигеберта, написав ему письмо с просьбой разрешить ей отправить послов в Константинополь. Получив согласие от короля, она отправляет письма византийскому императору Юстину II и императрице Софии с просьбой выслать ей реликвию. Императорская чета ответила благосклонно, и искомая реликвия была отправлена Радегунде¹⁶. Также королеве-монахиня был подарен драгоценный молитвенник с переплетом, отделанным золотом и драгоценными камнями.

Приобретая реликвии, Радегунда действует и как королева, и как пастырь. Автор жития неоднократно проводит параллели между поисками святого Креста Радегундой и приобретением реликвий св. Еленой [Baudonivia, 16]).

Агиограф Радегунды рассказывает нам, каким образом святая смогла привлечь на свою сторону короля Сигеберта. В своем письме королю королева-монахиня указала на то, что наличие фрагмента Св. Креста в монастыре в Пуатье будет способствовать не только большему религиозному рвению населения, но и «благосостоянию всего отечества и стабильности королевства». Таким образом, здесь Радегунда пред-

15 Как отмечает Баудонивия, поиском и собиранием реликвий, Радегунда занималась еще в бытность ее пребывания в Со [Baudonivia, 13]. Очевидно, указание о необходимости обретения мощей и реликвий было дано Радегунде в ее первом видении [Baudonivia, 3].

16 См. об этом: Бикеева. 2016.

стает перед нами в образе королевы, заботящейся о благополучии всех своих подданных.

Все собранные реликвии, особенно св. Крест (в честь которого был позднее назван конвент), превратили монастырь Радегунды в один из наиболее влиятельных и уважаемых во Франкском государстве.

Как и Фортунат, Баудонивия посвящает несколько глав описанию чудес Радегунды. В основном, это чудеса исцеления [Baudonivia, 11, 15]. Другой тип чудес, также нередкий в житиях святых, связан с усмирением природных сил. Баудонивия приводит в качестве примера случай, когда молитва, обращенная к Радегунде, спасла корабль во время сильной бури [Baudonivia, 17].

Одна из главных целей, которую ставила перед собой Баудонивия при описании чудес, совершенных Радегундой, состояла в том, чтобы удержать послушниц монастыря от неповиновения. Об этом свидетельствует, в частности, история Виноберги, служанки монастыря. За то, что осмелилась сесть в кресло Радегунды, Виноберга была наказана огнем, которым она была охвачена «в течение трех дней и трех ночей» [Baudonivia, 12]. Возможно, Баудонивия хотела напомнить о том, что, хотя богатый и знатный человек мог отказаться от благ своего земного статуса посредством смирения, этот его статус не должны были игнорировать те, кто занимал более низкое положение в обществе. Как отмечает автор жития: «Вот так справедливое наказание всех сделало всех осмотрительными и преданными» [Baudonivia, 12].

Заключительные главы второго жития Радегунды посвящены описанию последних часов жизни святой, ее похорон и чудес, совершаемых у ее гробницы. Следует отметить, что в житии, написанном Венанцием Фортунатом, о смерти Радегунды практически не говорится. Причина этого, веро-

ятно, заключается в том, что Фортунат очень горевал о ее смерти и даже в житии не мог об этом писать.

БAUDONIVIA рисует картину сильного горя среди собравшихся монахинь монастыря [Baudonivia, 21, 2]. Вся община собралась у ее ложа, плача и стеная, ударяя себя в грудь кулаками и камнями, и взывая в отчаянии к небесам. Когда Радегунда умерла, пишет автор, было слышно, как ангелы приветствовали ее при входе в Рай.

Уже в эпоху поздней античности сформировалось представление о реальном присутствии святого в его телесных останках или в предметах, связанных с ним при жизни. Самыми распространенными среди этих реликвий были предметы из ткани — одежда, саван. В смысле чисто исторических параллелей — это дань сходству с Иисусом Христом: все, во что одевался Иисус стало считаться священным, дающим избавление от болезней. Подобным образом, власяница, покров гробницы Радегунды и даже вода, в которой омыли тело святой, становятся, как повествует БAUDONIVIA, проводниками божественной благодати [Baudonivia, 26, 28].

Таким образом, в сочинении, написанном БAUDONIVIEЙ, Радегунда предстает не только идеальной святой, но также и праведным правителем. С одной стороны, автор жития подчеркивает, что Радегунда отвергла земную власть, которая принадлежала ей как королеве, и, основав монастырь, отказалась быть его аббатисой, «не сохранив никакой собственной власти, чтобы следовать за поступью Христа более стремительно» [Baudonivia, 5]. В то же самое время из текста второго жития видно, что Радегунда вполне осознанно использует свое знатное происхождение и родственные связи, чтобы достичь своих целей. Она полагается на помощь могущественных епископов и магнатов, посылая им подарки и письма. Не являясь формально аббатисой своего монастыря,

она как основательница осуществляет полный контроль над повседневной жизнью, воспитанием и образованием монахинь, назначает на должности своих ставленниц¹⁷. Стремление приобрести частицу древа святого Креста было обусловлена горячим желанием повысить социальный и политический престиж ее собственного монастыря, а также получить источник духовной защиты для всех подданных королевства. Радегунда умело пользуется всеми видами власти — и светской, и духовной.

Баудонивия, так же, как и Венанций Фортунат, уподобляет свою героиню св. Мартину, патрону франкского королевства. Добровольно затворившись в стенах монастыря, Радегунда, тем не менее, осуществляет действия на благо не только своего конвента, но и всего франкского королевства. Это и поиск святых реликвий, и искоренение язычества, и миротворческая деятельность. Баудонивия рассматривает приобретение Радегундой реликвии святого Креста как ее величайший триумф. С помощью влиятельных лиц, благоволивших Радегунде, реликвия с почестями прибыла в Пуатье. Это событие рассматривается Баудонивией по аналогии с триумфальным входом Христа в Иерусалим.

Но в житии, созданном Баудонивией, идеал и сила святости Радегунды показаны не только через ее активную деятельность на благо всех подданных государства меровингов, но также и в описании ее монашеского затворничества. В отличие от Фортуната, который сравнивал Радегунду с хозяйственной Марфой [Fortunatus, 17], Баудонивия уподобляет святую другой сестре Лазаря и сравнивает ее с созерцательной Марией [Baudonivia, 5].

17 Именно Радегунда, пользуясь своей властью, назначила аббатисой монастыря (*Mater Superior*) свою «духовную дочь» и любимицу Агнессу. При этом реальная власть в монастыре оставалась в руках Радегунды.

Фортунат стремится прославить саму Радегунду, поэтому его сочинение носит явный апологетический характер, а тема мученичества становится центральным элементом жития. Цель Баудонивии — повысить влияние и роль конвента св. Креста в Пуатье. Поэтому для нее было важным подчеркнуть пастырские аспекты ее деятельности.

Таким образом, малоизвестный персонаж меровингской эпохи, обычная монахиня, о которой ее знаменитые современники практически не упоминают, сегодня представляет большой интерес для исследователей социальной истории как один из редких авторов-женщин данного периода. Отсутствие у Баудонивии претензий на «высокий стиль», ее внимание к различным деталям повседневной жизни монастыря, а также принадлежность ко «второму полу» делают ее одной из фигур «первой величины» для современных исследователей духовных и социальных процессов в истории раннего средневековья.

Житие св. Радегунды, написанное монахиней Баудонивией, никогда прежде не переводилось на русский язык и не привлекало особого интереса российских исследователей. При этом в зарубежной историографии наблюдается всплеск интереса к данному источнику. Один из первых переводов этого жития на английский язык был осуществлен известным американским историком Джо Энн МакНамарой¹⁸ в 1992 г. Именно этот перевод ознаменовал начало широкого обращения исследователей к сочинению Баудонивии. Тем не менее, хотелось бы отметить, что данный перевод не вполне соответствует латинскому оригиналу. Дж. Э. МакНамара пропускает перечень глав жития, который следует за проло-

18 *Sainted Women*. 1992: 86-105.

гом. Длинные предложения Баудонивии переводчик разбивает на более короткие, а многочисленные повторы и не всегда правильные стилистические обороты «сглаживает», делая их более литературными. Но вследствие этого исчезает то впечатление, (а порой и раздражение) которые вызывает оригинальный слог Баудонивии, явно не изучавшей, подобно Венанцию Фортунату, латинский язык в риторических школах Равенны.

В заключении мне хотелось бы уподобиться моей героине, монахине и агиографу Баудонивии, заявив следующее: хотя я не слишком искусна в переводе раннесредневековых латинских текстов, но зато благоговейно предана, и бережно и с любовью постаралась осуществить перевод этого жития на русский язык, сохранив, насколько это было возможным, его стиль и риторику.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Венанций Фортунат. 2012 – Венанций Фортунат. Житие святой Радегунды / Пер. с лат., коммент. Н.Ю. Бикеевой // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2012. Вып. 20. С188-204.

Григорий Турский. 1987 – Григорий Турский. История франков. М.: Наука, 1987.

Житие св. епископа Цезария. 2016 – Житие св. епископа Цезария // Раннехристианские жития галльских святых / Пер. с латинского А.В. Банникова и др. СПб.: Евразия, 2016. С. 91-178.

Квинт Гораций Флакк. 1993 – Квинт Гораций Флакк. Оды. Пер. Г.Ф. Церетели. СПб., 1993.

Правило св. Цезария. 2014 – Правило св. Цезария (Арльского) / Пер. с лат. М.Р. Ненароковой // Одиссей. Человек в истории. 2013: Женщина в религиозной общине: Запад/Восток. М.: Наука, 2014. С. 141-142.

Сульпиций Север. 1999 – Сульпиций Север. Сочинения. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999.

Baudonivia.1888 – Baudonivia. Vita Sanctae Radegundis. Liber II. Monumenta Germaniae historica: Scriptorum rerum merovingicarum. Vol. 2. Hanover: Hahn, 1888. S. 377-395.

Gregorius Turonensis. 1858 – Gregorius Turonensis. Liber De Gloria Beatorum Confessorum. Patrologia Latina. Vol. 71. 1858.

Venantius Fortunatus. 1881 – Venantius Fortunatus. Carmina. L. VIII. Monumenta Germaniae historica. Berlin, 1881. [http://daten.digitale-](http://daten.digitale-sammlung-)

en.de/~db/bsb00000790/images/index.html?id=00000790&groesser=&fip=193.174.98.30&no=&seite=222 (дата обращения: 8.04.2017)).

Venantius Fortunatus. 1850a – Venantius Fortunatus. Vita Sancti Hilarii Episcopi Pictavensis. // Patrologia Latina. Vol. 88. 1850. http://www.documentacatholicaomnia.eu/02m/0530-0609,_Venantius_Fortunatus,_Vita_Sancti_Hilarii_Episcopi_Pictavensis,_MLT.pdf (дата обращения: 22.03.2017).

Venantius Fortunatus. 1850b – Venantius Fortunatus. Vita Sancti Marcelli Parisiensis Episcopi. // Patrologia Latina. Vol. 88. 1850. http://www.documentacatholicaomnia.eu/02m/0530-0609,_Venantius_Fortunatus,_Vita_Sancti_Marcelli_Pariensis_Episcopi,_MLT.pdf (дата обращения: 18.04.2017).

Venantius Fortunatus. 1850с – Venantius Fortunatus. Vita Sancti Martini. Prologus // Patrologia Latina. Vol. 88. 1850. http://www.documentacatholicaomnia.eu/02m/0530-0609_Venantius_Fortunatus_De_Vita_Sancti_Martini_Libri_Quatuor_ML_T.pdf (дата обращения: 7.04.2017).

Venantius Fortunatus. 1888 – Venantius Fortunatus. Vita Sanctae Radegundis. Liber I. Monumenta Germaniae historica: Scriptores rerum merovingicarum. Vol. 1. Hanover: Hahn, 1888. S. 364-377.

Venantius Fortunatus. 1920 – Venantius Fortunatus. Vita Sancti Germani. Monumenta Germaniae historica: Scriptores rerum merovingicarum. Vol. VII. Hanover, 1920. S. 337-428/

ЛИТЕРАТУРА

Бикеева. 2016 – Бикеева Н.Ю. Поэтические послания св. Радегунды в Константинополь: «женские письма» как фактор внешней и внутренней политики франков в 60-е гг. VI в. // Ляпсусы и казусы в европейской эпистолярной культуре / под ред. А.В. Стоговой. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 10-34.

Бикеева. 2009 – Бикеева Н.Ю. «Скандал в благородном семействе»: конфликт в женском монастыре в Пуатье в 589–590 гг. // Адам и Ева Альманах гендерной истории М.: ИВИ РАН, 2009. Вып. 17. С. 72-88.

Дюмезиль. 2012 – Дюмезиль Б. Королева Брунгильда / Пер. с франц. М.Ю. Некрасова. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012.

Словарь. 2000 – Словарь немецких личных имен. Происхождение, значение, употребление. М.: Русс. яз., 2000.

Bikeeva. 2014 – Bikeeva N. Serente diabulo: The Revolts of the Nuns at Poitiers and Tours in the Late 6th Century / Ecclesia et Violentia: Violence against the Church and Violence within the Church in the Middle Ages. Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 72-90.

Sainted Women. 1992 – Sainted Women of the Dark Ages / Ed. J.A. McNamara, J.E. Halborg, E.G. Whatley. Durham; London: Duke Univ. Press, 1992.

ЖИТИЕ СВЯТОЙ РАДЕГУНДЫ*

Книга II

Святым господам, украшенным благодатью добродетельной жизни, аббатисе Дедимии и всей прославленной конгрегации¹ святой госпожи Радегунды, от Бaudонивии, смиреннейшей из всех.

Пролог

Вы возложили на меня задачу столь же невозможную, как коснуться небес перстом²: осмелиться рассказать нечто важное о жизни святой госпожи Радегунды, которую вы знали очень хорошо. Но эту задачу следует поручить тому, кто в себе самом имеет источник красноречия. Поэтому подобное должно быть возложено на тех, чья речь обильно орошает. Но с другой стороны, те, кто обладают недостаточными способностями, не имеют избытка красноречия, благодаря которому они могли бы освежить собственную сухость, и не только не стремятся говорить что-нибудь, но даже, если по-

* Перевод и комментирование выполнены Н.Ю. Бикеевой по изданию: *Vaudonivia*. 1888. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФНФ научного проекта № 15-01-00353 «Рецепция античности: современные историографические и социокультурные практики».

- 1 Т.е. сообществу монахинь конвента св. Креста. В тексте источника — *congregatio*.
- 2 Здесь Бaudонивия практически буквально цитирует фразу из «Жития св. Илария, епископа Пиктавийского» Венанция Фортуната: “quam digito coelum tangere” **Venantius Fortunatus**. 1850a: Col. 440).

добное будет возложено на них, страшатся сего. Это я признаю и в себе самой, это малодушие, я, у которой так мало способности красноречия, чтобы говорить по возможности умело, поэтому для неученого³ полезнее хранить молчание. Ибо тот, кто о малом много рассуждает, тот о многом не может даже малое высказать; и по этой причине от других узнается то, чего некоторые страшатся⁴. Я, самая незначительная из всех, была воспитана ею с ранних лет у ног ее в качестве служанки, для того, чтобы усердно ее прославлять, [и] пусть и не в полной мере, но хотя бы частично рассказать и своей пастве⁵ устно поведать о ее славной жизни, даже если я не достойна, я все же со всей преданностью расскажу; с вашего благословения покорно я подчиняюсь вашей воле, и при вашей поддержке моей речи я буду стараться, и хотя я не слишком искусна, но зато благоговейно предана.

Мы не будем повторять сказанное апостольским мужем⁶, епископом Фортунатом, который написал о ее благо-

3 Или «неотесанного», в тексте — *indoctus*.

4 Баудовиния опять с некоторыми изменениями и сокращениями приводит отрывок из другого текста Фортуната — «Жития св. Марселия, епископа Парижского»: "...qui habentes intra se fonts eloquentiae, de ipso sicco themate didicerunt undas haurire. Unde quidquid injurigitur illis, carmine irriguo copiosius explicator. Verum econtra quincunque angustae intelligentiae ariditate torrentur, nec habent affluentiam inundantis eloquii, per quam vel aliquos reficere, vel suae siccitatis possint inopiam temperare: tales non solum aliqua non per se dicere appetunt, verum etiam si quid eis injunctum fuerit, perhorescunt, quoniam quantum doctis proloqui, tantum indoctis utile sit tacere. Nam illi de parvis magna disserere, isti de magnis nesciunt vel pauca proferre. Et ideo quod ab aliis quaeretur, ab aliis formidatur" (Venantius Fortunatus. 1850b: Col. 542-543).

5 Ср. с «Житием св. Илария...» Фортуната: "qui te ab ipsis cunabulis ante sua vestigia, quasi peculiarem vernulam, familiariter enutrivit,... quatenus dum gregis auribus vox quodam modo..." (Venantius Fortunatus. 1850a: Col. 439).

6 Подобным образом Венанций Фортунат обращался в прологе к «Житию св. Марина» к «святому и апостольскому мужу» Григорию Турскому (**Venantius Fortunatus**. 1850c: Col. 363.).

словенной жизни, но расскажем о том, что он пропустил, стремясь избежать многословия, как он сам объяснил в своем сочинении: «О добродетелях праведников должно быть достаточно краткого изложения, и должно отклоняться излишество, и размышлять о малом, всякий раз, когда из малого узнается о ее величии»⁷. Поэтому, вдохновленная божественной силой, которая благоволила блаженной Радегунде и в мирской жизни, и в царствии небесном, не изысканно, но по-простому (*rusticus*) мы обратимся к тому, что она свершила, и опишем также некоторые из ее многочисленных чудес.

Здесь заканчивается пролог.

Начинаются главы второй книги

1. О происхождении, и ее высоком положении, и о повелителе Хлотаре.

2. О святилище, которое почитали франки (*Franci*).

3. О видении, в котором она увидела корабль в виде человека.

4. О том, как вышеупомянутый правитель снова пожелал вернуть ее, и о затворнике блаженном Иоанне⁸.

7 Ср.: «Но пусть о добродетелях святой будет достаточно краткого рассказа, без утомительного многословия; не отвергнем же эти богатые плоды, не взирая на их краткость...» (**Венанций Фортунат**. 2012: 204.)

8 Св. Иоанн (VI в.) — отшельник, живший близ Шинона (расположен недалеко от г. Тур), был известен как целитель и пророк. День его поминаения 27 июня. Он был родом с Британских островов. Жил уединенно, ухаживая за садом и маленьким огородом. Св. Иоанн был духовным наставником св. Радегунды, которая посетила его по дороге из Тура, куда ездил поклониться гробнице св. Мартина. У него она испросила благословение устроить приют для женщин в местечке Со еще до основания своего монастыря в Пуатье (в 50-х гг. VI в.). (<http://catholicsaints.info/saint-john-of-chinon/> (дата обращения: 7.04.2017)). О нем писал Григорий Турский в сочинении «О славе исповедников» (**Gregorius Turonensis**. 1858: Col. 847-848).

5. О том, как во владениях короля Хлотаря в городе Пиктаве⁹ был построен монастырь, в который святая королева, земной мир отвергнув, вошла, радуясь.

6. О том, как вышеупомянутый король прибыл в Тур, чтобы приблизиться к Пиктаве и свою королеву обратно вернуть.

7. О том, как послала письмо госпожа Радегунда преподробному епископу Герману, и что король упомянутого епископа направил к святой Радегунде с тем, чтобы через него вымолить прощение, и тот так и сделал.

8. О послушании ее в монастыре, где не осталось таких обязанностей, которых она бы не выполняла, и о ее любви к бедным.

9. О ночных бдениях, и молитве, и чтении, и ее образцовой жизни, и обете бедности, которые во славу Бога она совершила.

10. О восьмимодиевом¹⁰ бочонке, содержимое которого госпожа Радегунда ежегодно раздавала своей конгрегации.

11. О матроне по имени Маммеза (*Mammezo*), которой святая сама вернула зрение.

12. О ее служанке по имени Виноберга (*Vinoberga*, *Vinopergia*), которая осмелилась сесть на ее кресло.

13. О реликвиях св. Андрея и других, которые она собрала на вилле в Атье (*Ategia*), и [о том, как] на вилле в Со (*Suedas*) ангел божий явился ей в видении.

14. О мощах св. Мамаса¹¹ (*Mamas*, *Mammas*, *Mammet*), которые пожелала обрести сама блаженная Радегунда.

9 Пиктава (*Pictava*) — современный г. Пуатье во Франции.

10 Модий (лат. *modius*) — мера объёма жидкостей и сыпучих веществ (ок. 8,74 л), которая применялась в римской системе мер.

11 Св. Мамас или Мамант Кесарийский (ум. ок. 275) — раннехристианский мученик из Цезареи в Каппадокии.

15. О том, как знатный человек по имени Лев (*Leo*) с помощью власяницы блаженной Радегунды вернул себе зрение.

16. О частице святого креста, о которой она написала императору, и о том, как было получено то, о чем она молилась.

17. О её посланиях, которые были переданы императору с благодарностями, и о том, как плывущие в море подверглись опасностям.

18. О том, как при виде знака креста тысячи тысяч демонов были обращены в бегство из монастыря на виду у всех.

19. О ночной птице, что в монастыре пела, и которую, как говорят, по ее [Радегунды] приказанию помощница прогнала.

20. О том, как за год до своего ухода в мир иной она в видении узрела себя в уготованном ей месте.

21. О ее уходе в мир иной и плаче, который его сопровождал.

22. О лапидариях, в которых совершались священнодействия; [о том, как] в момент ее ухода слышали ангела, говорившего с ней.

23. [О том, как] Григорий, епископ Турский на похороны ее прибыл; и [как] видел он во взглядах людей лики прекраснейших ангелов.

24. О том, как за стены ее монастыря перенесли ее тело, и как в том месте слепой зрение обрел.

25. О тех свечах, что мальчик держал у ее гробницы, и которые за ее добродетели были ей Господом даны.

26. Об аббате Аббоне (*Abbonus*), который испытывал сильную зубную боль; [о том, как] пришел он к гробнице блаженной Радегунды и от прикосновения к палле¹² (*palla*), покрывавшей ее тело, обрел здоровье.

12 Палла — верхнее парадное женское платье до пят, нечто вроде плаща, мантии.

27. Об увечьях женщин, которые бесновались в базилике святого Илария, направившихся к аббату Арнегизилу (*Arnegisilus*) из монастыря святой Радегунды, [и когда они] от базилики святого Илария со страшными криками дошли до гробницы святой Радегунды, то там здоровье обрели.

28. О ее палле, что гробницу покрывала, и которую сторож погрузил в чашу с водой, и этим питьем мгновенно излечил свою лихорадку.

Начинается рассказ о ее добродетелях

1. Итак, приступим к рассказу о жизни блаженной Радегунды; так как в первой книге сообщается о ее королевском происхождении и благородстве, ничего не осталось неизвестным о ее деяниях в тот период, когда она жила с земным господином и была супругой высокородного короля Хлотаря. Будучи отпрыском знатного королевского рода¹³, и унаследовав благородство, более всего она прославилась своей верой. Супруга земного правителя и благородная королева была более супругой небесного принца, чем земного; но даже в краткий период своего земного супружества так держала себя в этом браке, как будто она не земная супруга, а невеста Христова, которому служила, и так в мирских делах поступала, что себе самой подражать бы желала: была благочестива, предвосхищая будущее обращение своей души, и еще в период мирской жизни под светскими одеждами формировался пример святости. И совершенно не скованная мирскими узами, она предавалась служению Богу, заботилась о выкупе пленников, была щедра в раздачах нуждающимся; поскольку считала, что все, что получено от нее, принадлежало [по праву] им.

13 Фортунат также писал о Радегунде, что она «королевской крови» (“*Regali de stripe potens Radegundis inorbe...*”), но не в житии, посвященном ей, а в стихах (**Venantius Fortunatus**. 1881: 5).

2. В то время, когда она еще жила с королем мирской жизнью, она была душой предана Христу, — Бог мне свидетель, потому что, хотя уста хранят молчание, сердце исповедует, поскольку, даже если язык молчит, сознание ничто не скроет, поэтому мы говорим то, что слышали, и клянемся в том, что видели, — будучи приглашенной на трапезу (*prandium*) к матроне Ансифриде (*Ansifrida*), следуя в сопровождении торжественной процессии из мирян недалеко она обнаружила место, святилище (*fanum*), которое почитали франки, всего на расстоянии одной мили от пути блаженной госпожи. Услышав это, она направилась туда, где франки поклонялись святилищу, приказала святилище предать огню, сочтя несправедливым то, что Господь был презираем, а орудия дьявола почитаемы. Прослышав об этом франки всей толпой с мечами и дубинками и с дьявольским ревом попытались защитить святилище; однако святая королева, оставаясь неподвижной и стойкой, неся Христа в сердце, не позволив сдвинуться с места коню, на котором восседала, до того, как святилище не было сожжено дотла, и благодаря ее молитвам противоборствующие стороны заключили мир между собой. После этого, все, дивясь мужеству и стойкости королевы, благодарили Господа.

3. После этого, движимая божественным провидением, она оставила земного короля, как того требовали данные ею обеты, и пока она пребывала на вилле в Со (*Sueda, Suaeda*)¹⁴, которую предоставил ей король, в первый же год своего по-

14 Со, совр. городок Ле Труа-Мутье в провинции Вьенна. Вилла в Со оставалась во владениях аббатства св. Креста в Пуатье до Великой французской революции. Радегунда пребывала в Со после 550 г. вплоть до основания ею женского монастыря в Пуатье в конце 50-х гг. VI в. Термин «вилла» применительно к этому периоду означает центр доменальных и зависимых от них земель.

священия Богу, она увидела во сне корабль в виде человека с сидящими на всех частях его тела людьми, и саму себя, сидящую у него на коленях; и тот человек сказал ей: «Сейчас ты сидишь на моих коленях, но вскоре ты займешь место в моем сердце». Так ей была явлена милость, поскольку она была по нраву [Богу]. Это видение, о котором она тайно рассказала своим верным людям, взяв с них обещание, что пока она будет жива, никто об этом не должен знать¹⁵. Как осторожна она в беседе, как благочестива в своих действиях! В благополучии, и в несчастье, в счастье, и в горе она всегда была ровной, не впадая в уныние в бедствиях, и не превозносив себя в благополучии.

4. В то время, пока она еще жила на вилле, прошел слух о том, что будто бы король пожелал снова вернуть ее, страдая от тяжелой утраты, что такой важной и великой королеве позволил уйти от него, и если он ее не вернет обратно, то совсем жить более не захочет. Услышав это, благословенная святая в большом страхе пребывая, подвергла себя сильным страданиям, надев на нежное тело грубую власяницу (*cilicium*); сверх того, еще и мучительному голоду себя подвергла, полностью погрузилась в ночные бдения и молитвы, с презрением отвергла королевский трон, преодолела удовольствия супружества, отказалась от земных привязанностей, выбрала участь изгнанника, не отрешив себя от Христа. Все еще имея при себе подобающее ее королевскому положению

15 Ср. «И говорит ему Иисус: смотри, никому не сказывай...» (Мф 8: 4); «Тогда Иисус запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос.» (Мф 16: 20); «Но Он строго запрещал им, чтобы не делали Его известным» (Мк 3: 12); «Он же (Иисус) повелел им не сказывать никому о происшедшем» (Лк 8: 56); «Он же повелел им не сказывать никому о происшедшем» (Лк 9: 21).

украшение «*felte*»¹⁶ из литого золота, драгоценных камней и жемчуга, которое стоило тысячу золотых солидов (*solidus*), отправила его через монахиню по имени Фридовигия (*Fri-dovigia*), которая жила неподалеку со своими братьями, пресвятому Иоанну, затворнику из Шинона¹⁷ (*Cainon, Chinon*), чтобы тот молился за нее, дабы она не вернулась снова к мирской жизни, и чтобы тот ей переслал покрывало (*vestis*) из власяницы, чтобы тело свое истязать. Он отослал ей власяницу из грубой ткани¹⁸, из которой она сделала себе и нательное, и наружное одеяние, и если бы по какой-либо причине она убоялась, то вышеупомянутый муж с помощью Святого Духа узнал бы об этом, и ей бы это открыл. И если бы король захотел вернуть ее, то прежде чем это бы произошло, она пожелала бы скорее завершить свою жизнь, нежели соединиться с земным королем, поскольку она уже соединена узами с небесным правителем. И тот человек Божий на следующий день после ночного бдения и молитвы¹⁹, вдохновленный божественной силой, передал ей, что у короля на самом деле было такое желание, но Бог не позволил ему осуществить его; и прежде чем он успел бы вернуть супругу, он был бы наказан судом Божьим.

5. После всего, о чем было сказано, вышеупомянутая госпожа Радегунда все свои мысли обратила к Христу, и в Пиктаве (Пуатье), вдохновленная и поддерживаемая Госпо-

16 Вероятно, термин германского происхождения, обозначает разновидность украшения из драгоценных камней.

17 См. сноску 8.

18 Здесь Баудонивия использует редкий термин “*rachina*”, обозначающий грубую ткань.

19 Автор уподобляет затворника Иоанна Христу, который «пробыл всю ночь в молитве к Богу» (Лк, 6: 12).

дом, возвела для себя монастырь²⁰ по решению высокого короля Хлотаря. Строительство его по распоряжению правителя вскоре завершили муж апостольский епископ Пиенций (*Pientius*) и граф Австрапий (*dux Austrapius*)²¹; и в монастырь этот святая королева, отвергнув мнимую привлекательность мирского, вошла радуясь, и отныне там она будет ревностно искать и собирать, словно самые совершенные, великолепные украшения, большое число дев для Христа, бессмертного жениха. Там была избрана и поставлена аббатиса²², и там как будто она [Радегунда] и ее власть были отвергнуты, и из принадлежащего ей по праву она ничего себе не оставила, чтобы более легко следовать по стопам Христа, и настолько больше она тем самым себе приобрела на небесах, насколько в жизни земной от себя отняла. В скором времени также и образ ее святой жизни воссиял смирением, милосердием, щедрой любовью к людям, осветился целомудрием, воздержанием от жирной пищи, и таким образом она себя полностью отдала

-
- 20 Основание монастыря может быть отнесено к периоду между 555 и 558 гг. В 555 г. супруг Радегунды король Хлотарь собирался жениться на вдове Теодеберта I, франкского короля из династии меровингов. После этой неудачной попытки жениться Хлотарь, возможно, предпринял попытку вернуть Радегунду, напугав ее этим. Но, вероятно, вскоре они пришли к соглашению, основав монастырь, Радегунда написала письмо св. Цезарии Младшей (?–557 гг.), настоятельнице монастыря св. Иоанна в Арле, основанного её дядей Цезарием Арелатским, с просьбой прислать ей «Правило для Дев» в качестве устава для своего конвента.
- 21 О св. Пиенции, епископе Пуатье (ум. ок. 560 г.) упоминает Григорий Турский в «Истории франков» (IV: 18). Епископ Австрапий — граф Тура и Пуатье, позже епископ крепости Селл (*Sellense castrum*) в округе города Шоле, ныне это г. Шантосо (*Champtoceaux*). Судя по тексту «Истории франков» Григория Турского, Пиенций и Австрапий были сторонниками Хлотаря в борьбе против его сына Храмна (**Григорий Турский**. 1987: IV. 18).
- 22 Агнесса (?– 13 мая 588 г.), первая аббатиса женского монастыря в Пуатье. Умерла ровно через 9 месяцев после смерти Радегунды (ум. 13 августа 587 г.) и была, также как она, похоронена в церкви св. Марии за городскими стенами (совр. Церковь св. Радегунды в Пуатье). День ее повинения — 13 мая.

любви к небесному жениху, и Господа возлюбив чистым сердцем, почувствовала, что в сердце своем обрела Христа.

6. Но завистник благого, враг рода человеческого²³, к чьим желаниям она испытывала отвращение, даже когда еще пребывала в миру, не прекращал преследовать ее. Еще она узнала от вестников то, чего она боялась, [а именно] великий король со своим сыном святейшим королем Сигебертом²⁴ прибыл в Тур будто бы под предлогом обетов, откуда они могли бы легко добраться до Пуатье, чтобы вернуть королеву²⁵.

7. Узнав об этом, блаженная Радегунда написала при совершении религиозного обряда особые (*sacramentales*) письма апостольскому человеку господину Герману, епископу Парижскому²⁶, который в то время находился с королем. И тогда она [Радегунда] к нему направила своего тайного посланника Прокула с дарами и хвалебными речами (*eclogia*). И когда Божий человек перечитал их, он со слезами бросился в ноги короля у могилы блаженного святого Мартина с мольбой не приезжать в Пуатье, как об этом его тайно просили в письмах. И таким образом король, полный горечи, узнал, какова была просьба блаженной королевы, и ведомый раскаянием в том, что дурных советчиков послушал и задумал недостойное, и потому сам столь важной королевы более не достоин, он упал

23 См.: «враг, посеявший их, есть диавол» (Мф 13: 39).

24 Сигиберт I (535–575 гг.) — король Австразии из династии Меровингов. Правил в 561–575 гг. Сын короля Хлотаря I и его первой жены Ингунды.

25 Возможно, это произошло в тот период, когда Хлотарь отправился в Тур поклониться гробнице св. Мартина. Григорий Турский относит это событие к 560 г., когда за год до смерти король Хлотарь покаялся во всех своих поступках и молил Мартина «испросить прощение у господина за его грехи и своим заступничеством смягчить то, что совершил он в безрассудстве» (IV: 21).

26 Св. Герман стал епископом Парижа в 555. Умер в 576. Его житие было написано Венанцием Фортунатом (**Venantius Fortunatus**. 1920: 337-428). Именно он посвятил Агнессу в аббатисы монастыря, основанного Радегундой (см. сноску 22).

ниц перед входом [к гробнице] святого Мартина к ногам апостольского мужа Германа, и молил, как если бы он пришел просить саму блаженную Радегунду, чтобы она соблаговолила простить его, за то, что он в отношении ее собирался свершить, послушав дурных советчиков. Поэтому Божья кара немедленно их настигла: так, Арий (*Arrius*), который выступал против католической веры, все внутренности свои в уборной оставил²⁷, и такое случилось со всеми, кто действовал против благословенной королевы. Тогда король, опасаясь божьего суда, поскольку его королева исполняла волю Господа в большей степени, нежели свою, в то время пока она еще жила с ним, просил его [Германа] как можно быстрее прибыть к ней. Так муж апостольский господин Герман прибыл в Пиктаву, вошел в монастырь, в часовню, посвященную святой госпоже Марии²⁸, упал в ноги блаженной святой королеве, прося простить короля. И она, радуясь, что избежала оков брэнного мира, любезно простила его и стала готовиться к служению Богу. Теперь готовая, куда бы не пришлось, повсюду следовать за Христом, которого она всегда любила, она поспешила со всей душой, обращенной к нему. Стремясь к своей цели, она добавила к этому вереницу ночных бдений и уподобилась тюремщику для своего тела во время ночных бдений. И хотя она была милосердна к другим, для себя стала строгим судьей, к остальным добрая, к себе суровая в воздержании, щедрая ко всем, но ограничивающая себя, как если бы умерщвления тела постами было недостаточно, и как будто бы она свои телесные слабости не преодолела.

27 Об этом писал Руфин Аквилейский в «Церковной истории» (I: 13). У Григория Турского в «Истории франков» также есть описание этой истории с Арием, у которого «в уборной вывалились внутренности через задний проход» (**Григорий Турский**. 1987: II. 23).

28 См. об этом у Григория Турского (**Григорий Турский**. 1987: IX. 42).

8. Итак, всей душой ревностно предаваясь этому, как о том было сказано в первой книге²⁹, она заслужила право всецело посвятить себя Богу. Однако же, она все время укрепляла свой дух неустанными молитвами, бдениями, корпела над священными текстами, путникам сама подавала пищу и прислуживала за столом, собственноручно омывала и вытирала ноги немощным. Она не позволяла служанке помогать себе, и поэтому, всецело преданная, суежилась, стараясь выполнить любую работу; себя же, напротив, до такой степени подвергла тяжелому воздержанию, затворившись от мира, и настолько доводила свое тело до истощения, а дух ее настолько был устремлен к Богу, что земное в ней более не нуждалось в пище. Даже постель соорудила, словно в наказание себе, после того, как благочестие стало ее обычаем; ни разу подушку мягкими перьями не наполнила, и никогда изысканным полотном не покрывала ложе, так что вместо покрывала спала на золе и укрощала нежную плоть власяницей. О строгом воздержании и служении другим многое рассказано в предыдущей книге. Воистину до такой степени она себя сделала нищей пред богом, что тем самым подавала пример другим. Рукавиц (*manica*), которые на руку надевают, не имела, только лишь из своей обуви (*caliga*) себе сделала две рукавицы; но настолько скрытно она себя представляла нищей, что об этом даже аббатиса не узнала. Кто может описать ее терпение, ее милосердие, пылкость ее духа, благоразумие, ее щедрость, ее благочестивое рвение, ее непрекращающиеся размышления днем и ночью о законе Божьем?³⁰ И

29 Т.е. в первом житии св. Радегунды, написанном Венанцием Фортунатом.

30 Эта фраза воспроизводит фрагмент из жития св. Цезария (I: 45): «Возможно ли описать его стойкость, чистоту, заботу, жар его души, благоразумие, доброту, его святую ревность в вере, непрерывные днем и ночью размышления о Законе Божьем?» (**Житие св. епископа Цезария**. 2016: 120).

когда она, казалось, прекращала пение псалмов или проповеди, то чтица (*lectrix*), одна из монахинь, не переставала читать их ей³¹. До такой степени ее сердце и уста не уставали прославлять Господа, что однажды увидев привратницу монастыря по имени Эудегунда (*Eodegund*), и проходя мимо нее и захотев обратиться к ней, вместо ее имени воскликнула «Аллилуйя». Это совершала она тысячу раз, но никогда из уст ее не исходило злословие, никогда ложь, никогда слово проклятия против кого бы то ни было не исходило от нее; и она не только не клеветала против кого-либо, но даже не стала бы терпеливо выслушивать клевету³². За преследователей своих всегда молилась и учила других молиться³³. Паству, которую собрала во имя Бога и полная божественной любви, и столь сильно любила, что даже родственников своих и короля, с которым соединена была узами брака, и не вспоминала. Часто нам во время проповеди говорила: «Дочери, я выбрала вас, вас, мой светоч, вас, мою жизнь, вас, мое успокоение и все мое счастье, вас, молодую поросль³⁴. Пойдемте со мной в этот мир, и возрадуемся там в мире грядущем. Полные веры и с сердцами, наполненными любовью,

31 Ср. с житием св. Цезария (I: 45): «Когда казалось, что он отдыхал от размышлений о псалмах и проповедях, чтец или секретарь не переставал читать подле него (**Житие св. епископа Цезария**. 2016: 120).

32 См. там же: «Никогда из уст его не вырывалось ни злословия, ни лжи, ни проклятия против какого-либо человека, и не только не вредил кому-либо, но и не слушал клеветника» (**Житие св. епископа Цезария**. 2016: 120).

33 Здесь Баудовиния снова использует фразу из жития св. Цезария (I: 46): «и не только за друзей, но и за врагов молился» (**Житие св. епископа Цезария**. 2016: 121). См. также: «А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...» (**Мф 5: 44**).

34 **Псал 143: 12**: «Да будут сыновья наши, как разросшиеся растения в их молодости».

будем служить Господу; в почтительном страхе³⁵, в простоте сердца³⁶ будем искать его, так что с уверенностью сможем сказать ему: “Даруй нам, Господи, что ты обещал, потому что мы сделали, что ты повелел”».

9. Никогда она возлагала на кого-либо обязанность выполнять то, что она сама бы сначала не сделала. Всякий раз, когда к ней приходил слуга Божий, она озабоченно расспрашивала его, как служить Господу. Если она узнавала что-то новое от него, что сама еще не исполняла, тотчас же со всем рвением возлагала это на себя; затем конгрегацию на словах учила тому, что уже примером своим показывала³⁷. Пение псалмов при ней не прекращалось, она никогда не уклонялась от чтения, ни днем, ни ночью, не давая своему телу ни малейшего отдыха. После чтения вслух, она, заботясь о благочестии наших душ, говорила: «Если вы не понимаете смысл того, о чем читаете, почему бы вам не искать его усердно в глубине ваших душ?» И если мы осмеливались заранее спрашивать, она со всей благочестивой заботой и материнской любовью, которые ее чтение содержало, ради спасения души никогда не переставала проповедовать. Подобно тому, как пчела выбирает разные виды цветов, чтобы сделать мед, так и она от тех, кого приглашала, старалась собирать духовные цветочки, из которых, благодаря усердным трудам, смогла извлечь плоды для себя и своих последователей. И ночью, и днем³⁸, когда ее, как казалось, на короткое

35 Псал 2:11: «Служите Господу со страхом и радуйтесь [пред Ним] с трепетом».

36 Прит 1:1: «Любите справедливость, судьи земли, право мыслите о Господе, и в простоте сердца ищите Его...».

37 Ср. с житием св. Цезария (I: 46): «и не обучал словам, которые не наполнял примерами» (**Житие св. епископа Цезария**. 2016: 121).

38 «Денно и ночью» (Лк 2:37; 1 Тим. 5:5; 2 Тим. 1:3). Выражение “*nocte dieque*” также встречается в классической латыни, у Цицерона, Овидия, Марциала или раннехристианских авторов, также в трудах Венанция Фортуната.

время охватывал сон, ей всегда кто-то продолжал читать. Иногда та, кто читала ей, чувствуя, что она впадает в сон, думала, что сама сможет сейчас немного отдохнуть. Но как только чтение прекращалось, душа, устремленная к Христу, словно говорила: «Я сплю, но сердце мое бодрствует»³⁹, и она вопрошала: «Почему ты молчишь? Читай, не останавливайся». И когда наступал час вставать посреди ночи, прежде чем ход ее завершится полностью, к тому времени [она] сонливость уже не ощущала, тотчас же готовая, с постели радостно поднималась служить Господу, и с уверенностью говорила: «Средь ночи поднялась, чтобы исповедовать тебе, Господи»⁴⁰. Поистине, часто и казалась спящей, и псалмы воспевала во время сна, и действительно она честно и искренно могла сказать: «помыслы сердца моего всегда перед взором твоим»⁴¹. Кто мог бы подражать той пылкой привязанности, с которой она любила всех людей? Столь многими добродетелями воссияла она, скромностью с застенчивостью, мудростью с простотой, строгостью с милосердием, ученостью со смирением, одним словом то была жизнь непорочная, жизнь безупречная, жизнь всегда достойная ее⁴².

39 Песн 5:2: «Я сплю, а сердце мое бодрствует».

40 Псал 118:62. «Он в полночь вставал славословить Господа».

41 Ср. с житием Цезария (I:46): «Ибо часто казалось, что он одновременно и спит, и размышляет. Так, что истинно и правдиво он говорил: «Помышления сердца моего всегда пред Твоим взором» (Житие св. епископа Цезария. 2016: 121). Также см.: Псал. 18:15: «Да будут слова уст моих и помышление сердца моего благоугодны пред Тобою, Господи...»

42 При перечислении достоинств Радегунды Баудовиния опирается на текст жития св. Цезария (I: 53), немного изменив и сократив его: «И блистали в нем следующие добродетели: непорочность с чистотой, умеренность со скромностью, мудрость с простотой, строгость с кротостью, ученость со смирением, и, наконец, жизнь непорочная и безупречная, всегда соответствующая ему. Кто когда-либо мог воспроизвести тот пыл, с которым он любил всех людей?» (Житие св. епископа Цезария. 2016: 131).

10. До такой степени она себя всего лишила, что принадлежало ей, что, в случае если некоторым из сестер пожела- лала дать неразбавленное вино, себе самой не позволяла прикасаться к чему-либо из своей собственной кладовой. Зная это, почтенная аббатиса предоставила ей бочонок (*ton- neta*) с 8 модиумами⁴³ [вина], который она препоручила св. Фелиции (*Felicis*) хранить в своей кладовой для нужд [паст- вы]. От времени сбора винограда и во все другие дни, повсю- ду, где бы ее не просили, раздавала его⁴⁴; и никогда оно не уменьшалось, но всегда его количество сохранялось на том же уровне. Когда прибывало новое вино, которое пополняло ее кладовую, тот бочонок наполнялся сам собой; и прежде чем большие бочки (*pontones*) и малые (*tonnae*) опустеют, блаженная женщина, по своей воле, вновь их наполняла. Господь накормил пятью хлебами и двумя рыбами пять ты- сяч человек⁴⁵; поэтому всякий раз его раба, увидев нуждаю- щихся, раздавала им круглый год из этого небольшого коли- чества. Всегда беспокоилась о мире, заботилась о благополу- чии отечества, и всякий раз, когда королевства (*regna*) начи- нали воевать между собой, поскольку она любила всех коро- лей, за жизнь каждого молилась и нас учила непрестанно молиться за спокойствие в королевствах. И всякий раз, когда бы она не услышала о том, что они между собой начали враж- довать, то, вся содрогаясь, она направляла письма с мольбой

43 См. сноску 10.

44 Баудонивия, судя по всему, хорошо знакома с текстом «Правила для Дев» Цезария Арелатского, в 28 главе которого говорится о роли кладовой в монастыре (См. перевод: **Правило**. 2014).

45 См.: «Они же говорят Ему: у нас здесь только пять хлебов и две рыбы» (**Мф** 14:17); «Но Он спросил их: сколько у вас хлебов? Пойдите, посмотрите. Они, узнав, сказали: пять хлебов и две рыбы» (**Мк** 6:38); «Здесь есть у од- ного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбки; но что это для такого множества?» (**Ин** 6:9).

одному, и такие же другому, чтобы между ними не было вражды, и они не брались за оружие, но поддерживали мир, и отечество бы не погибло. И равным образом она направляла письма их военачальникам (*proceres*), чтобы они дали целительные советы высоким королям, чтобы их власть могла бы служить на благо народа и страны. Она налагала постоянные бдения на свою паству и учила нас со слезами непрестанно молиться за них [правителей]. Воистину столь много мучительных испытаний она на себя наложила, что подобное кто смог бы выразить словами? Так, благодаря ее заступничеству установился мир в королевстве, кончились войны, настало благополучие в стране⁴⁶; зная о ее благоразумном посредничестве, все обрадовались, благословляя имя Господа. Хотя с помощью небесного правителя она мир в королевстве установила, более охотно себя посвятила Богу и готова была служить каждому, и, не заботясь о том, какого рода обязанности требовалось выполнять, она стремилась исполнить любые. Своими руками она каждому омывала ноги, вытирая полотенцем (*sabanum*) и целуя их, и, если бы это было дозволено, подобно Марии, не противилась бы вытирать [их ноги] своими распущенными волосами⁴⁷. В ответ на столь неизмеримые благодеяния, которые были ей даны божьей милостью, Господь, щедрый даритель добродетелей, благодаря чудесам сделал ее еще более известной во всей Франции (*Frantia*); но хотя там ее знали как королеву, себя она готовила скорее к небесному царствию, нежели к земному. Воздвигнув себе часовню (*oratorium*), в которой молилась, когда могла от короля ускользнуть, она всегда обращалась к

46 В действительности этого не произошло, и междуусобицы между правителями франков были постоянным явлением в истории этого периода.

47 «Мария же, взяв фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его» (Ин 12:3).

небесному Господину, и там ей являлись знаки милости Божьей, когда она взывала к нему, и когда усердно молилась.

11. Вскоре после того, как [Радегунда] затворилась в монастыре, матроне по имени Маммезо (*Mammezo*) во время поездки попал в глаз уголек. И там день и ночь стояли только крик, только боль, только стенания, и тогда Господь явил свою милость. И хотя он там не присутствовал во плоти (*in corpore*), но даже простое взывание к его имени явило ей благосклонность. Господь сумел внушить ей, чтобы она поспешила в часовню и там, воззвав к ней [Радегунде], обрела бы себе спасение. И когда женщина, сильно страдая, поддерживаемая под руки своими слугами, едва смогла дойти до ее оратория, испытывая сильные страдания, то бросилась на пол и стала кричать: «Госпожа Радегунда, себя вверяю тебе, преисполненной Божьей благодати, чью волю ты скорее исполнишь, чем человеческую; добрая женщина, преисполненная благочестия, помилуй меня, помоги несчастной, молись за меня, и верни мне зрение, так как душа моя страдает от тяжелых мучений и боли». И таким образом та, что в одиночестве переносила страдания за всех [в ту пору], когда еще в теле своем пребывала, до того, как смогла ее исцелить, любезно внимала той, что взывала к ее имени. Господь смилостивился, благодаря его вмешательству боль ушла, здоровье вернулось, глаз, который, как уже считали, был потерян и испытывал только чувство боли, вновь стал невредим. И та, что в течение многих дней ничего не ела и не видела дневного света, своими ногами, никем не поддерживаемая, невредимая вернулась домой, и по сей день благодарит Господа.

12. Позвольте мне добавить еще одно чудо во славу Христа, которое способно держать в страхе других. Виноберга (*Vinoberga, Vinopergia*) была одной из ее служанок, которая дерзко осмелилась сесть в кресло святой госпожи после ее

ухода [в мир иной]. Содеяв это, она была наказана Божьим судом, и загорелась, так, что каждый мог видеть дым, который поднимался из нее вверх, и она тут же на глазах у всего народа возопила, признавшись в своем прегрешении; и поэтому она была охвачена огнем, так как восседала в кресле праведной женщины. В течение трех дней и трех ночей она страдала от огня, и громко кричала: «Госпожа Радегунда, я согрешила, поступив плохо, будьте милостивы, охладите мои конечности, сильно сожженные этой пыткой. О милосердная, прославленная добрыми делами, сострадающая всем, помилуй меня». Весь народ, видя ее мучения, молился за нее, как если бы сама она [Радегунда] присутствовала, прося, чтобы она явилась, вызванная верой в нее: «Милостивая госпожа, сжался над ней, не дай несчастной умереть в таких ужасных мучениях». Вот так блаженная женщина любезно снизошла к молитвам всех, и пылавший огонь потушила; невредимая, [Виноберга] вернулась к себе домой. Вот так справедливое наказание всех сделало всех осмотрительными и преданными⁴⁸.

13. В то время, когда она еще жила на своей вилле в Со (*Sueda*), преданно и верно устремясь всем сердцем к Христу, она пожелала собрать реликвии всех святых, принеся обеты, и в ответ на ее молитвы, прибыл преподобный пресвитер Магнус (*Magnus*) с реликвиями славного Андрея (*Andrea*) и многих других. Они были положены на алтарь, и, когда она посвятила ночь бдению, согласно правилу, и склонилась в молитве, ее одолел краткий сон, будто бы Господь явил волю свою исполненной, сказав ей: «Знай, благословенная женщина: здесь не

48 Вероятно, необходимость описания подобного случая связана с памятью о событиях 589–590 гг., когда монахини данного конвента восстали против своей аббатисы Левбоверы (См. об этом: **Бикеева**. 2009: 72-88). История с Винобергой и события 589–590 гг. свидетельствуют о том, что монашеский идеал социального равенства в этом монастыре не соблюдался.

только реликвии, принесенные пресвитером Магнусом, это лишь часть, но и все, что ты собрала на вилле в Атье (*Adtegia, Atteia, Ateias*), все это тоже находится здесь». Когда она открыла глаза, она увидела прекраснейшего человека, который объявил ей это, и, ликуя, она благословила Господа.

14. После того, как она удалилась в монастырь, сколь много реликвий она собрала, усердно молясь, как о том восток свидетельствует, утверждают север, юг и запад, отовсюду драгоценные камни (*preciosae gemmae*)⁴⁹, те, что небесами сокрыты и в Раю имеются, она получала как дары в ответ на свои молитвы. С ними она посвятила себя постоянно чтению псалмов и воспеванию гимнов. Наконец, дошли до нее вести о святом мученике Мамасе (*Mamas, Mammus, Mammet*)⁵⁰, и что его святые мощи находятся в Иерусалиме. Услышав об этом, она жадно и ненасытно внимала, словно при водянке, когда человек, выпивая все больше воды, только увеличивает жажду, так и она, хотя и окропилась росой Божьей, [только] все более распалась⁵¹. Она отправила почтенного пресвитера Реовала (*Reovalis*)⁵², который тогда пребывал в этом мире и до сих пор еще в нем пребывает, к патриарху Иерусалимскому, прося реликвию блаженного Мамаса. Тот Божий человек принял его радушно, и объявил его просьбу людям, спрашивая, будет ли на то воля Господа. На третий день, после того как он [патриарх] отслужил мес-

49 Выражение «драгоценные камни» встречается в Книге пророка Самуила: «И взял Давид венец царя их с головы его — а в нем было золота талант и драгоценный камень — и возложил его Давид на свою голову...» (2 Цар 12:30).

50 См. сноску 11.

51 Ср.: «Жаде волю дав, все растет водянка...» (Квинт Гораций Флакк. 1993).

52 Григорий Турский называет этого человека доктором, который был знаком с Радегундой, обращавшейся к нему за врачебными советами (Григорий Турский. 1987: X.15).

су, он подошел в присутствии народа к гробнице святого мученика, преисполненный веры, громко возвещая нечто в этом роде: «Прошу тебя, исповедник и мученик Христов, если блаженная Радегунда истинная раба Божия⁵³, своей властью сделай это известным всем народам и, в знак своей благосклонности, отправь верной душе то, что она просит». По окончании молитвы весь народ ответил: «Аминь», и тогда подошел он к гробнице святого, как всегда радуясь возможности засвидетельствовать свою веру, коснулся ее [гробницы] таким образом, чтобы сам святой мог указать на то, что он дал бы в ответ на просьбу госпожи Радегунды. Он касался каждого его пальца на правой руке, и, когда дошел до мизинца святого, тот отделился от легкого прикосновения его собственной руки, так что это могло удовлетворить желание блаженной Радегунды, и вот так исполнилось ее желание. Апостольский человек отправил этот палец с достойными почестями, чтобы благословить Радегунду, и [на пути] из Иерусалима в Пуатье в ее честь все время громко воздавали хвалу Господу. Можете ли вы представить себе пламенный дух, столь великую преданность, с которой она предалась воздержанию, в ожидании великой награды? А когда блаженная королева получила этот небесный дар, она возрадовалась со всем рвением, и в течение целой недели со всей своей паствой, она посвятила себя бдениям, чтению псалмов и посту, благословляя Господа, потому что она заслужила право получить сей дар. Ибо Бог не отказывает своим верным слугам в их просьбах. Часто она говорила ласково, как будто загадкой, так что никто не мог понять: «Тот, кто забо-

53 Ср.: «Тогда Мария сказала: се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему» (Лк 1, 38).

тится о душах, должен более всего бояться всеобщего восхваления».

Но независимо от того, что она хотела бы этого избежать, щедрый податель Добродетели трудился все больше и больше, чтобы явить всем ее веру, так что всякий раз, когда больной человек, в немощи пребывая, взывал к ней, то становился здоровым.

А.Ю. Серегина

УСВОЕНИЕ АРИСТОТЕЛИАНСКИХ ИДЕЙ ВНЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В АНГЛИИ XVII в.: ДЖЕЙН ШАРП И «КНИГА ПОВИТУХ» (1671)*

Ключевые слова: Джейн Шарп, Хейкайя Крук, родовспоможение, медицина, Аристотель, университетская культура, популярные медицинские сочинения

Аннотация: в статье анализируется «Книга повитух» Джейн Шарп и ее источники. Сопоставление текстов «Книги повитух» и главного из них, «Микрокосмографии» Х. Крука, демонстрирует механизм усвоения аристотелевских идей женщинами, находившимися за рамками университетской, латиноязычной культуры. Прилагается перевод глав 5 и 6 второй части книги на русский язык.

XVI–XVII вв., засвидетельствовавшие распространение натурфилософии за пределами университетов и воздействие научного дискурса на различные стороны европейской культуры¹, стали и периодом выхода женщин в публичное пространство ученой литературы. Представляемая читателю публикация завершает цикл переводов текстов из первого английского медицинского бестселлера XVII в., изданного женщиной: «Книги повитух» Джейн Шарп (1671)². Публику-

* Работа выполнена в рамках проекта «Наследие Аристотеля как конституирующий элемент европейской рациональности в исторической перспективе» РНФ (№ 15-18-30005).

1 См. об этом: **Лисович**. 2015.

2 **Серегина**. 2015; **Серегина**. 2016.

емые здесь главы части II: о рождении монстров и о сходстве детей с родителями — насыщены ссылками на произведения Аристотеля. Как уже отмечалось в предыдущих публикациях серии, все эти ссылки были заимствованы из других работ: до XIX в. не существовало английских переводов трудов Аристотеля, и женщины, как правило, не владевшие латынью (как и Джейн Шарп), вынуждены были обращаться к изложениям его идей в популярных тематических — в данном случае медицинских — работах. Для Джейн Шарп основными источниками, по которым она знакоилась с идеями Аристотеля и других древних авторов, были «Наставление повитухам» Николаса Калпепера (1656)³ и популярная медицинская энциклопедия начала XVII в. «Микрокосмография, или описание человеческого тела» Хелкайи Крука (1615)⁴. Задачей данной публикации является анализ механизма опосредованного усвоения аристотелианских идей «из вторых рук», а именно, при помощи доступных женщинам популярных медицинских трудов⁵, а также выявление ограничений и проблем, вызванных таким методом распространения информации. Сопоставление текстов Джейн Шарп и ее источников показывает также, как она работала с материалами, отбирала, компилировала и пересказывала его.

Сравнение текстов показывает, что в рассматриваемых главах Джейн Шарп взяла за основу «Микрокосмографию» Крука, а точнее, гл. 14 и 20⁶, в которых говорилось о монстрах и гермафродитах и сходстве детей с родителями соот-

3 Culpeper. 1656

4 Crooke. 1615. См. примеч.1

5 О женщинах и научных знаниях см. Cottagnies, Parageau, and Thompson. 2016: P. 1-26.

6 Crooke. 1615: 218, 224-228.

ответственно. При этом источник значительно сокращен и отредактирован, с изъятием значительного объема текста.

Отчасти это объясняется построением сочинения Шарп: так, ее не интересовали гермафродиты, но исключительно тератология, поэтому в ее тексте не получил отражение соответствующий раздел главы 14 у Крука. Пересказывается, с незначительными сокращениями, основное его содержание, посвященное причинам появления монстров; причем авторский текст Крука немилосердно сокращен. Главное его ценностью для Шарп были приведенные ссылки на античных авторов; все они использованы в ее тексте (см. перевод ниже).

На одном из изъятых кусков текста стоит остановиться подробнее, так как он имеет прямое отношение к восприятию аристотелевских идей: Джейн Шарп сократила оригинал, и воспроизвела в искаженном виде краткие рассуждения Крука, в которых получили отражения аристотелевские представления о причинности применительно к биологии. Оригинальный текст Крука выглядит следующим образом:

Материальной причиной является семя, действующая же — либо первична, либо вторична. Первичная же причина двояка: формирующая способность и воображение. Вторичная причина — инструментальная, т.к., место [зачатия] и некоторые качества, например, жар⁷.

У Шарп этот отрывок выглядит так:

однако инструментальные причины всех этих ошибок природы происходят либо от материальной, либо от действенной причины размножения. Материей является семя, которое может испортиться тремя разными способами⁸.

7 Crooke. 1615: 218.

8 Sharpe. 1671: 117.

Этот отрывок выявляет сразу две особенности ее цитирования. Во-первых, она очевидным образом путается в аристотелевских терминах: инструментальная причина чего-либо есть подвид действующей причины в аристотелевой теории каузальности. Шарп, по всей видимости, не понимала ее тонкостей. Во-вторых, если материальная причина размножения, по Аристотелю — от женщины, то активная, действенная — от мужчины. Шарп, таким образом, уравнивает здесь мужчины и женщину как источников качеств — плохих и хороших — передаваемых потомству, не воспроизводя мизогинистских клише.

Похожим образом отредактирована и гл. 20 «Микрокосмографии», где речь идет о сходстве родителей с их детьми и роли воображения. В начале главы Джейн Шарп изъяла довольно большой раздел текста, в котором воспроизводились взгляды Гиппократов на причины рождения детей мужского и женского пола:

Сходство пола (т.е., причины того, почему рождаются мальчики или девочки) имеет своей причиной температуру семени, его смешение и преобладание в ней [отцовского или материнского семени]. Если семя обоих родителей горячо, получаются мальчики, если холодно, то девочки. Если при смешении преобладает семя мужчины, то рождается мальчик, если женщины — то девочка. Все это излагает Гиппократ в первой книге De Dietae, признавая, что каждый пол имеет семя двух родов: мужское — оно горячее и сильнее — и женское — оно холоднее, и различные их сочетания порождают мальчиков и девочек.

Тем самым он выделяет три вида порождения мальчиков и девочек. Если оба родителя дают мужское семя, они производят на свет детей мужского пола благородного и щедрого нрава, благородных умом и сильных телом. Если от мужчины исходит мужественное семя, а от женщины — женственное, и мужественное преобладает, то рождается мальчик, но он будет менее щедрым и сильным, нежели первый. Если же от женщины придет мужественное семя, а от мужчины — женственное, и мужественное возобладает, то рождается мальчик, но он будет похож на женщину,

изнежен, низок духом и женственен. Подобное же можно сказать и о рождении девочек: если оба родителя дадут женственное семя, родится слабая и женственная девочка. Таких Гиппократ в первом разделе шестой книги *Epidemion* называет *aquescentes*: мягкие, водянистые и бесформенные тела. Если же от женщины исходит женственное семя, а от мужчины — мужественное, и преобладает женственное, рождаются храбрые и умеренные девочки. Если от мужчины исходит женственное семя, а от женщины мужественное, и возобладает семя, исходящее от женщины, рождаются яростные и мужеподобные женщины. Поэтому температура семени и то, какое именно возобладает при смешении суть причины сходства полов, то есть, рождения мальчиков и девочек; к этим причинам добавляется температура матки и условие места, ибо, как я уже говорил, дети мужского пола зачинаются с правой стороны [матки], а женского — с левой⁹.

Как мы видим, в этом отрывке воспроизводятся расхожие мизогинистические представления о женщине как о недо-мужчине, качественно уступающей ему. Аристотелевские представления о причинах рождения девочек (недостаточно горячее семя) не столь детальные, но не менее мизогинистичны. Джейн Шарп избегает цитирования подобных отрывков. Удивительным образом, в ее сочинении вообще нигде подробно не говорится о том, почему рождаются дети того или иного пола. Лишь в главе, посвященной внешним приметам, по каким можно понять, какого пола дитя носит женщина, вскользь упомянуто, что плод мужского пола располагается в правой части матки, а женского — в левой¹⁰. Но это — единственный и очень короткий комментарий.

Основной материал гл. 20 отредактирован примерно в том же духе, что и гл. 14: текст менее энциклопедичен, сокращен, а изложение упрощено. При этом использованы все примеры и цитаты, задействованные Круком, хотя они не

9 Crooke. 1615: 226.

10 Sharp. 1671: 105.

воспроизведены дословно, а пересказаны и порой переставлены местами.

Опущен и еще один кусок текста Крукса, в котором тот довольно путано излагает взгляды Аристотеля на актуальность и потенциальность применительно к причинности (в данном месте речь шла о возникновении внешнего сходства отца с сыном, по отношению к которому первый является действенной причиной второго)¹¹.

Таким образом, проанализированный здесь способ редактирования, примененный Джейн Шарп показывает, что полное изъятие (а не сокращение, пересказ или перемещение в другое место) могло объясняться в одних случаях явным несогласием автора с общепринятыми стереотипами, описывавшими женщин как пол, по своей природе худший и слабейший, нежели мужчины.

Вторая же причина сокращений имеет прямое отношение к усвоению аристотелевых идей. Из текста были убраны все пассажи, восходившие к аристотелевой теории каузальности, по всей видимости, потому, что Джейн Шарп не поняла их. Справедливости ради стоит отметить, что у Крукса соответствующие места представляют собой не подробное объяснение, а отсылку, напоминание того, что его читателю и без того должно было быть известно. И в самом деле, аристотелева теория каузальности изучалась в рамках университетского курса свободных искусств и разъяснялась в рамках многочисленных комментариев к трудам Аристотеля. Все они, однако, были латиноязычными, а значит, недоступными как для Джейн Шарп, так и для большинства женщин, не владевших латынью.

11 Crooke. 1615: 225.

Это заключение показывает, как усваивались аристотелианские идеи за пределами круга людей с университетским образованием. «Прикладная» часть его учения просачивалась во вне-университетскую культуру благодаря многочисленным сочинениям, подобным компендиуму Хейлкаи Крука — сводам знаний в соответствующих отраслях. При этом основы аристотелевых построений, которые обычно преподавались в рамках университетских курсов и далеко не всегда выходили за пределы латиноязычной культуры, оставались достоянием интеллектуальной элиты и редко усваивались женщинами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Crooke. 1615 – Crooke H. The Microcosmographia. L., 1615.

Sharp. 1671 – Sharp. J. The Book of Midwives, or the Whole Art of Midwifery Discovered. L., 1671.

ЛИТЕРАТУРА

Лисович. 2015 – Лисович И.И. Скальпель разума и крылья воображения. Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового времени. М., 2015.

Серегина. 2015 – Серегина А.Ю. Аристотелевская традиция в медицине и «спор о женщинах» XVII в.: «Книга повитух» Джейн Шарп // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2015. С.197-249.

Серегина. 2016 – Серегина А.Ю. Аристотелевская традиция и популярная медицинская литература XVII в.: Джейн Шарп читает Аристотеля? // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2016. С. 31-57.

Cottegnies, Parageau, and Thompson. 2016 – Cottegnies L., Parageau S., and Thompson J.J. (eds). Women and Curiosity in Early Modern England and France. Leiden, 2016.

Джейн Шарп

КНИГА ПОВИТУХ*

Часть II.

Глава V

О причинах зачатия монстров

Многих ученых людей беспокоил вопрос о том, в чем причина зачатия монстров. Алкабитий¹ говорит, что, если луна находится в определенном градусе, когда зачат ребенок, он станет монстром. Астрологи ищут причину в звездах, а священники видят ее в справедливых суждениях Господа, в таких случаях они не обвиняют родителя или ребенка, но приводят ответ нашего благословенного Спасителя ученикам, спросившим Его: *кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?* Наш Спаситель ответил: *не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились суждения² Божии³*. Во всех подобных случаях мы не должны исключать божественное воздаяние; однако инструментальные причины всех этих ошибок природы происходят

* Перевод и комментирование выполнены А.Ю. Серegiной. Работа осуществлена в рамках проекта «Наследие Аристотеля как конституирующий элемент европейской рациональности в исторической перспективе» РНФ (№ 15-18-30005).

1 Арабский астролог и математик Аль-Кабиси (ум. 967). Латинские переводы его текстов были популярны в XVI в.

2 Так в тексте. В Синодальном переводе — деяния.

3 **Ин** 9:2-3.

либо от материальной, либо от действенной причины размножения⁴.

Материей является семя, которое может испортиться тремя разными способами: либо когда его в избытке, и члены ребенка крупнее, или их больше, чем должно быть, либо его слишком мало, и тогда какие-то части или все тело целиком слишком маленькие, или же семя обоих полов дурно соединено, например, семя мужчин или женщин с семенем зверей; конечно, вероятно, что появятся не подобные родителям, но неестественные соединения. Однако Господь может карать мир такими суровыми карами, и это справедливое воздаяние по нашим грехам. Аристотель говорит нам, что в Африке среди зверей рождается так много монстров, потому что, отправляясь вместе к водопою, животные разных видов спариваются, и ежедневно зачинают новых монстров⁵. Но действующая причина появления монстров — либо от формирующей способности семени, либо от соединенной с ней силы воображения. К этому стоит добавить менструальную кровь и состояние матки; порой мать испугана, воображает чудеса или желает небывалого, и дитя отмечено в соответствии с этим. Некачественная материя мешает формированию, потому что действующая причина не может оказать воздействия там, где родитель не подходит для этого. Воображение способно на многое; так, если женщина посмотрит на мавра, то и принесет дитя, похожее на мавра⁶; одна женщина, которую я знала, увидела мальчика с двумя большими

4 Шарп путается в терминах: инструментальной причиной обычно именуют один из видов действующей причины в аристотелевой теории каузальности (подробнее см. вступительную статью). Здесь: искаженная цитата из Crooke. 1615: 218.

5 Аристотель. *Historia animalium*. 8.28. 606b.

6 Crooke. 1615: 218.

пальцами на одной руке, и сама родила такого ребенка. Обычно же ум, охваченный страстями, действует на испарения и гуморы, и поэтому формирующая способность оказывается нарушенной избытком гуморов, притекающих к матке; или же испарения направляются в ненадлежащее место. Но у некоторых беременных женщин воображение столь сильно, что оказывает действие, какое не может происходить от чего-либо другого, как у той женщины, что родила ребенка, волосатого подобно верблюду, потому что обычно молилась, преклонив колени перед образом Св. Иоанна Крестителя, одетого в верблюжью шерсть⁷. Трудно сказать, как именно воображение творит такие чудеса, но должна существовать некая сила ума, передающая образ от материнских органов чувств к формообразующей способности, ибо это означает наличие согласия между низшими и высшими способностями. Душа пребывает во всем теле и всех его частях, однако она действует в разных частях, по мере возможности. Дитя во чреве матери имеет собственную душу, однако оно — часть матери, пока не появится на свет, подобно тому, как плод — часть дерева, пока она на нем растет. Следовательно, воображение матери накладывает отпечаток на дитя, но оно должно быть особенно сильным в тот самый момент, когда действует формирующая способность, или же ничего не случится. Однако, поскольку дитя берет часть жизни матери, пока находится во чреве, подобно плоду на дереве, то, что влияет на способности материнской души, может влиять и на дитя. Поэтому у ребенка могут оказаться волосатыми те части тела, на каких волосы расти не должны; на них могут появиться ягоды клубники или тутового дерева, или что-либо подобное; или же их губы могут быть соединены или

7 Crooke. 1615: 218.

расщеплены, и причиной этого порой может быть воображение, искаженное сильными страстями.

Арабы говорят, что воображение может сделать так же много, как и небеса, для зарождения растений и металлов в земле⁸.

Вторая причина — жар или место зачатия, быстро заливающее материю в разнообразные формы. Однако воображение занимает первое место; отсюда и то, что дети похожи на своих родителей.

Глава VI

О сходстве детей и родителей

Согласно философам и врачам, у живых существ есть три формы сходства. Во-первых, сходство вида, то есть, когда порождается создание того же вида, человек — от человека, лошадь — от лошади. Здесь сходство обычно проистекает от материи, а поскольку женская особь обычно привносит больше материи, нежели мужская, больше детей похоже на мать, нежели на отца. Так что от козы и барана рождается козленок, но от козла и овцы — ягненок⁹.

Во-вторых, есть подобие пола, и причина того, что ребенок — мальчик или девочка, заключается в жаре семени; если в смеси мужское семя превалирует над женским, будет мальчик, в противном случае — девочка¹⁰.

В-третьих, есть сходство форм, фигур и других акциденций, так что ребенок благодаря им напоминает больше отца или мать, поскольку эти акциденции больше обнаруживаются в одном из них; это, говорит Гален, происходит от различия частей и сочетания членов¹¹.

8 Crooke. 1615: 218.

9 Crooke. 1615: 226.

10 Crooke. 1615: 226.

11 Crooke. 1615: 226.

Поэтому один — черный, а другой — белый, у одного — высокий лоб или римский нос, а у другого — нет. Иногда ребенок очень похож на отца, иногда — на мать, а зачастую — на них обоих во многих отношениях, порой же — ни на одного из них, но на деда или бабуку. Существует и много примеров тому, как дети похожи на тех, кто не имел к ним отношения, но причиной тому были сильные мечтания матери. Писатели и путешественники говорят, что китайские дети похожи на своих отцов в членах тела и чертах лица, например, лба, носа, подбородка и глаз¹². В некоторых странах, где жены — общие, как, например, у хамитов, мужчины выбирают детей по сходству с ними самими¹³. Существуют также родимые пятна, свойственные некоторым семьям, и видимые на их телах. У потомков Фиеста было пятно в виде краба, а у некоторых — в форме звезды; У фиванцев и спартанцев — копыя. Селевк и его потомки имели искривленные бедра, похожие на якорь¹⁴, а все дети этой развратной потаскухи Юлии, дочь Августа, ходили на нее, потому что она была хитра и не допускала к себе никого, кроме мужа, пока не зачнет¹⁵.

Некоторые придерживаются мнения, что все это происходит от силы воображения; так это определяет Эмпедокл¹⁶ и Парацельс, причем последний считал, что чума заразна только для тех, кто в это верит. Однако арабы приписывают так много власти воображению, считая, что оно может изме-

12 **Crooke.** 1615: 226.

13 **Crooke.** 1615: 226.

14 **Crooke.** 1615: 226. Джейн Шарп повторяет ошибку Крука. Источник истории — Юстин (Эпитомы, 15. 4. 1-6), и в его тексте речь идет о родимом пятне в форме якоря на бедре у Селевка и его потомков.

15 **Crooke.** 1615: 226. Источник этой истории — Макробий (Сатурналии, 7.5)

16 **Crooke.** 1615: 226. Парацельс не упомянут в книге Крука. О Парацельсе Джейн Шарп, скорее всего, узнала из книг Николааса Калпепера, являвшегося его последователем.

нить деяния природы, исцелять болезни, творить чудеса; они приписывают ему так же много, как богословы — присутствию веры, для которой нет ничего невозможного, но я не могу полностью разделить их мнения.

Воображение могущественно у всех живых существ, ибо благодаря ему овцы Иакова зачинали ягнят с крапинами и пятнами, когда перед ними во время случки были поставлены очищенные от коры прутья¹⁷.

Гален научил эфиопа, как получить белое дитя, поставив перед ним картину, чтобы на нее смотрела его жена¹⁸.

Верны и мнения тех, кто называет причиной сходства движение семени и формирующая способность. Таково суждение Аристотеля¹⁹. Мы не отрицаем, что оба мнения могут быть верными, поскольку без этого воображение ничего не может сделать, и сходство вырабатывается воображением через формирующую способность, так что они оба сочетаются в этом деле. Душа находится в семени, а оно создает дом для себя, ибо все признают наличие формирующей способности, и эта способность должна происходить от некоей субстанции, скрытой в семени, хотя она и не проявляется немедленно из-за отсутствия органов, совершающих действие. Для формирования ребенка необходимы три вещи.

1. Плодоносное семя обоих полов, в котором помещается душа с ее формирующей способностью.
2. Материнская кровь, питающая его.
3. Хорошее состояние матки для совершенной работы.

Если чего-либо из этого не хватает, вы не должны ожидать совершенное дитя. Что же касается родимых пятен, или

17 Быт 30:39

18 Crooke. 1615: 226.

19 Аристотель. De generatione animalium. 4.3. 767a-768b.

сходства с родителями, иногда это качество какое-то время скрыто в семени и не проявляется, а затем дитя начинает напоминать тех, от кого оно происходит, через много поколений. Так, у Елены была белая дочь от черного мужчины, однако у этой дочери родился черный сын, формирующая способность сохранялась в семени, и была пробуждена новым воображением²⁰.

Привитые растения, как показывает опыт, приносят плоды в соответствии с природой привоя, но посеянные семечки этого плода принесут плоды в соответствии с видом подвоя. Привейте абрикос к груше и получите абрикосы, однако из косточки этого абрикоса вырастет груша. Если формирующая способность свободна, дети будут похожи на своих родителей, но если она подавлена или искажена воображением, форма последует за более сильной способностью. Если мать жаждет фигов, роз, или чего-либо подобного, дитя иногда отмечено таким образом. Авиценна приводит причину этого, говоря, что воздушные испарения, подвижные сами по себе, легко возбуждаются фантазиями, смешиваются с питающей ребенка кровью и отпечатывают на нем это сходство из воображения. Это глубокое размышление, но его можно сравнить и представить нашему пониманию при помощи двусмысленных порождений в воздухе, где благодаря формирующим способностям небес появляются лягушки, мухи и им подобные. Таковы формы, которые воображение посылает отпечатанными на эманациях света, потому что подвижные эманации получают вес формы от воображения, а семя, проходящее через все члены и заимствованное у всего тела, сохраняет все их образы.

20 Crooke. 1615: 226.

SUMMARIES

A.A. SAZONOVA

VOICES OF RELIGIOUS WOMEN, ANIMALS AND MUSICAL INSTRUMENTS IN THE AUTHOR'S NARRATIVE OF ALDHELM

The present article deals with two interesting aspects of Latin writings of Aldhelm from Malmesbury (c. 639–709) — the problem of author's rhetorical voice for female audience of Anglo-Saxon double monasteries and literary expression in his seventh-century narrative for various representations of sound world and musical culture. This prominent churchman established threefold scheme of praising (tripartite division of female spirituality) — virginity, chastity, and marriage, recognizing virginity as the monastic ideal. He used the compositional and structural characteristics of the hagiographic genre for ideological and political purposes in order to defend of double monastery's institution. The literary expression of Aldhelm sounded in different voices in his rhetorical narrative — from the power position of the churchman and the flexible interlocutor in the intellectual dialogue to the skillful manipulation of his author's voice. The particular importance for his working played the themes of animal voices and bee symbols, professional interest in religious singing and the sounding of musical instruments.

A.B. GERSHTEIN

THE KING'S SPEECH": UTTERANCE AND SILENCE OF RUDOLPH OF HABSBURG AS DEVICES TO CONSTRUCT THE IMAGE OF RULER IN THE 14TH CENTURY CHRONICLES

The article analyses the German chronicles of the late 13th — early and mid-14th centuries, and in particular, their descriptions of one episode of the emergence of a false Emperor Frederick II of Staufen in Rhine-region in 1285. How the authors pre-

sented the reaction of the legitimate Roman king Rudolf of Habsburg to a move by the impostor. Why some chronicler “gave a voice” to the king and the other kept him silent in the same circumstances? What kind of conclusion can we made of the fact that all sources contain different words of the king? The only thing in common is that this utterance was made to illustrate the rage of Rudolf. How can utterance and silence help project an image of a “good ruler” or even \a “weak ruler”? Can we regard the speech of Rudolf as a sign of chroniclers' sympathy/antipathy?

O.I. TOGOEVA

“LE DEBAT GRACIEUX ET NON HAINEUX...”. CHRISTINE DE PIZAN AND HER MALE OPPONENTS IN THE DEBATE OF THE ROMAN DE LA ROSE

The article deals with the problem of public debate of the Roman de la Rose that took place in Paris at the turn of the 15th century. The author analyses chronology and details of this debate, the positions of Jean de Montreuil, Gontier et Pierre Col, the supporters of Jean de Meung' misogynic ideas, and the positions of their opponents, namely Christine de Pizan and Jean Gerson, who sharply criticized the main topics of the Roman. She pays special attention to the stylistic features of their correspondence, to the differences of male and female types of discourse, and to the problem of misogyny which is not only well noticeable in the content of the letters sent to Christine de Pizan by her male opponents, but also manifests itself in the form of their messages.

YU.P. KRYLOVA

WITHOUT ANGER AND GRIEF. A FEMALE RULER IN A DIALOGUE WITH HER COURTIER (15TH CENTURY)

The article presents an analysis of the dialogues between allegorical heroes — a female ruler and her courtier in the French

anonymous text: "L'Abuzé en court" (15th century). The article asks questions: how realistic is this dispute, and what the author's plan was? Are we hearing an echo of a real female voice that sounded once, or all remarks are only a fruit of the author's imagination of? Despite obvious literary abilities of the author and fashionable poetic games–mystifications at courts, the studied text allows to draw a conclusion that the author was inspired by his personal experience which formed a basis of this work.

S.YU. PAVLOVA

THE FEMALE VOICE IN THE "MEMOIR" BY HORTENSE MANCINI

The article looks into thematical and stylistic characteristics of the "Memoirs" by Hortense Mancini, a niece of the famous Cardinal Mazarin. These characteristics reveal her female voice oriented towards the model of a courtly conversation, important for the status of a French noblewoman in the second half of the 17th century. At the same time, a unique ironic tone of the memoirist did not fully accommodate either the author's intentions, or the discursive practices of the French court society.

M.V. MOISEEV, K.YU. ERUSALIMSKII

FEMALE VOICES IN THE DIPLOMATIC CORRESPONDENCE OF IVAN IV

The article deals with the gender discourses in Ivan IV's diplomatic correspondence. In the Russian–European diplomacy, female voices were suppressed and limited to the modes of zealous pleading and in the pejorative allusions. The Tsar and his entourage treated diplomacy as a sphere where female voices were unacceptable. He seems to use comparisons with female power, collations with women and the female rule itself — as, for example, in England — for the debasement of the diplomatic partners. Female addressees in the Steppe were mostly Crimean khans and beys'

wives. The largest part of this correspondence in the copy-books of the Posolsky prikaz falls on the period when Ivan IV was married to Kucheny Temriukovna, whose close relatives were in Devlet-Giray and Nogai beys' harems. The main topics of these letters are reconciliation between quarrelling relatives and requests for gifts.

L.B. SUKINA

“FOR IT IS NOT SUITABLE FOR THE VIRGINS TO SPEAK”: THE PHENOMENON OF FEMALE STATEMENT IN THE RUSSIAN CULTURE OF THE 17TH CENTURY

The article deals with the problem of female statements in the age when silence was still traditionally considered a female virtue in Russia. Forms and specific features of women's statements and judgments are examined, in written and visual sources, and situations when a woman might or was forced to speak on her own behalf and in her own voice. Following the sources, separate cases of independent statements of “virgins”, “women” and “honest widows” are studied separately. Due to the socio-cultural characteristics of the epoch, “throwing the verbs” into the external environment was allowed only for those who belonged to the highest social strata — noblewomen, nuns, or women from the elite merchant families. Spheres in which they allowed themselves to have their own judgments were family and religion.

L.P. ZABOLOTNAYA

THE CONSTRUCTION OF FEMALE SUBJECTIVITY IN THE CASE OF PRIVATE CORRESPONDENCE BETWEEN MARIA CANTEMIR AND HER BROTHER ANTIOCH (THE FIRST HALF OF THE 18TH CENTURY)

Female letters form a subgenre of epistolary sources. “Female texts” are a unique source that express the construction of female subjectivity at a particular time, demonstrate the model of female behavior and positioning in family, private and moral life.

They also play an important role in individuation, personification of a character under study. This article is focused on Princess Maria Cantemir; her letters to her younger brother Antioch (1733–1740/43) have been studied. The subject of study — the language of the letters, the style of text, the character and manner of narration. The use of the method of new biographical history and gender approach helps turn the complex study towards the reconstruction of the life story and of this woman.

A.YU. SEREGINA

FEMALE VOICES IN THE ENGLISH CATHOLIC COMMUNITY OF THE 16TH – EARLY 17TH CENTURIES

The article presents a study focused on the descriptions of preaching by English Catholic women in the 16th — early 17th centuries in the sources of various genres. It has been shown that all representations of the sound of voices and the manner of delivery of sermons and/or religious instruction by women always contained male metaphors and comparisons. Preaching belonged to public sphere and, consequently, could only be described in male images, regardless of the sex of the preacher.

V.S. TROFIKOVA

FEMALE VOICE AND FEMALE DUMBNESS IN “DUMB VIRGIN” BY APHRA BEHN

The article discusses the functions of female voice and female silence in “The Dumb Virgin”, a novella by the first English professional woman writer Aphra Behn. The novella is considered in the context of other works of European literature produced by the late 17th century, above all, fairy-tales by Charles Perrault and Catherine Bernard. The uniqueness of Behn’s work is pointed out: in the Restoration period (1660–1689) only one more work appeared, which dealt with a dumb woman (a woman pretending to be

dumb) — a play “The Dumb Lady” by John Lacy. The main 16th and 17th-century works on the works about the teaching of deaf-and-dumb are discussed, and first of all, those by English authors. Female dumbness is an imperfection in Behn’s opinion, while voice is connected with natural human attractions, for example, love to a brother. The issue of temptation in the novella is connected with vision, and not with hearing. Voice enables to express feelings, to reveal the truth and to vindicate a criminal.

A.V. STOGOVA

A PORTRAIT OF FEMALE VOICE IN THE 17TH-CENTURY FRENCH SALON CULTURE

The article is focused on the perception of female voice in the French culture of the second half of the 17th c. in collection to salon culture. Its characteristics relevant for this study are a special role of women, and the status of conversation as the basis of courtly communication; thus, it can be studied as a new space for female voices. The article presents an analysis of the characteristics of female voices revealed in literary portraits, which, in their turn, were creations of the salon culture. The author focuses her attention on discrepancy between meaning and sound of pronounced words viewed as a mechanism of manipulation used by women on men. This problem is addressed by Charles Perrault in the “Portrait of the Voice of Iris”, untypical for the genre of literary portraits.

S.V. MIKHAILOVA

EMANCIPATION THROUGH CREATIVE WORK: LITERARY OBJECTIVATION OF FEMININE IDENTITY

Objectification of feminine identity flows from writing, which we treat as a deliberate act, which reflects the intent of female writers to find and achieve their author's identity, form

their own discourse community, and have an impact on the evolution of language and literature through the agency of their own literary writing. Thus, writing is a form of socializing, and a method of self-actualization and feminine self-identification. Assuming literary writing to be a feminine subjective act, when a female writer apperceives and (re-)creates herself through her writing, we consider female writing to be one of the path courses to the intellectual emancipation of women.

E.A. POTEKHINA

SPECIFICITY OF GENDER IMAGES IN THE NOVEL “REBECCA” BY DAPHNE DU MAURIER, AND IN ITS SCREEN VERSIONS

The author considers the specificity of gender images in the novel “Rebecca” by Daphne du Maurier, and the way these images are represented in screen versions of 1940, 1997 and 2008 and analyzes the specific features of gender interaction in terms of patriarchy.

N.YU. BIKEEVA

MINIMA OMNIUM MINIMARUM: BAUDONIVIA — A MEROVINGIAN NUN AND HAGIOGRAPHER

The article analyses the Life of St Radegunde (7th c.) written by her younger contemporary Baudonivia, a nun of a Poitier convent founded by the saint. The Russian translation of the text is presented. The work by Baudonivia is compared to another Life of St Radegunde, compiled by Venantius Fortunatus; rhetorical strategies of the author are revealed, as well as aims and causes of its compilation

A.YU. SEREGINA

THE RECEPTION OF ARISTOTELIAN IDEAS OUTSIDE OF UNIVERSITIES IN THE 17TH CENTURY ENGLAND: JANE SHARP AND THE BOOK OF MID-WIVES (1671)

The article analyses the Book of Midwives by Jane Sharp and its sources. The comparison between the Book of Midwives and its main source, the Microcosmographia by Helkiah Crook, reveals the mechanism of the reception of Aristotelian ideas by women who remained outside of the Latin culture of universities. A translation of chapters 5 and 6 of Part II into Russian is offered to the reader.

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРАМ

В альманахе гендерной истории «Адам & Ева» публикуются различные материалы по гендерной исторической проблематике: исследовательские статьи и сообщения (включая публикацию источников), историографические и тематические обзоры, рецензии, научные хроники. К рассмотрению принимаются материалы по всем аспектам гендерной истории, без ограничений по хронологии и региону исследования.

Альманах выходит один раз в год (ноябрь–декабрь). Объем каждого выпуска альманаха составляет около 20 а.л.

Все материалы, присланные в редколлегию, проходят внутреннюю рецензию. Материалы, оформленные не в соответствии с указанными ниже правилами, *не принимаются* к рассмотрению. При передаче рукописи статьи для опубликования в альманахе презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте альманаха в системе Интернет, а также данных об авторе (ФИО, место работы, должность, e-mail), аннотаций статьи на русском и английском языках и ее титула, списка использованных источников и литературы в отечественных и международных базах данных (РИНЦ, Web of Science, Web of Knowledge).

Прием статей и других материалов для публикации в альманахе осуществляется круглый год. Текущие выпуски формируются из статей, присланных в редакцию до конца июня каждого года. Материалы можно высылать на электронный адрес редакции: genderhistory@gmail.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Объем статьи или заметки от 0,5 до 2 а.л. (20 000 — 80 000 знаков, включая пробелы между словами). Гарнитура текста — Cambria (заголовки), кегль 11. Если Вам необходимо использовать особые символы, пожалуйста, пришлите дополнительные шрифты одновременно со статьей.

Вместе со статьей необходимо прислать:

- краткие (один абзац до 1 000 знаков) аннотации на русском и английском языках с заголовком, набранным строчными буквами;
- ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- информацию об авторе (Ф.И.О., уч. степень и звание, место работы, должность, контактный телефон, e-mail).

В конце статьи необходимо привести список использованных источников и литературы в алфавитном порядке, а также список используемых сокращений.

Иллюстративные материалы (карты, схемы, рисунки, фотографии) предоставляются отдельным файлом в формате *.jpg (предпочтительно) или *.tiff, *.bmp, *.png.

Сноски даются в подстрочных постраничных примечаниях со сквозной нумерацией. Кегль 9. Просьба не использовать в сносках такие сокращенные формы как: Там же. Он же/Она же. Ibid. Idem/Eadem. Источники и научная литература в библиографическом списке упорядочиваются по алфавиту отдельными списками («источники» и «литература»). В библиографических описаниях возможно использование устоявшиеся аббревиатуры для обозначения изданий, если они расшифровываются в списке сокращений, прилагаемом после списка используемых источников и литературы.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СНОСОК

Фамилия автора или краткое название сборника, библиотеки или архива, где хранится рукопись (жирным шрифтом). Год издания: страница (для видео — минуты)

Иванов. 2008: 34.

Университет для России. 1997: 35.

Эйзенштейн. 1925: 17-19 мин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1750: 5-9.

Ларошфуко. 1993: 39 (**La Rochefoucauld.** 1878: 104)

Patin. 2006. Lettre à C.Spon du 31.03.1649. V.1: 373-374.

Bonnart. s.d. — **Bonnart N. Marie Casimir Reine de Pologne.** s.d. BM. 1917,1208.3557

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ БИБЛИОГРАФИИ

В СПИСКЕ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

✧ Рукопись — Краткое название архива, библиотеки (жирным шрифтом). Данные архивного дела или шифр библиотечного фонда. Название рукописи.

РГАДА. Ф. 96 (Сношения России с Швецией). Оп. 1. Кн. 3.

VL. Add. MS. 5503. Copies of Letters of Frances Bacon.

✧ Видео — Фамилия режиссера или название (жирным шрифтом). Год выхода. Тире. Фамилия режиссера. Название. Год создания.

Тарковский. 1983 — **Тарковский А.А. Борис Годунов.** 1983.

Rickman. 2015 — **Rickman A. A Little Chaos.** 2015

✧ Книга — Фамилия автора. Год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора курсивом. Название. Место издания. Год издания.

Вайнштейн. 2006 — **Вайнштейн О. Денди: мода, литература, стиль жизни.** М., 2006.

Монтень. 1960 — Монтень М. Опыты: в 3 кн. / Пер. и примеч. Ф.А. Коган–Берштейн, А.С. Бобовича. М., 1960. Т. II. (Литературные памятники)

Apps, Gow. 2003 — Apps L., Gow A. Male Witches in Early Modern Europe. Manchester, 2003.

✧ Статья в сборнике статей — Фамилия автора (жирным шрифтом) и год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора. Название статьи (без точки), две косые черты, название сборника, косая черта, редактор (инициалы, затем фамилия). Место издания. Год издания. Страницы.

Градскова. 2003 — Градскова Ю. «Освобождение женщины» — гендерный анализ репрезентаций женской телесности в годы культурной революции (по материалам журналов 1920-х годов) // Репрезентации телесности: сборник научных статей / Под ред. Г.И. Зверевой. М., 2003. С. 148-160.

Bruard–Arends. 2004 — Bruard–Arends I. De l’auteur à l’auteure, comment être femme de lettres au temps de Lumières // Intellectuelles : du genre en histoire des intellectuels / Sous dir. de N. Racine et M. Trebitch. P., 2004. P. 73-84.

✧ Статья в журнале — Фамилия автора (жирным шрифтом) и год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора. Название статьи (без точки), две косые черты, название журнала (полное или аббревиатура, вынесенная в общий список сокращений). Год издания. Том. Номер. Страницы.

Руднева. 2010 — Руднева Я.Б. Женские саморепрезентации в деловой документации начала XX века // Диалог со временем. 2010. Вып. 31. С. 98-131.

Schaps. 1982 — Schaps D. Women of Greece in Wartime // Classical Philology. 1982. Vol. 77. № 3. P. 193-213.

✧ Интернет источники — Описываются так же, как вышеуказанные типы. Название интернет-портала: гиперссылка (дата последнего обращения)

Annibale Pocaterra. 1592 – Two dialogues on shame. English translation of: Annibale Pocaterra Due Dialogi della Vergogna Ferrara 1592. Herzog August Bibliothek: <http://diglib.hab.de/edoc/ed000237/start.htm> (12.08.2016)

Tabloid: Sex in Chains. 2012 – Morris E. Tabloid: Sex in Chains. 2012. BBC: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b01f13f6> (28.05.2017)

Swope. 1961 – Swope M. Ethel Ayler in the stage production The Blacks. 1961. The New York Public Library (Martha Swope photographs): <https://digitalcollections.nypl.org/items/2ec90590-438e-0133-17e9-00505686a51c> (21.12.2016)

Редколлегия

АДАМ & ЕВА
Альманах гендерной истории
2017
№ 25

Л.Р.ИД №01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано в печать 6 декабря 2017 г.

Гарнитура Таймс. Объем – 22,3 п.л.

Тираж 300 экз.

Заказ №